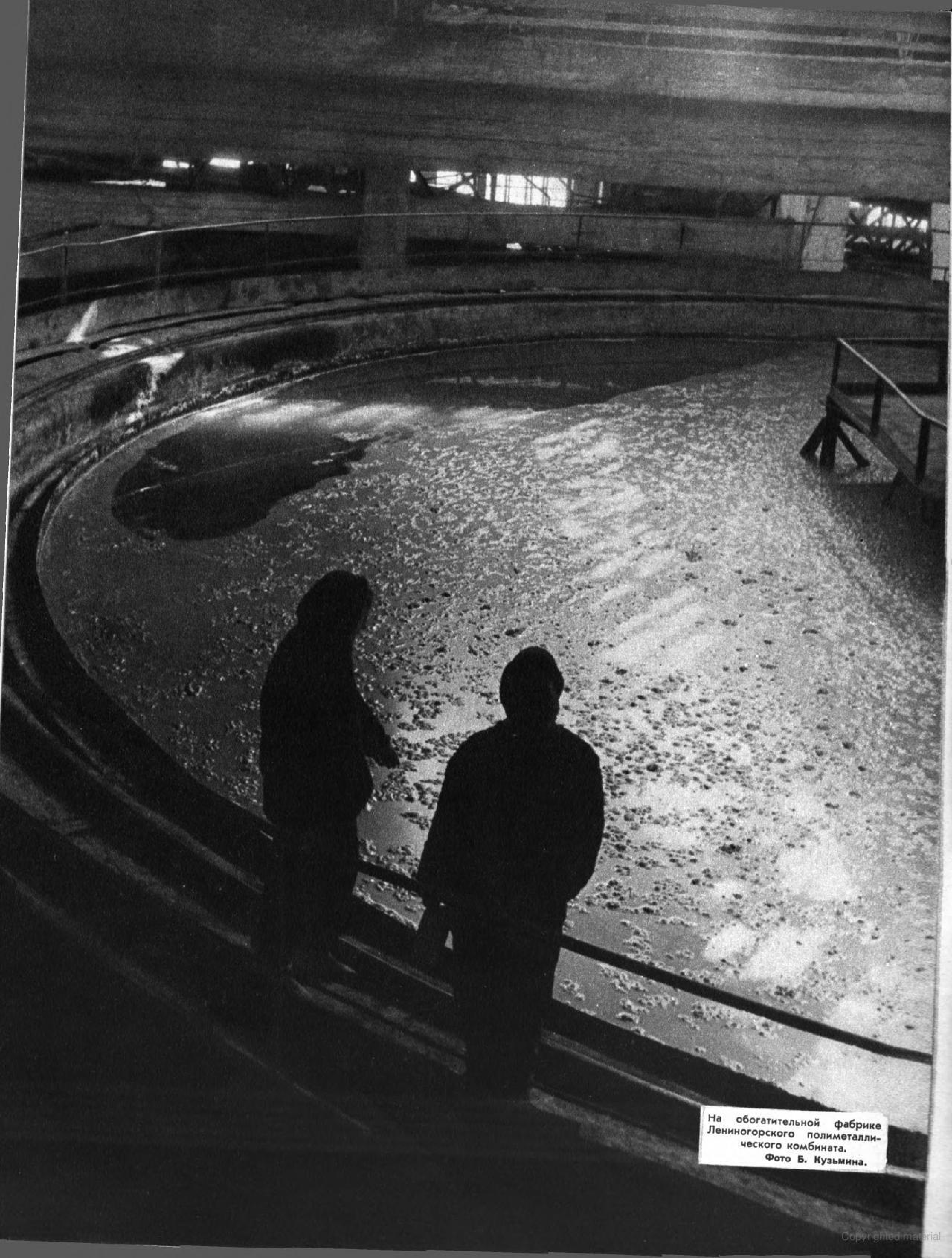
ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В. И. ЛЕНИН.

Рисунок Н. А. Андреева.
(Центральный музей В. И. Ленина.)

Copyrighted material



На обогатительной фабрике Лениногорского полиметаллического комбината.
Фото Б. Кузьмина.

Copyrighted material

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

22 АПРЕЛЯ 1956

34-й год издания

№ 17 (1506)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

22 апреля 1870 года родился Владимир Ильич Ленин

В ЛЕНИНОГОРСКЕ

«Сами управимся...»

11 сентября 1921 года Владимир Ильич Ленин, узнав о приезде в Москву управляющего Риддерскими рудниками, попросил в записке к секретарю организовать свидание с этим товарищем. Встреча Ленина с управляющим произошла между 12 и 17 сентября. Сохранилась запись этой беседы, сделанная самим Ильичем. В ней говорилось, что бывшие владельцы

«залили рудники
---и увезли нек[оторые] важные части
---мы частью откачали
---построили плотину и *можем* достроить эл[ектрическую] станцию (100.000 л[ошадиных] сил)
2 сильные реки, Ульба (?) и Граматуха?
---500.000 пудов руды
добыли в 4 мес[яца]
7% меди
? 16 свинца
? 10? цинка...»

За этой краткой, отрывистой записью — не раз повторявшаяся в России грустная история того, как царизм отдавал несметные богатства нашей земли на откуп иноземцам. Так случилось и с сокровищами рудного Алтая, в частности с одним из самых его ценных месторождений, Риддером, открытым еще в конце XVIII века двумя братьями Федоровыми, рыбаками и охотниками... Риддер, названный так по имени барнаульского геолога Филиппа Риддера, тщательно обследовавшего этот кусок русской земли, побывал во владении у ряда иностранных компаний, а перед первой мировой войной был прибран к рукам англичанином Лесли Уркартом. Но обосноваться ему на Алтае помешали некоторые не предвиденные им обстоятельства. То были события 1917 года...

Правда, с приходом в эти места Колчака снова появились у Уркарта какие-то виды на будущее. И столь же быстро растаяли: колчаковцы были изгнаны. Уходя с ними, агенты Уркарта успели все-таки затопить рудники, поломать оборудование. Но остались люди, и жизнь продолжалась! Горняки начали ремонтировать насосы для откачки воды, начали добывать руду с незатопленных горизонтов. Приехал назначенный советскими властями новый управляющий... И тогда снова забеспокоился Уркарт. Он прислал в Совнарком ходатайство о предоставлении ему концессии в Риддере. Просьба была обоснована так: новой, молодой власти, у которой столько забот и еще так мало сил, трудно-де, практически невозможно самой восстановить риддерские рудники, находящиеся в ужасающем состоянии. Забот было действительно по горло, а сил недостаточно. И некоторые товарищи в Совнаркоме склонялись уже к тому, чтобы удовлетворить просьбу Уркарта. Пусть будет пока концессия, а потом, когда страна окрепнет, посмотрим...

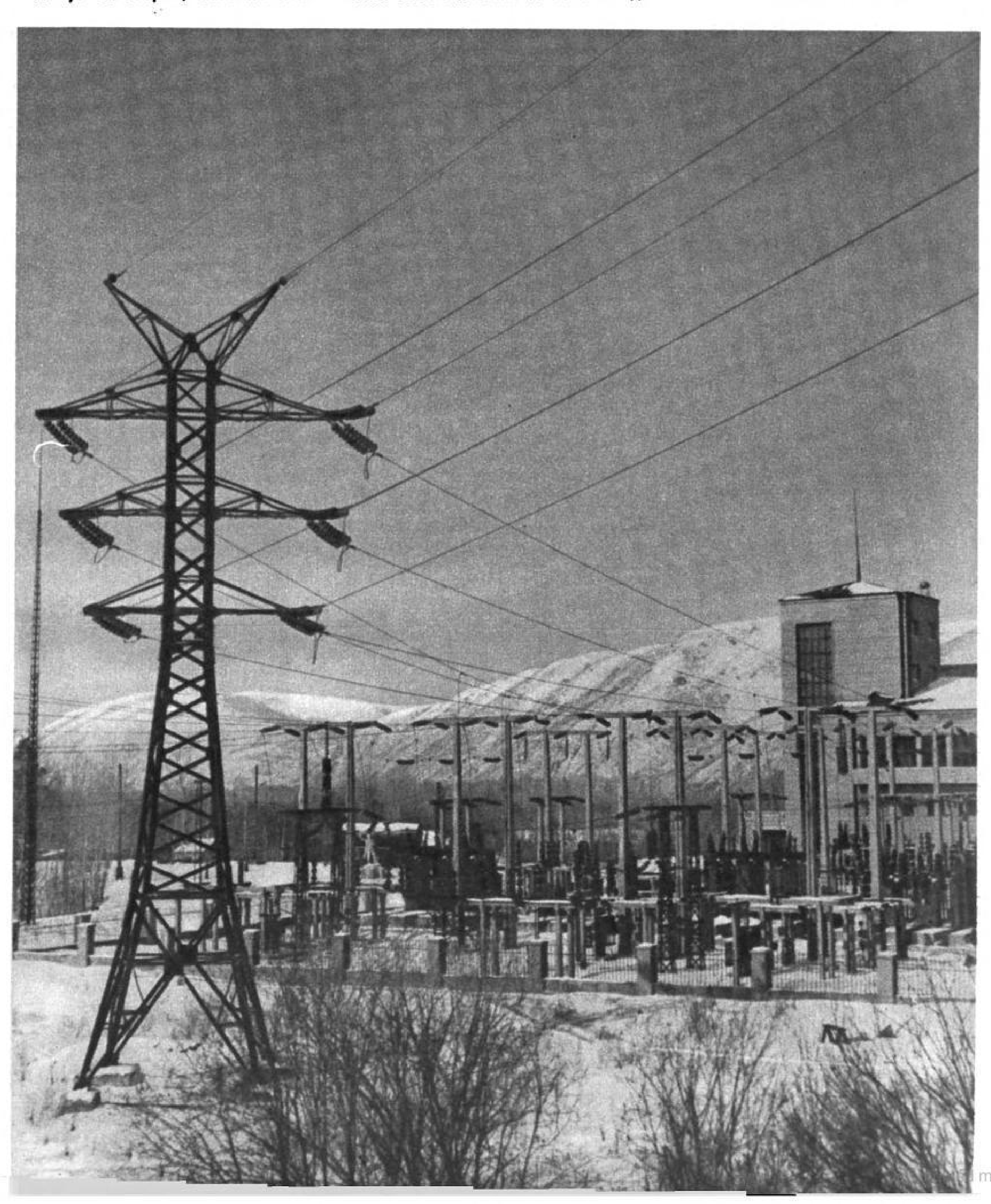
И тут заговорил, заволновался трудовой Риддер. Первой подняла голос партийная ячейка.

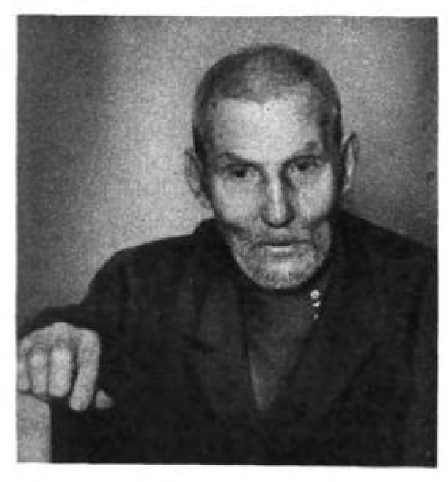
Вот они сейчас перед нами, члены этой славной ячейки, в которой состояли сначала три, потом шесть, потом семнадцать коммунистов и которая разрослась с годами в нынешнюю партийную организацию Лениногорска, насчитывающую не одну тысячу человек.

Мало, совсем мало осталось свидетелей тех памятных событий. Сидят тесным кружком, как, наверно, сидели когда-то на заседаниях своей ячейки. И хотя младшему из них шестьдесят семь, а старшему девяносто два, совсем по-молодому горячатся они, спорят, перебивают друг друга, вспоминая минувшее.

Первым партийным секретарем был в Риддере Андрей Шипунов, слесарь. Это ему, Андрею Петровичу, девяносто два года сейчас. Передвигается с трудом, почти не выходит на улицу, но узнав, что собираются старики, его товарищи по ячейке, тоже пришел,

Ульбинская ГЭС.





— Ну вот, собрались однако, — говорит А. П. Шипунов.

опираясь на палку и поддерживаемый сыном, которому шестьдесят семь... И память уже не та, и язык не всегда слушается, но с помощью друзей Шипунов-старший постепенно вспоминает все, как было...

— Черепанова забыл, — говорит С. Л. Тихоновский.

— Узнали мы, коммунисты, что Лесли снова желает к нам пожаловать... Собрались, как сейчас. А кто был, запамятовал...

— Ты был однако, Семен Львович был, Степан Шишкин и Саша Карпусенко, я пришел... — говорит Александр Петрович Иванов, бывший в свое время первым председателем Риддерского волисполкома.

— Черепанова забыл, — вставляет словечко Семен Львович Тихоновский.

— «А теперь уж как-нибудь сами управимся», — вспоминает о письме к Ленину А. П. Иванов.

— Ну вот, собрались однако... Что, думаем, делать? Как от Лесли избавиться? То ли ты, Семен, то ли Карпусенко, кто-то, словом, предложил петицию послать Ленину.

— Вот уж петицию...— перебивает Иванов.— Петиции, брат, только царям направляли. А Ленину мы просто письмо решили отписать, как какому близкому пишут. В тот же вечер сообща и сочинили. Всю историю Риддера поведали, как мы тут натерпелись от разных приблудных. «А теперь уж как-нибудь сами управимся, дорогой Ильич. Не бессильные...» — написали мы. А на другой день прочли это письмо всему народу. Одобрили люди. Запечатали мы конвертик, и в Москву! А скоро поехал туда наш управляющий.

И письмо дошло, и управляющий доехал. Выслушав его, Ленин решил направить в Риддер авторитетную комиссию и сам подбирал в нее людей. Сохранилась такая его записка:

«Надо послать *Шателена* и *его* группу».

А когда Ильичу сообщили, что комиссия все еще в Москве, он не на шутку рассердился:

«Случайно я узнал, ч[то] к[омис]сия (по делу о концессии Уркарта) до сих пор не уехала!

Это чудовищная волокита, верх безобразия...

Если ВСНХ будет терпеть такую волокиту, тогда надо бросать всякое «строительство».

Комиссия поехала, и ее председатель увозил с собой мандат, в котором Ленин, обращаясь к «партийным товарищам Сибири, Урала и Киргизистана», просил оказать «комиссии и всем ее членам *всяческое* и *всестороннее* содействие. Дело имеет громадную общегосударственную и общефедеративную важность».

В Риддере москвичи увидали затопленные стволы шахт, поломанные машины. Но они увидели и неподдельный энтузиазм горняков, которые вручную откачивали воду, таскали в мешках руду...

И комиссия доложила об этом Совнаркому, Ленину. Правительство отказало в концессии.

Вот было-то радости на рудниках! Еще горячей пошла работа!

Владимир Ильич сказал по этому поводу так:

«Мотивировка нашего отклонения договора с Уркартом выразила непосредственно, можно сказать, не только общепартийное, но именно общенародное настроение, т.-е. настроение всей рабочей и всей крестьянской массы».

...Старики говорят, что Ленин спас Риддер, который стал Лениногорском.

Три брата

— Пятьсот тысяч пудов руды добыли в четыре месяца...

Наш собеседник, бригадир забойщиков Быструшинского рудника Константин Алексеевич Миронов, прочел вслух эту ленинскую запись и тут же со свойственной ему порывистостью воскликнул:

— Здорово однако!.. Это при той-то технике. Молодцы ребята!

Густые пшеничные усы прибавляют бригадиру возраст. Ему нет тридцати, он родился на пять лет позже событий, о которых мы только что рассказывали. Но этот сравнительно молодой человек повидал жизнь. Впрочем, пусть сам об этом говорит:

— Наш отец, Алексей Феоктистович, кузнецом был на золотых приисках. Надорвался, поломал спину, слег. Кто пойдет зарабатывать? Нас трое братьев. Я средний. Старший — Николай. Меньшой — Мишка. Полагалось бы старшому в шахту. Но он тогда хилый был, а я удалой. И пошел в бурильщики прямо из пятого класса, тринадцати лет. Попал в обучение к Якову Андреичу Черданцеву, папашиному приятелю. Он меня жалел по малолетству. Не приставлял к трудной работе. А во мне уже играла сила, рвался я к самостоятельности... В то время первые перфораторы появились, бурильные молотки. Пришла путевка на скоропспешные курсы. Меня посылают. Два месяца одолевал науку. Вернулся на шахту, а профсоюз возражает: в забой, говорят, Миронову нельзя, годов маловато. Поставили на фабрике к машине, которая золото из руды извлекает...

Тут война. Люди уходят на фронт. И посылает меня райком комсомола из-за нехватки кадров председателем старательской артели. Представляете, шестнадцати лет — председатель. А под началом у меня старики, зубры, можно сказать, всю жизнь золото моют. Ничего, подчинялись. Немало мы золотишка разведали и намыли. Как забрали переходящее знамя, так и не отдали.

В сорок третьем — на фронт. Николай уже два года воевал. В кавалерии. Командиром эскадрона. А меня в пехоту. Не доехал до передовой, как уже был раненый. Разбомбили теплушку. Обидно! Но потом уж ни разу меня пуля не тронула. А ведь все время был в боях — от Ленинграда до Праги дошел. А после всю Маньчжурию пересек... С Николаем мы переписывались. В месяц — письмо. Он все посмеивался над пехотинской моей судьбой. Кавалерист, сабля в зубах... А потом и моя очередь пришла подшучивать. На танк я сел, на стального коня. А он-то, Николай, попрежнему на сивке-бурке. Между прочим, мы с ним вместе в Харбин вошли. Он с северной стороны, я с южной. И не ведали, что рядышком. После уж списались.

Мишка редко писал. Знал я, что он ФЗО закончил горняцкое, стал шахтером, бурильщиком. Я в армию уходил, он еще в семилетке учился. Так он и стоял в моей памяти пацан пацаном, нос в веснушках. Никак я не мог представить его себе в забое, с буром, с карбидкой. А о нем уже слава гремела на весь Лениногорск, на весь Казахстан. В центральных газетах напечатали мишкин портрет, и он попался мне случаем в полковой читальне. Гляжу, глазам не верю, несколько раз перечитываю: «М. А. Миронов, инициатор комплексных методов работы на полиметаллических рудниках». Тогда войны уже не было, я на сверхсрочной оставался. Ужасно завидно было, глядя на мишкину физиономию, распечатанную в тысячах экземпляров.

Демобилизовался. И куда, думаете, попал? В подчинение к младшему брательнику. Старший, тот после армии по канцелярской линии двинулся, в райсовете работал. А я решил — в шахтеры. Как-никак бурильщик с довоенным стажем. Курсы кончал... Пришел наниматься на Сокольный рудник. Мишка посоветовал. «К нам,—говорит,—новую технику прислали, познакомишься». И добавляет, как мне показалось, с ухмылочкой: «Ко мне попадешь, быстро подучу». Ничего я на это не ответил. Но подумал: «Ах ты, молокосос, давно ли за мамкину юбку держался!..» А в отделе кадров так и получилось. «Вакансия,— сказали,— есть только в бригаде Миронова. Если вы, конечно, бурильщик». Что ж, дал согласие.

В первую же ночную смену выяснилось, что техника в шахте мне совершенно незнакомая, что отстал я от братишки своего ого как!

Теперь, когда я сам в бригадирах, а Михаил у меня в звеньевых, мне легко рассказывать об этом. А тогда коломутно было на душе. Пройти через всю войну и начинать на шахте все сызнова, с буквы «а». Не горько ли? Хотел уж податься на какую-нибудь канцелярскую должность. А потом сказал себе: «Ты же коммунист, ленинец, и струсил. А ну-ка, вперед, Костя!»

Я сейчас бригадиром не пото-

Братья Мироновы (слева направо): Михаил, Константин, Николай.

Copyrighted

Директор Лениногорского каскада ГЭС Иван Васильевич Бердус (справа) и машинист Дюсимбек Акимбеков.

му, что обогнал в мастерстве Михаила. Нет, и он не стоял на месте. Просто меня первым перевели на этот новый рудник. А Михаила позже. Вот он и пошел ко мне в бригаду, чтобы подучиться в новых условиях. И Николай тоже с нами. Не выдержал в канцелярии, сбежал...

Каскад

...Помните, в записи беседы Ленина с управляющим Риддерскими рудниками есть такая фраза: «2 сильные реки, Ульба (?) и Граматуха?»... Владимир Ильич жирно обвел эту строчку, придавая ей, видимо, особое значение.

Да, реки действительно сильные. Особенно Громатуха. Она потому и прозвана так, что весной, с удивительной легкостью неся с горы огромные каменные глыбищи и разбрасывая их по пути, как орешки, грохочет на всю округу.

Ее, эту бурливую алтайку, впрягли в упряжку почти одновременно с Волховом. Они породнились. Гидростанции, поднявшиеся на Волхове и Громатухе, разделенные тысячами верст, положили начало могучей семье советских гидростанций, которой по плану ГОЭЛРО предстояло разрастаться и разрастаться.

Правда, Громатухе немного обидно: плотиной перегорожена она, и вода, которая идет по деривационному каналу и вращает колеса турбин, вся, до последней капельки ее, громатухинская, а станция называется Хариузовской. И это только потому, что из-за рельефа местности здание ГЭС поставили поближе к этой маленькой, слабосильной речушке, славящейся лишь рыбой — хариусом. Несправедливо, конечно, поступили с Громатухой. Но она хоть и обижена, а вот уж без малого тридцать лет, с 20 июня 1928 года, честно и бескорыстно трудится на пользу человечества.

В тот день, 20 июня, у главного щита управления Хариузовской ГЭС дежурил молоденький монтер Ваня Бердус, за месяц до этого окончивший Омский политехникум. Он и включил тогда рубильник...

А сейчас мы едем по Алтайским горам с директором Лениногорского каскада гидроэлектрических станций Иваном Васильевичем Бердусом, и он охотно знакомит нас с обширным своим хозяйством.

К сожалению, мы не можем попасть в это время года на самую высокогорную станцию каскада, на его первую ступень, Малоульбинскую ГЭС. Она стоит на вершине «белка» (а «белками» здесь зовут горы, на которых никогда не тает снег) и вырабатывает электричество за облаками, на высоте 1 800 метров от уровня моря. Сейчас все перевалы забиты снегом, хребты обледенели, и проникнуть к Малоульбинке могут только самые рисковые лыжники. К таковым принадлежит и Бердус, который изредка навещает зимовщиков. Их там шестнадцать. Им вверена не только станция. Они наблюдают также и за большим искусственным водохранилищем, образованным из горных речушек и питающим зимой весь каскад.

Сегодня утром Иван Васильевич звонил при нас туда, за облака, интересовался, как ведет себя Громатуха. Ее весеннее пробуждение нельзя прозевать. Нужно во-время закрыть щиты на деривационном канале, чтобы камни и льдины, которые река потащит с верхотуры, пронеслись прямо в Иртыш, не задев гидротехнических сооружений...

Вторая ступень каскада — Хариузовская ГЭС, «старушка», как ласково называет ее Бердус. Но на старости лет она стала сильнее, чем в молодости: ей прибавили четвертую турбину. Из первых трех, поставленных в двадцать восьмом году, две были шведские и одна своя, отечественная. Ее собрали в Ленинграде, на Металлическом заводе, который не был еще в состоянии изготовить турбину для Волхова, а для Громатухи уже смог. Так что эта машина — одна из самых первых советских гидротурбин. «Шведки» оказались очень хороши: они трудились безукоризненно двадцать два года, и лишь на двадцать третий пришлось сменить их износившиеся колеса. «Ленинградка» же работает двадцать восемь лет. На складе лежит запасное колесо, но в нем нет пока надобности.

Дежурный по главному щиту сообщает Ивану Васильевичу о состоянии дел на станции. Все в ажуре: напор воды вполне достаточный. А в зимнее время это самая большая забота — чтобы воды хватило.

— Как на Тишинке? — спрашивает Бердус.

— Тоже нормально. Вот взгляните...

И мы подходим к доске с приборами. Они «докладывают» нам обо всем, что делается в сию минуту на Тишинской ГЭС — третьей ступени каскада. Эта станция полностью телеуправляема. Командуют ею отсюда, с Хариузовки, за семь километров. Ну, а если что-нибудь срочное, требующее немедленного вмешательства? Машины не растеряются, сами поднимут тревогу, зазвонят во все звонки, и этот сигнал услышит у себя дома дежурный техник. Добежать ему — две минуты. Но пока еще за шесть лет ни разу не было такой тревоги.

Мы проезжали потом мимо Тишинки. Двери на замке. Подошли к дверям, прислушались. Из машинного зала доносилось спокойное, ровное дыхание генераторов...

И вот перед нами четвертая, самая нижняя, ступень каскада, Ульбинская ГЭС. Как не трудно догадаться по названию, она стоит на Ульбе, с которой сливается Громатуха. Петляя и кружа в горах, обе долго бежали навстречу друг другу и теперь, словно взявшись за руки, собрались было неторопливо пересечь долину, чтобы вынести свои воды к Иртышу. Но путь перекрыт плотиной. Ульбе это в диковину: ей еще никто не мешал в дороге. А Громатуха — испытанный боец. Была у нее на пути и плотина, были и трубы, куда ее загоняли, а она опять вырывалась на простор; были турбины — всякое, словом, было. Ей ничего не боязно. Она увлекает, подхватывает за собой неопытную Ульбу, и обе, одна бесстрашно, другая безрассудно, устремляются вниз, падая на лопасти турбин.

Тут три турбины — все ленинградские, с Металлического завода. До недавнего времени Ульбинка была самой мощной гидростанцией в Казахстане. А нынче пальму первенства перехватила у нее Усть-Каменогорская — родоначальница Иртышского каскада.

— Когда шла на Иртыше стройка, мы ей электроэнергию подавали,— с гордостью говорит Бердус.— А теперь наш каскад в одном кольце с Усть-Каменогорской. И вместе с ней питаем новое строительство, Бухтарминское.

В машинном зале застаем старого Дюсимбека Акимбекова. По тому, как он, неслышно ступая, чуть склонив набок голову, идет вдоль генераторов, нетрудно угадать в нем бывалого охотника. Дюсимбек, хоть ему почти шестьдесят, и сейчас не упустит рыси в горах и не прозевает беркута в небе... Сегодня он особенно насторожен. Сегодня первый день, как уехал в отпуск старший машинист Шевченко и оставил Дюсимбека за себя. Очень ответственная вахта у старика! Не будем его отвлекать. Постоим в сторонке и понаблюдаем, как снова и снова обходит он генераторы. Вот остановился, еще сильнее склонил набок голову и приставил ладонь к уху. Видно, хочет услышать, как рождается электричество...

Электричество!

Ого, сколько его нужно, этому городу, этому красавцу Лениногорску, который со своими рудниками, обогатительными фабриками, свинцовым заводом, кварталами современных жилых домов, парками, домами культуры широко раскинулся в Алтайских горах, где когда-то ютился темный и грязный поселок Риддер.

А. СТАРКОВ
Фото Б. Кузьмина.

Статуя В. И. Ленина у здания Горнометаллургического техникума.

ВИЗИТ ДРУЖБЫ

С 18 апреля по приглашению Правительства Великобритании в Англии гостят Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Член Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев.

Выехав из Москвы 14 апреля, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев 15 апреля прибыли в Балтийск, откуда на крейсере «Орджоникидзе» отправились в Портсмут. 18 апреля советские гости прибыли в Портсмут, а отсюда поездом выехали в Лондон.

В Лондоне Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева встречали Премьер-Министр Великобритании сэр Антони Иден, министр иностранных дел Селвин Ллойд, старейшина дипломатического корпуса в Лондоне посол Норвегии Пребенсен и другие. Сэр Антони Иден и Н. А. Булганин обменялись речами.

Огромная толпа лондонцев приветствовала советских гостей, когда они направлялись в предоставленную им резиденцию — отель «Клэридж». Здесь также советских руководителей ожидало множество жителей Лондона.

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев на борту крейсера «Орджоникидзе».

Фото А. Сергеева.

Copyrighted material

ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ В АНГЛИЮ Н. А. БУЛГАНИНА и Н. С. ХРУЩЕВА. На снимках: товарищи Г. К. Жуков, Д. Т. Шепилов, М. З. Сабуров, А. И. Микоян, Г. М. Маленков, М. А. Суслов, Л. М. Каганович, А. И. Кириченко, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Е. А. Фурцева, Л. И. Брежнев, М. Г. Первухин на перроне Белорусского вокзала. Товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев в вагоне.

Фото А. Гостева.

ПРИБЫТИЕ В АНГЛИЮ Н. А. БУЛГАНИНА И Н. С. ХРУЩЕВА. Встреча на вокзале Виктория. Антони Иден обменивается рукопожатием с Н. А. Булганиным. Справа — Н. С. Хрущев.

Фото Планет-Ньюс (снимок получен по фототелеграфу).

У АППАРАТА ЛОРД-МЭР ПОРТСМУТА

18 апреля, в 2 часа 30 минут по московскому времени, редакция журнала «Огонек» связалась по телефону с муниципалитетом Портсмута — главной военно-морской базы Англии. К аппарату подошел лорд-мэр города сэр Джордж А. Дэй.

Приводим запись беседы корреспондента «Огонька» с лорд-мэром Портсмута.

«ОГОНЕК». Здравствуйте, господин Дэй! Мы очень рады слышать ваш голос.

ЛОРД-МЭР ПОРТСМУТА. Я тоже рад слышать вас.

«ОГОНЕК». Скажите, пожалуйста, когда прибывает в Портсмут крейсер «Орджоникидзе»?

ЛОРД-МЭР ПОРТСМУТА. Он уже здесь!

«ОГОНЕК». Давно прибыл?

ЛОРД-МЭР ПОРТСМУТА. Только что... Я стою возле окна моего кабинета и вижу отсюда ваш крейсер.

«ОГОНЕК». Что происходит сейчас перед вашими глазами?

ЛОРД-МЭР ПОРТСМУТА. Во-первых, я вижу сотни автомобилей. Англия встречает советских гостей. Нам очень приятно, что они прибыли в Портсмут.

«ОГОНЕК». Вы сказали: во-первых. Ждем продолжения.

ЛОРД-МЭР ПОРТСМУТА. Во-вторых, сейчас премьер Булганин обходит почетный караул королевских военно-морских сил.

«ОГОНЕК». Какова программа пребывания Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Портсмуте?

ЛОРД-МЭР ПОРТСМУТА. Они пробудут здесь очень недолго. Скоро они отбывают в Лондон. Сейчас я собираюсь на вокзал и буду иметь честь приветствовать там советских гостей и проводить их в столицу.

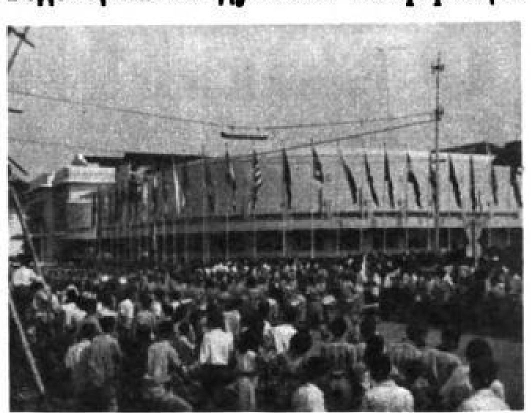
«ОГОНЕК». Господин Дэй, мы будем вам очень благодарны, если вы сможете высказать свое мнение о значении визита Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Англию.

ЛОРД-МЭР ПОРТСМУТА. Когда я смотрю на крейсер «Орджоникидзе», я вспоминаю визит в Портсмут отряда военных кораблей СССР осенью прошлого года. Мы всегда с удовольствием вспоминаем об этом. Мы очень рады, что теперь в нашу страну прибыли советские руководители. Мы надеемся, что их визит даст большие результаты и будет способствовать улучшению отношений между нашими странами.

«ОГОНЕК». Большое спасибо за ваши ответы, господин Дэй.

ЛОРД-МЭР ПОРТСМУТА. Всего наилучшего.

Годовщина Бандунгской конференции



Год тому назад с 18 по 24 апреля в индонезийском городе Бандунге проходила Конференция стран Азии и Африки, созванная по приглашению премьер-министров Бирмы, Цейлона, Индии, Индонезии и Пакистана. Впервые в истории представители 29 стран азиатского и африканского континентов, в которых проживает более половины всего человечества, собрались для того, чтобы рассмотреть общие для них проблемы. Год, прошедший с тех пор, показал, что решения Конференции содействовали ослаблению международной напряженности и поддержанию всеобщего мира.

На снимке: в день открытия Бандунгской конференции. Армейский оркестр встречает делегатов.

Национальный праздник Сирии

17 апреля сирийский народ отметил свой национальный праздник — День эвакуации. Впервые этот день праздновался десять лет тому назад, когда последний иностранный солдат покинул территорию независимой Сирии. В связи с этим национальным праздником 16 апреля по Московскому телевидению выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол Сирийской Республики в СССР г-н Жамаль Фарра.

На снимке: г-н Жамаль Фарра в студии Московского телевидения.

В. И. Ленин в Горках. Август—сентябрь 1922 года.

В ЛЕНИНСКОМ СТРОЮ

Т. КРИВОВ

Автор этих воспоминаний, Тимофей Степанович Кривов,— член КПСС с 1905 года. Недавно Президиум Верховного Совета СССР наградил Т. С. Кривова, в связи с 50-летием общественно-политической деятельности и отмечая его активное участие в революционном движении, орденом Ленина.

Минувшей осенью старого моего друга Ивана Леонтьевича Мавринского, с которым мы знакомы более полувека, можно было застать на его московской квартире за несколько необычным занятием. На своем маленьком домашнем токарном станочке он вытачивал чугунную оболочку для бомбы... Делал это Иван Леонтьевич по просьбе работников Уфимского краеведческого музея, которые готовили экспозицию к 50-летию первой русской революции. Они собирались выставить образцы оружия, которое было в распоряжении боевых дружин 1905 года. А у Мавринского, бывшего в то время начальником такой дружины в железнодорожных мастерских в Уфе, сохранился каким-то чудом чертежик, по которому мы, боевики, изготовляли тогда бомбы. Чугунные стаканы мы растачивали, помню, прямо в цехе. Мне, как слесарю, была поручена подгонка крышек. А начиняли бомбы динамитом в деревянном домишке, на квартире одного рабочего. Там сейчас мемориальная доска прибита...

У нас в мастерских к началу революционных событий была уже создана крепкая социал-демократическая организация. Ее зарождение связано с именем Ленина, который в феврале 1900 года, возвращаясь вместе с Надеждой Константиновной Крупской из ссылки в селе Шушенском, провел несколько дней в Уфе. Владимир Ильич встретился с местными подпольщиками, а затем двинулся дальше, поближе к Петербургу. Надежда Константиновна осталась в Уфе. Она развернула здесь пропагандистскую деятельность среди рабочих, вела кружки. Одним из самых активных ее учеников был слесарь железнодорожных мастерских Иван Якутов. Он часто заходил к Крупской за книгами. И когда перед отъездом за границу Владимир Ильич снова побывал в Уфе, Надежда Константиновна познакомила его с Якутовым. Ильич сразу почувствовал в нем человека из той стальной когорты, которая дала Ивана Бабушкина и сотни других несгибаемых рабочих-революционеров. Ленин называл их народными героями.

Поступив в мастерские, я уже не застал Якутова. Он был в Сибири, в ссылке. Но оставались люди, воспитанные им и целиком посвятившие себя делу революции. Из их рук я получил первую отпечатанную на гектографе листовку. Они дали мне первое партийное поручение. От них я впервые услышал имя Ленина.

Я не знал тогда, что его настоящая фамилия — Ульянов. А эта фамилия была мне хорошо знакома с детских лет. Я чуваш, родился и вырос в деревушке неподалеку от Симбирска. Был одиннадцатым у отца с матерью, и они мечтали, чтобы я получил хоть какое-нибудь образование. Ведь все мои братья и сестры были неграмотны. Мать свезла меня в соседнее село к своему брату, деревенскому богатею. Я жил у него в подпасках. А зимой бегал в инородческую начальную школу, одну из тех, что были созданы для обучения чувашских детей на их родном языке. Эти школы называли в народе ульяновскими, и мы, ребята, слышали, что жил такой в Симбирске «главный учитель» Ульянов, который ездил по чувашским селам и открывал там школы. Он много хлопотал, добывая для них средства. А в самом Симбирске при его участии было создано специальное училище, в котором готовили преподавателей для этих школ. Училищем ведал Иван Яковлевич Яковлев, замечательный чувашский просветитель, близкий друг Ильи Николаевича Ульянова...

В Уфу я попал после того, как вынужден был из-за отсутствия средств прервать учение и искать заработка. Так я стал слесарем в железнодорожных мастерских. А там, как я уже говорил, друзья Якутова вовлекли меня в подпольную работу. Это было в самый канун 1905 года.

Вспоминается, как вышли мы однажды со знаменами на улицы Уфы, как напала на нас полиция. Мы уступили в этой схватке, уступили потому, что не были вооружены. И стало ясно: на силу нужна сила, с голыми руками не пойдешь против оружия.

А тут как раз приехали из Лондона два наших товарища. Они рассказали о III съезде партии, о том, что Ленин призывает готовиться к всенародному вооруженному восстанию. И мы создали боевую дружину. Где взять для нее оружие? Пустили среди рабочих подписные листы. На собранные деньги покупали револьверы. В лесу тренировались в стрельбе, готовились к рукопашным схваткам с полици-

Copyrighted material

ей. Оружие мы приобретали не только с помощью подписных листов. Узнав, что на склад винного завода прибыли револьверы для вооружения продавцов питейных лавок, наши боевики напали ночью на этот склад и экспроприировали 97 браунингов и 10 тысяч патронов. Так пополнился наш арсенал. А в том, что это сделано правильно, мы убедились, получив листовку со статьей Ленина «Задачи отрядов революционной армии». Ильич писал: «Отряды должны вооружаться сами, кто чем может... Ни в каком случае не ждать со стороны, сверху, извне, помощи, а раздобывать все самим». Мы и бомбы делали сами...

Приближалась зима. Революционные события нарастали. 7 октября объявили стачку железнодорожники Москвы. В тот же день забастовали и мы, рабочие уфимских железнодорожных мастерских. К нам сразу примкнули депо и станция, а через несколько дней присоединились телеграфисты. Работа прекратилась на всех фабриках и заводах города. Всеобщей стачкой руководил Уфимский комитет РСДРП. В то время в комитете работал верный ленинец Александр Дмитриевич Цюрупа. Приезжал к нам и находившийся на Урале Яков Михайлович Свердлов. Вернулся из сибирской ссылки Якутов... И когда в Уфе возник Совет рабочих депутатов — «уфимская республика»,— Якутова выбрали его председателем. Он же был председателем объединенного стачечного комитета.

Когда в Уфе пошли массовые аресты, угодил и я в тюрьму, хотя ненадолго. Уже позже, в Златоусте, я узнал от товарищей о судьбе Якутова. Он был приговорен к смертной казни и повешен во дворе тюрьмы. Когда ночью совершалось это черное дело, никто из политических заключенных не спал. Из всех камер слышались крики протеста, а затем сотни людей, словно сговорившись, запели «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И надзиратели, метавшиеся по коридорам, не в силах были прекратить это пение. Затихая в одном месте, оно усиливалось в другом. Вся тюрьма прощалась с Якутовым.

Я тогда ни разу еще не видел Ленина, но знал Якутова, знал Свердлова, Цюрупу и все старался представить себе, каким же должен быть человек, воспитавший таких бесстрашных бойцов.

Последующие годы сложились для меня так. Я был мобилизован в армию. Служил в инженерных войсках. Наш полк стоял за Иркутском. В полку, кроме меня, были еще большевики. Мы установили связь с Иркутским подпольным комитетом, получали литературу. Но вскоре полк направился в Карс, к турецкой границе. Я до Кавказа не доехал. В Челябинске, на вокзале, меня схватили жандармы и с «почетом», в отдельном вагоне, доставили в Златоуст. Но при переводе с гауптвахты в тюрьму мне удалось бежать. Скрывался в Актюбинске, в Бузулуке, в Миассе. Потом уехал в Петербург, а оттуда, достав паспорт на имя мещанина Василия Васильевича Яковлева, перебрался за границу.

И вот я в Париже. Знаю, что здесь Ленин, знаю, что вот-вот увижусь с ним. И волнуюсь ужасно. Но все произошло очень просто. В зале Тургеневской библиотеки, находившейся в Латинском квартале, вблизи Люксембургского сада, должно было состояться собрание русских социал-демократов, посвященное 70-летию Августа Бебеля. Ожидались выступления Ленина и Мартова. Я спешил к началу собрания, но, как часто бывает в таких случаях, задержался. Вхожу в фойе, а там полно народу. Ну, слава богу, значит, не опоздал. Нет, оказывается, все-таки опоздал: собрание уже идет. Говорит Мартов. Но охотников слушать его что-то немного. Зал наполовину пуст...

В перерыве спрашиваю, кажется, Дмитрия Захаровича Мануильского: «Где же Ленин?». Спрашиваю тихо, но сидящий неподалеку плотный, с большой лысиной человек вдруг быстро оборачивается на эти мои слова, внимательно меня разглядывает. И Мануильский, обращаясь к нему, говорит:

— Познакомьтесь, Владимир Ильич, товарищ только что из России...

И у меня уже и секундочки не остается, чтобы успеть растеряться или смутиться. Ильич обрушивает на меня поток вопросов, а затем замолкает и, чуть склонив в мою сторону голову, приготовляется слушать. А как он слушает! Он почти не перебивает. Но его живое, подвижное лицо мгновенно отражает и одобрение, и гнев, и беспокойство, и радость. Все чувства слушающего вас Ильича у него на лице, все, кроме равнодушия, потому что равнодушия нет. Узнав, что я работал в Уфе, Ленин говорит:

— Я бывал в этом городе. И знал там одного рабочего, помоему, слесаря по профессии.

— Якутов? — спрашиваю я.

— Да, да. Что с ним? Где он?

Рассказываю трагическую историю Якутова, и лицо Владимира Ильича опечалено.

— Да-а...— произносит он задумчиво.— Мы вступили в страшную схватку с царизмом, и он будет вырывать у нас лучших из лучших. Жертвы с нашей стороны неизбежны. Но нужно, чтобы они были сведены к минимуму. Конспирация, конспирация и еще раз конспирация. Мы должны беречь людей. Мы должны сохранять их для предстоящих сражений, которые уже близки...

Владимир Ильич интересуется моими планами, спрашивает, чем я собираюсь заниматься в эмиграции, одобряет мое желание учиться.

— Не теряйте времени,— говорит он.— Используйте всякую возможность, чтобы подковать себя в смысле знаний. Языками владеете?

— Чуточку немецким.

— Жаль, что чуточку...

Звонок прерывает нашу беседу. Зал моментально заполняется людьми. Свободных мест нет. Ленин пожимает мою руку и быстро идет на эстраду. В его манере выступать нет ничего необычного, броского, рассчитанного на чисто внешний эффект. Разве вот только, когда хочет подчеркнуть какую-то мысль, отступает на несколько шагов вглубь сцены и оттуда идет на слушателей, как бы неся на раскрытой ладони вытянутой руки эту важную мысль. И ему отнюдь не все равно, как его слушают. Если в зале или в части зала чуть ослабло внимание, Ленин сразу замечает это. В ход пущена острая реплика, летит меткое словцо — и аудитория снова в руках. Я потом много раз слышал Ильича. И всегда меня покоряла в нем удивительная внутренняя собранность, невольно передававшаяся всем, кто слушал Ленина.

Я прожил за границей около года. Много ездил, побывав, кроме Франции, в Бельгии, Италии. Много читал, просиживая днями в библиотеках, посещая лекции. Но пришел час, когда нужно было возвращаться на родину, в подполье. В Москве товарищи раздобыли мне паспорт на имя Николая Башкирова и устроили в Оренбург в одну торговую фирму агентом по установке тепловых двигателей. Мне по роду службы приходилось часто ездить, и я использовал эти поездки для налаживания связей с местными большевистскими организациями.

Но вскоре я очутился в Петропавловской крепости... К той совокупности дел, по которым меня намеревались судить еще два года назад, прибавились теперь побег из тюрьмы и подпольная работа в Оренбурге. Из Питера меня перевезли в Уфу, где я и предстал перед военным судом. Приговор был таков: смертная казнь через повешение. Но по случаю амнистии в честь столетия со дня победы над Наполеоном казнь заменили бессрочной каторгой. В тюремной кузнице здоровенный детина из уголовников заковывает меня в кандалы. Девять фунтов железа на ногах и четыре с половиной на руках носил я без малого шесть лет. Когда февральская революция освободила меня из каторжной тюрьмы, я долго учился заново ходить, заново двигать руками. Ноги сами собой растопыривались, как они привыкли это делать в кандалах, а руки все время загребали воздух, словно попрежнему были соединены цепями...

...26 октября, на другой день после победы революции в Петрограде, утвердилась Советская власть и в нашем городе, в Уфе. Но со всех сторон грозила опасность. Мы знали, что казачество во главе с атаманом Дутовым собирается вот-вот поднять контрреволюционное восстание. Надо было готовиться к отпору. А оружия не хватало. Его не хватало даже для охраны тех эшелонов с хлебом и мясом, которые мы отправляли в центральные, голодающие районы страны. Губревком решил послать в Петроград своего представителя с докладом Совету Народных Комиссаров, товарищу Ленину о положении, создавшемся на Южном Урале. Выбор пал на меня. В первых числах ноября мы с Александром Дмитриевичем Цюрупой, ехавшим в Москву на совещание губернских продовольственных комиссаров, тронулись в путь. Ехали в теплушке, утомительно долго, сутками простаивали на узловых станциях. Думал, что так и не доберусь до Питера.

Но вот я и в Смольном. На площади перед ним еще не убраны обгорелые поленницы костров, которые горели здесь в ночь восстания. В коридорах солдаты, матросы, вооруженные рабочие. То и дело мелькают котомки деревенских ходоков. Поднимаюсь на третий этаж, разыскиваю комнату, кажется, под номером 71. Здесь идет заседание Совнаркома. Похоже, что оно заканчивается. Ленин стоит у стола, и почти все стоят. Из знакомых вижу Свердлова, Дзержинского, Луначарского. Называю свою фамилию, город, откуда прибыл. Ленин всматривается в меня, прищурившись, и говорит:

— Мы с вами встречались. Вы приезжали в Париж. Но фамилия у вас, как мне помнится, была другая...

Быстрый взгляд на часы.

— Сколько вам нужно времени, товарищ Кривов?

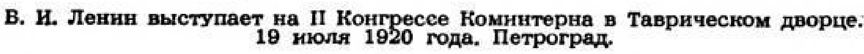
— Минут тридцать, Владимир Ильич,— говорю и тут же жалею, что запросил маловато.

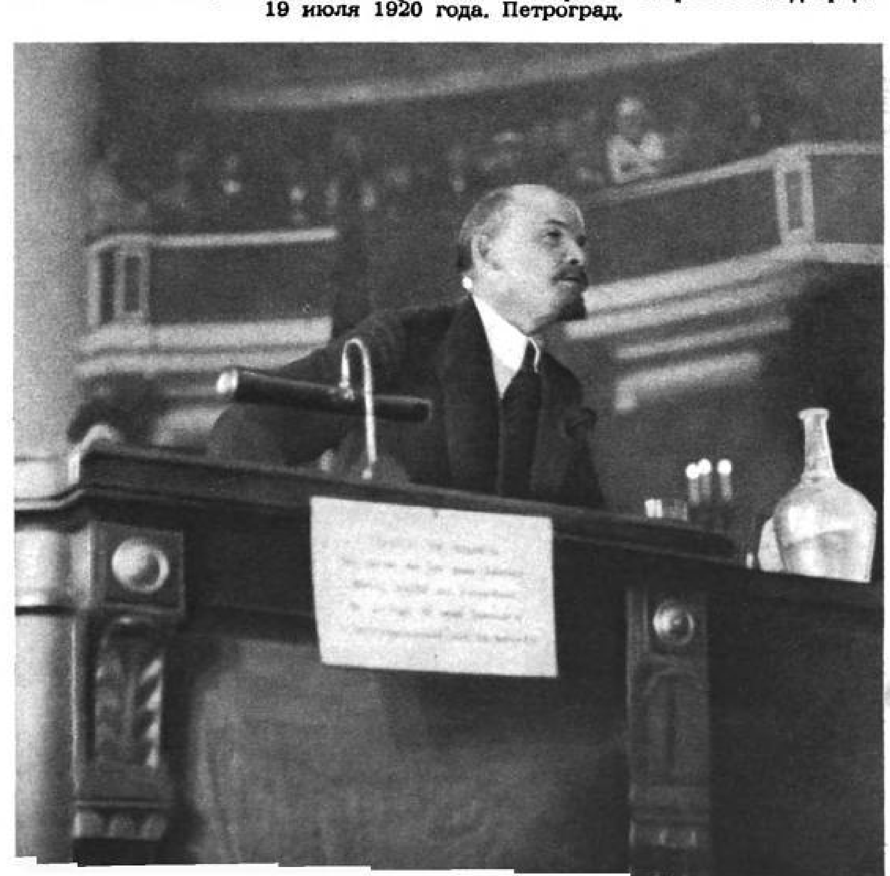
Но Ленин громко, раскатисто смеется:

— Нет, нет, это не в губревкоме! Для нас такой регламент неприемлем. Пять, десять минут. Ну, а уж вам для первого раза отведем целых пятнадцать. Нет, товарищи, возражений?

Докладываю сумбурно, перескакивая с одного вопроса на другой. Но Ильич сразу же выхватывает самое главное.

— Нужно оружие? Поезжайте за оружием в Тулу. Дадим вам бумагу. Феликс Эдмундович,— обращается он к Дзержинскому,— приготовьте, пожалуйста,


В. И. Ленин выступает на II Конгрессе Коминтерна в Таврическом дворце. 19 июля 1920 года. Петроград.



Copyrighted material

для товарища соответствующий мандат.

— Владимир Ильич,— говорю я,— мы отправили в Тулу вагоны с продуктами.

— Вот это хорошо. Вот это пример настоящей пролетарской солидарности... Выгрузите хлеб, грузите оружие.

Я говорю, что мы в Уфе почти не получаем телеграфных директив из Смольного.

— Яков Михайлович,— спрашивает Ильич Свердлова,— разве мы не посылаем указаний уральцам? Наверно, задерживаются в пути, надо бы проверить,— и сразу же резкий поворот головы в мою сторону.— А вы не ждите директив. Действуйте самостоятельно, сообразуясь с обстановкой и руководствуясь собственным разумом!

— Владимир Ильич, а как быть с банком? Как расходовать средства?

— Вы хозяева и хозяйствуйте. Деньги экономьте. Они нужны революции. Отчеты в расходовании средств требуйте по строгой банковской системе... С анархией в этом деле должно быть покончено.

Прищурился, тепло посмотрел на меня.

— Желаю вам успеха... Коменданту Николаевского вокзала будут даны указания о немедленной отправке вас в Тулу.

Покидая комнату, я вижу, как входит следующий докладчик. Ленин продолжает вести заседание стоя. Это, видимо, помогает ему поддерживать быстрый, стремительный темп.

Вскоре Дзержинский вручил мне мандат за своей подписью. В этом мандате говорилось: «Военно-революционный комитет настоящим удостоверяет, что им поручена тов. Тимофею Кривову доставка оружия и патронов для Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов. Военно-революционный комитет предлагает всем лицам и организациям свободно пропустить оружие и оказывать тов. Кривову всемерную поддержку». И я выехал в Тулу.

Пулеметы, винтовки, патроны, доставленные из Тулы в Уфу, поспели ко времени. Начались схватки с дутовцами, потом с бандами Колчака. Многие наши прекрасные товарищи пали в боях. Погибли на подступах к Уфе две дочери Якутова, комсомолки Галина и Надежда. Наденьку, санитарку, пуля подстерегла в тот момент, когда она выносила раненого бойца. Галочка ушла в разведку, в колчаковский тыл, попала в плен и умерла под пытками. Я с грустью вспоминал своих погибших друзей, товарищей своих, не доживших до победы, когда слушал слова Ленина, открывшего X съезд партии:

— ...Мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет.

На X съезде меня выбрали в состав Центральной контрольной комиссии. Она была создана по инициативе Владимира Ильича, считавшего, что это должен быть «орган партийной и пролетарской совести». Ленин придавал большое значение ЦКК в борьбе за единство партии. В решениях съезда указывалось, что контрольные комиссии должны бороться «со вкрадывающимися в партию бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблениями членов партии своим партийным и советским положением, с нарушением товарищеских отношений внутри партии...»

Ильич предложил, чтобы на заседаниях Политбюро обязательно присутствовал кто-нибудь из членов ЦКК. Мне не раз доводилось бывать на этих заседаниях, которыми руководил Ленин. Обычно он приходил из своего кабинета за минуту — две до начала бюро, вынимал из карманчика жилета старинные часы-хронометр и клал их на левую ладонь, пристегивая ремешком к руке. Заседание открывалось по хронометру, точно в назначенное время, секунда в секунду. И по этим же часам Ленин следил за соблюдением регламента, довольно решительно прерывая ораторов, злоупотреблявших временем. И ораторы обычно с опаской поглядывали на левую ладонь Ильича, в которой лежали часы. Надо сказать, что Ленин пользовался властью председателя только в случаях нарушения регламента. А так он никогда не подавал реплик, которые могли бы сбить с толку выступающего, помешать ему довести свою мысль до конца. Ленин очень внимательно слушал, успевая в то же время следить за часами, делать пометки на лежавших перед ним бумагах и писать записки членам Политбюро. Как правило, вопросы готовились к заседанию так, что они не требовали длительного обсуждения. Но если уж вспыхивала дискуссия, Ленин не навязывал своего мнения, старался взвесить все «за» и «против» и иногда говорил: «Давайте отложим решение до следующего раза. Надо посоветоваться с Марксом».

Как-то мне потребовалось поговорить с Владимиром Ильичем по делам ЦКК. Вернее, по одному конкретному делу. Оно заключалось в следующем. В Москве по инициативе Ленина был открыт дискуссионный клуб. На собраниях в этом клубе обсуждались вопросы внутрипартийной жизни, разгорались дискуссии, диспуты. На одном из таких диспутов видный работник московской организации в ораторском запале разгласил, собственно, государственную тайну, рассказав о решении, которое еще только подготавливалось в правительстве и огласке пока не подлежало. ЦКК собиралась привлечь товарища к ответственности, и я хотел посоветоваться с Лениным по этому поводу. Во время заседания Политбюро я послал Владимиру Ильичу записку с просьбой принять меня после бюро. Ленин кивнул, и когда все разошлись, я остался в комнате. Сидел я у самого края длинного стола, другой конец которого упирался в стол Владимира Ильича. Отсюда я собирался говорить. Но Ильич попросил меня сесть рядышком и как-то очень по-домашнему, закинув ногу за ногу, приготовился слушать. Я изложил суть дела и закончил так:

— Ждем вашего решения...

— Моего? — Ленин даже голову вскинул от удивления.— Но почему же моего? Разве я ЦКК? Съезд выбрал вас и ваших товарищей. Вы и решайте.

— Но ваше мнение, Владимир Ильич?

— Вот это — другое дело. Мнение могу высказать. Я считаю, что поступок безобразный. Будете заседать, можете учесть это мнение как высказанное одним из членов партии. Не более... Ну, а что касается меры взыскания, то тут я умолкаю. Это целиком и полностью в компетенции контрольной комиссии...

Таким был этот разговор.

И еще об одной ленинской черте, о которой уже много написано и о которой хочется говорить снова и снова.

Внимание к человеку...

В перерыве между заседаниями XI съезда партии подходит ко мне Мария Игнатьевна Гляссер, секретарь Ленина.

— Тимофей Степанович, прошу вас, пройдите вон в ту комнату.

— А что такое?

— Пожалуйста. Владимир Ильич распорядился...

Иду. Открываю дверь, а навстречу Дзержинский, застегивает на ходу гимнастерку.

— Ага, и ты попался! Ну, иди, иди!..

В комнате три человека в белых халатах: двое пожилых, один молодой. Тот, что помоложе, переводчик, просит меня раздеться, дабы господа немецкие профессора могли освидетельствовать мое здоровье. Я знал, что к Ленину по решению Политбюро приглашены два известных врача из Германии. Но не знал, что Ильич попросил их осмотреть группу партийных работников, сидевших при царизме в тюрьмах, прошедших каторгу... Попал в лапы врачей — не сопротивляйся! И я покорно подставлял грудь, спину, живот, а знаменитые медики что-то писали, писали и писали...

После этого осмотра на каждого из нас была заведена специальная режимная карта со строжайшими врачебными предписаниями, которых мы, понятное же дело, не выполняли. Узнав об этом, Ленин в категорической форме предлагал всем работникам придерживаться врачебных указаний.

У меня сохранилась режимная карта, в которой записано: «Работать с перерывами через каждые два часа. Вечерние работы и заседания отменить. Ложиться рано и рано вставать. Ежедневные прогулки и пребывание на воздухе. Избегать накуренных комнат. Запрещаются выступления на собраниях».

Вот что я должен был выполнять наравне с партийными своими обязанностями, хотя последний пункт по поводу собраний я мог бы счесть просто-напросто зажимом критики.

...Помните, в начале своего рассказа я говорил о Иване Яковлевиче Яковлеве, замечательном чувашском просветителе. Так вот в апреле 1918 года из Кремля в Симбирский Совет депутатов ушла телеграмма: «Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни». И подпись: «Председатель Совнаркома Ленин».

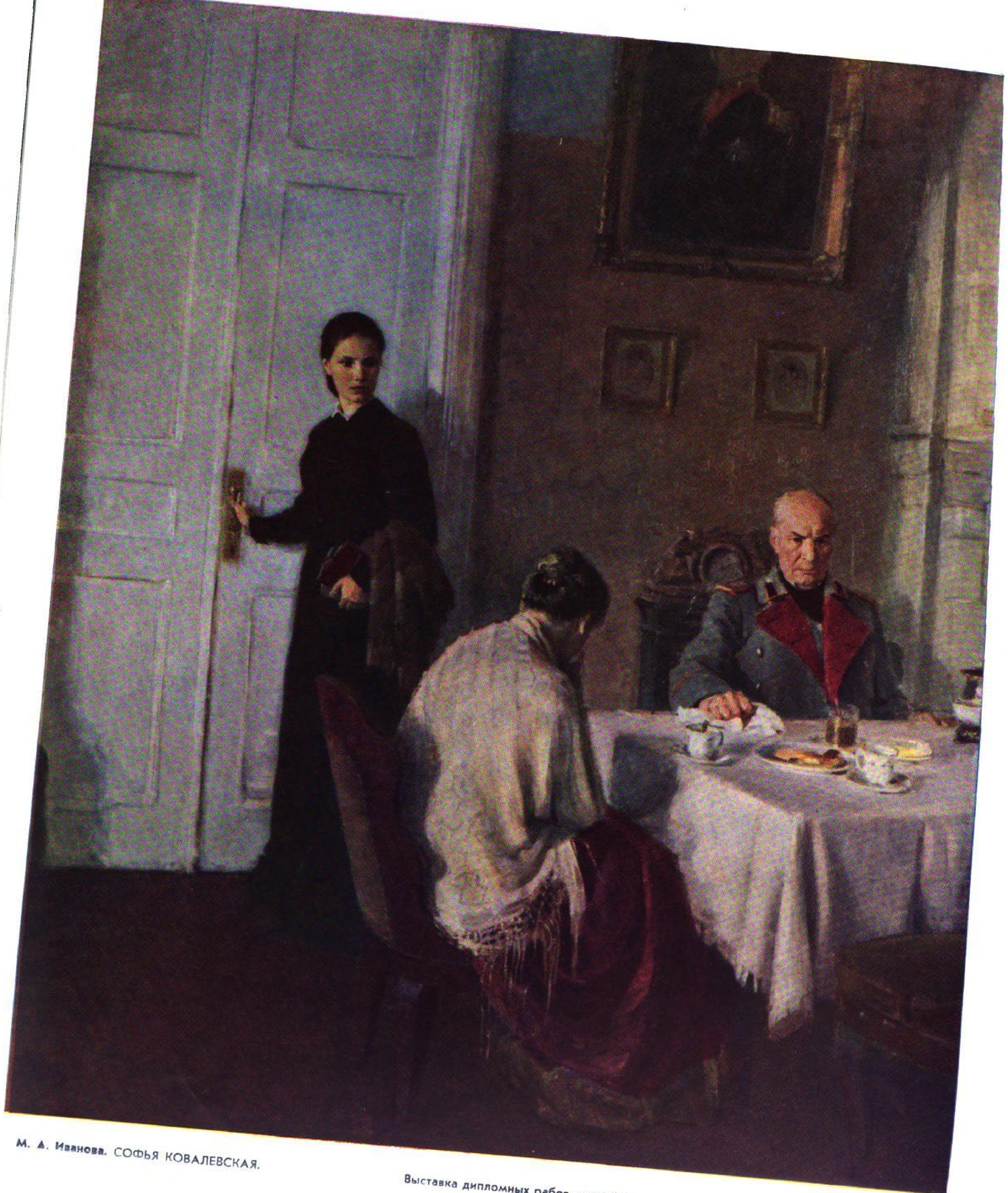
Вот этой телеграммой, еще одним свидетельством величайшего внимания Ленина к человеку, мне и хочется закончить свои воспоминания об Ильиче, «самом человечном человеке».

Литературная запись **А. ЛАЗАРЕВА.**

В. И. Ленин в Горках. 1922 год.

Copyrighted

Copyrighted material



М. Д. Иванова. СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ.

Выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР, выпуск 1955 года.

Copyrighted material

СТАРИК В ПОТЕРТОЙ ШИНЕЛИ

Рассказ

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Есть тысячи деревень у нас в России, затерянных среди полей и перелесков. Тысячи деревень, таких же привычных, как серое небо, как белоголовые крестьянские дети.

Редко-редко среди бесчисленных Сосновок, Никольских и Горелых Двориков попадется деревня с заметным, а иной раз и необыкновенным именем, вроде Мыса Доброй Надежды в Тамбовской области или Колыбельки где-то под Острогожском.

Всегда кажется, что деревни с такими удивительными названиями непременно связаны с интересными историями и что от этого и произошли их имена.

Я тоже так думал, пока мало знал деревенскую Россию. Но потом, с годами, когда мне пришлось лучше узнать страну, я убедился, что почти нет такой деревни — даже самой захудалой, — где бы не было своих замечательных историй и людей.

Возьмем, к примеру, окрестности городка Ефремова в нынешней Тульской области — того самого Ефремова, что, по словам Чехова, был самым захолустным из всех уездных городов России. Какие же глухие деревни должны были окружать этот городок!

На первый взгляд это было действительно так. Но только на первый взгляд.

В 1924 году я прожил все лето под Ефремовом, в деревушке Богово. Шел седьмой год революции, но внешних перемен пока что было еще не так много.

Все те же лысоватые овсяные поля шелестели за околицами, и по ним гулял серыми волнами ветер. Все те же грудные дети в линялых чепчиках лежали в колысках, облепленные мухами. В базарные дни гремели по большаку телеги, и бабы в онучах тряслись на них и пели визгливыми и притворно веселыми голосами разухабистые песни. И сонно шумела у сгнившей плотины небольшая река Красивая Меча (местные жители называли ее Красивая Мечь).

Пожив в Богове, я узнал, что невдалеке от Ефремова сохранилась усадьба отца Лермонтова, где в рассохшемся доме висит на стене пыльный походный сюртук поэта. Говорили, что Лермонтов останавливался у отца, когда проезжал на Кавказ, в ссылку.

Узнал, что на берегах Красивой Мечи охотился Иван Сергеевич Тургенев, а в Ефремове бывали Чехов и Бунин.

Но все это относилось к прошлому. Я же хотел найти черты настоящего, найти людей, связанных с новым временем.

Но, как нарочно, в Богове даже не было ни одного участника гражданской войны — никого, кто был бы свидетелем недавних событий.

И тоже как будто нарочно в деревне жил какой-то отставной полковник, судя по рассказам, человек одинокий и молчаливый. Почему он поселился в Богове, никто мне не мог объяснить.

— Живет и живет! — говорили крестьяне. — Зла пока что не делает. Снял избу, сам себе варит картоху да от зари до зари сидит с удочкой на речке. Что с него взять, — человек престарелый.

— Чего же он здесь живет?

— А шут его знает! Выспрашивать его про это вроде как неудобно. Приехал в летошнем году и остался на жительство. Сторона у нас тихая. Ему, бывшему офицеру, тут, конечно, беспокойства поменьше. Сами знаете, офицер теперь вроде как ящурный. Каждый норовит его стороной обойти.

Встретился я с этим отставным полковником на Красивой Мечи около мельничной плотины.

Был хмурый, холодноватый день, какие иногда выдаются среди лета. Рыхлые облака ползли над землей, и из них нехотя падали капли дождя.

Я пришел на мельничный омут ловить рыбу. На бревне около плотины сидел худой старик с длинной седой бородой, в старой офицерской шинели и серой кепке. Вместо золоченых форменных пуговиц к шинели были пришиты обыкновенные черные пуговицы, как на бабьих салопах.

Старик курил короткую трубку, сделанную из колена газовой трубы. Она была, должно быть, очень тяжелая. Во всяком случае, когда старик выбивал трубку о бревно, то звук был такой, будто он вколачивает гвозди.

Ловил старик на одну удочку и первое время не обращал на меня внимания.

Я же ловил на три удочки, и потому у меня рыба все время срывалась. Пока я менял червя на одной удочке, на другой, как назло, обязательно клевало. Я хватался за нее, но уже было поздно, и я вытаскивал из воды только обрывок червя. Старик же время от времени неторопливо вываживал больших свинцового цвета подустов и толстых плотиц.

Он только неодобрительно покашливал, поглядывая на мою возню с удочками. Она его, видимо, раздражала. Наконец он не выдержал и сказал:

— Ловить следует, молодой человек, на одну удочку. Для душевного равновесия. А так вы только нервы себе испортите.

Я послушался его, смотал две удочки и начал ловить на одну. Тотчас же я вытащил крупного окуня. Старик усмехнулся.

— Видите! — сказал он. — По трем мишеням сразу из трех винтовок не стреляют. А преимущественно мажут. Вот вы и мажете так безбожно, что обидно смотреть.

С реки мы возвращались в Богово в поздние сумерки. Старик шел медленно, смотрел себе под ноги и ни разу не поднял головы. Поэтому до деревушки мы добрались уже в сырой и неуютной темноте.

Всю дорогу старик рассказывал мне, как варить горох для насадки на подуста, и у меня не было удобного случая, чтобы спросить его, кто же он такой и почему поселился в Богове; здесь, как я знал, у него не было ни одной близкой души.

Багровые тучи на западе медленно гасли. Заунывно кричала выпь. Снова холодные дождевые капли начали тяжело ударять по лопухам. И эта угрюмость вечера каким-то образом передалась моим мыслям об одинокой старости, о человеке в потертой шинели, что едва брел рядом со мной.

Только один раз во время нашего разговора старик упомянул о себе и сказал, что до первой мировой войны он служил в крепости Осовец, в Польше. Вот там-то он ловил и не таких подустов!

Шло лето. Старик упорно молчал о своем прошлом, и спрашивать его об этом было действительно неудобно. Один раз я попытался обиняками узнать у него, не нужно ли ему чем-нибудь помочь, но старик только усмехнулся на мои слова и ничего не ответил.

Вся история с этим стариком становилась что ни день, то загадочнее. Особенно когда я узнал, что каждый месяц он получает какую-то повестку из Ефремова, ходит в город и возвращается оттуда усталый, но довольный. И каждый раз приносит подарки деревенским детям и своей соседке Насте — многодетной, но не старой еще женщине, брошенной мужем. Детям — липкие леденцы, а Насте — то пачку чая, то катушку ниток.

Я никогда до тех пор не встречал существа более кроткого, чем Настя. Каждое ее слово и движение выдавали беспомощность и доброту. Она всегда виновато улыбалась, торопливо поправляла под платком волосы, и руки у нее дрожали. Смотрела она растерянно, а в избу к ней я просто стеснялся войти: Настя тотчас бросалась вытирать лавку и стол, выгоняла в сени наседку с цыплятами, краснела до слез и все порывалась поставить погнутый, позеленевший самовар.

Наконец пришла осень, и я собрался через несколько дней уезжать в Москву.

Иные места покидаешь и все же думаешь, что когда-нибудь сюда вернешься. Это легче, чем оставлять места, зная, что ты уезжаешь навсегда. При этом непременно возникает горькое чувство, будто ты оставляешь здесь частицу своего сердца.

Как бы ни было уныло и неприветливо покинутое место, как бы ты ни тяготился пребыванием в нем, всегда остается в душе сожаление, а может быть, и любовь.

Так, должно быть, мать любит своего хилого

Copyrighted material

ребенка, играющего щепкой. Любит его до слез, до стона — беспомощного, обреченного на одиночество среди здоровых и смешливых детей.

О ребенке я подумал, очевидно, потому, что такой вот больной и тихий мальчик был у Насти. Звали его Петя.

Ему уже минуло шесть лет, но он почти не умел говорить. Весь день он сидел на дороге, пересыпал пыль из ладони в ладонь и молчал.

Однажды я подошел к нему, присел на корточки и заговорил с ним. Он со страхом взглянул на меня, сморщился и беззвучно затрясся — заплакал, уткнувшись лицом в рукав.

— Ты чего? — спросил я растерянно и дотронулся до его острого плеча, вздрагивающего под застиранной рубашонкой.

Я ничего не понимал. Я видел только бессловесное и темное горе этого маленького, захлебывающегося от слез существа.

— Ты чего? — повторил я, и внезапно меня, как лезвие ножа, полоснула мысль: «А, может быть, он понимает, что с ним?».

Из избы выбежала Настя, схватила мальчика на руки и, как всегда виновато улыбаясь, сказала:

— Он у меня больненький, дурачок, глупенький мой. Вы не гневайтесь. Как его приласкаешь, он завсегда заплачет.

Неожиданно глаза у Насти потемнели, и она сказала злым голосом:

— Я бы их всех своими руками удавила, мужиков этих окаянных, иродов! Только и жизни, что жрать водку цельными ведрами да материться. Наплодят таких вот детей, а у тебя потом сердце изойдет кровью. Мой он, мальчик живой, и некому за него заступиться.

Как только я решил уезжать, мне тотчас захотелось остаться. Все вдруг открылось в новом обличии — и люди, и пажити, и вся эта темная, осенняя земля.

Шли дожди, густые пасмурные дни были похожи на рассветы, в избе стало сыро и холодно. И только вороха палых листьев освещали землю своим слабым холодноватым огнем.

Перед отъездом я в последний раз пошел со стариком — звали его Петром Степановичем — на рыбную ловлю. Дожди к тому времени прошли, но над землей по целым дням лежал туман. Он не рассеивался даже к полудню.

Я спросил старика, не нужно ли ему чего-нибудь в Москве.

— Нет, благодарствую, — ответил он. — Я-то Москву больше и не увижу. Тут дотяну свои дни. Некуда мне ехать, да и незачем. Я старый байбак: у меня ни жены, ни детей. А о друзьях и говорить нечего. Иные умерли, а остальные давно разбрелись-рассыпались, кто куда. Да, признаться, в старой армии у меня и друзей-то не было. Раз — два, и обчелся.

— Почему? — спросил я.

— Да как вам объяснить... Я солдатский сын. Отец мой был вахмистром. Родом я, как говорили в старое время, из мужичья, из простонародья. Черная кость. Меня, сказать по правде, только терпели за добросовестность да за познания в артиллерийском деле. Артиллерист я неплохой.

— Что же вы не женились?

— Теперь-то оно, конечно, обидно, — ответил старик и остановился передохнуть. Он опирался на удочки и, худой, высокий, чуть сгорбленный, чем-то напоминал мне горестный образ Дон Кихота. Глаза у него слезились. Он вытащил красный клетчатый платок и вытер слезы.

— Теперь-то я жалею об этом, — сказал он, отдышавшись. — И не столько потому, что жены не было — бог с ней, с женой, насмотрелся я на этих офицерских жен, — сколько потому, что не было у меня ни дочери, ни сына. А раз заботиться не о ком, то и существование выходит совершенно пустое. Холодное существование. Вот и возишься тут с чужими детьми, с эдакими пузырями.

Я наконец решился и спросил:

— Как вы попали в Богово?

— Это, милый вы мой, длиннейшая история с географией. Расскажешь — все равно не поверите. Некий просто фантастический случай на старости лет. Собственно говоря, попал я сюда просто. Слышал про Красивую Мечу, про прелестность этих мест и решил здесь доживать свой век. Но решению этому предшествовало некое удивительное событие. Я ему и сам до сих пор удивляюсь.

— Какое событие?

— Нервные вы люди! — сказал укоризненно старик. — Я люблю обстоятельный разговор. А у вас все тыр-пыр — и нет ничего! Нету никакого душевного равновесия.

— Хорошо, Петр Степанович, — сказал я виновато. — Я не буду больше перебивать.

— Вот и прелестно! Произошла революция, а я в то время жил в отставке в Калязине. Ну, понятно, лишился пенсии, погоны спорол, пуговицы с гербами спорол, а пальтишка гражданского не достал. Не осилил. И понимаю, что надо мне из Калязина подаваться в те места, где меня никто не знает. А в Калязине я, как на юру. Понимаю, что надо мне затеряться среди людей. А уж где может быть многолюднее, чем в Москве! Пробрался я в Москву, снял угол у старухи-вдовы в Петровском парке. Денег у меня осталось от пенсии всего ничего. Но тянусь, выкраиваю кое-как на пропитание. Старуха, хозяйка моя, женщина была рыхлая и довольно добрая, должно быть, от болезни: порок сердца был у нее. И дочка с ней жила, комсомолка. Та меня как будто не замечала. Уж не пойму, действительно не замечала или делала вид. Да я, правду сказать, человек всегда был покладистый, а особенно в то время, ежели принять во внимание тогдашнее мое пиковое положение. Лозунг был у таких, как я, один-единственный: сиди тихо и носа без особой надобности из норы не высовывай. Натерла царская армия шею народу своим хомутом. Это я всегда понимал. А в жизни за все приходится расплачиваться. Вы не смейтесь, но с юности моей я верю в закон возмездия.

Да, жил я скудно, скудней не придумаешь, покуда наконец не иссякли мои последние рубли. Умирать никому не хочется, да и перед хозяйкой совестно. Не спал я две ночи, все думал да и додумался только до того, чтобы идти милостыню просить, побираться, стать окончательно нищим.

Старик остановился и посмотрел на меня как будто с недоумением.

— Представьте себе, стать форменным нищим! Это не жизнь, а могильное тление. Сам себе не рад и на себя смотришь с брезгливостью. И все думалось мне тогда: скорей бы бог смерть послал какую угодно, хоть самую подлую, чем жить в таком унижении. Иные привыкают, а я не мог. Для нищенства тоже нужны сноровка, опыт, актерство. Ничего этого у меня не было.

Я в Петровском парке нищенствовал, дальше не выходил, побаивался. Просил поближе к дому. Стою на углу, глаз не подымаю, совестно прохожим в лицо глядеть. Стою, опираюсь на палку и бормочу что-то такое, что мерзко даже вспомнить сейчас: «Подайте бездомному старику на кусок хлеба». Подавали, прямо скажу, плохо. Шинель моя офицерская всех настораживала. А бывало, и обижали так, что голова у меня холодела от гнева. Но что поделаешь, сдерживался.

Вечером приду в свой угол усталый, считаю мелочь, медяки и ничего не вижу. Все туманом застилает. Поверите ли, неоднократно думал о том, чтобы наложить на себя руки. И если бы не один случай, так наложил бы, не очень бы это дело затягивал.

Мы подошли со стариком к мельничному омуту и сели на сырое бревно — обычное место Петра Степановича.

— Что-то холодно, — пожаловался он и поднял ворот шинели. С изнанки ворот был синевато-серого, свежего цвета, а с лица — выгоревший и пожелтевший.

Действительно похолодало, хотя и не было ветра. На облаках появился, как всегда в таких случаях, сизый, почти зимний налет.

— Да, — сказал старик, закуривая трубку, — однажды летом вернулся я домой раньше, чем обыкновенно, с такой получкой, что и не поверите. Какой-то мальчишка подал мне пятак. И все! За весь день. В орлянку он, должно быть, этим пятаком играл, до того он был весь избитый и покалеченный. Его даже в трамвае бы не взяли, не то что на Инвалидном рынке.

Ноги у меня в то время уже начали опухать. Решил: ночью окончу это существование, нет больше никакой возможности за жизнь бороться. Да и зачем? Кому я нужен, отставной козы барабанщик? И как-то так странно подумалось, что все-таки надо бы попрощаться с родной землей, с ясным небом, с солнышком (оно уже клонилось к закату), с птицами и деревьями.

Вышел я на улицу и сел у ворот на лавочку. В ту пору улицы в Петровском парке были вроде как деревенские, позарастали травой, и шумели над ними по ветру старые липы.

Сижу без всяких мыслей в голове. А наискосок против нашего домишки было общежитие летных учеников. Народ насмешливый, буйный. Никому не давали проходу, особенно мне. Как завидят меня, повысунутся из окон и ну давай кричать: «Старый хрыч! Скобелев! Музейная древность!». А я прохожу, будто глухой.

Сижу я так-то на лавочке и вижу: идет по нашей стороне господин небольшого роста, в черном костюме, в кепке. Идет неторопливо, руки засунул за спину под пиджак и о чем-то, видимо, размышляет. Остановится, посмотрит на липы, будто ищет в них чего-то, и идет дальше. Поровнялся он со мной, остановился и говорит эдак быстро и вроде шутливо:

— Вы разрешите мне с вами посидеть?

— Пожалуйста, — говорю. — Сидеть здесь никому не возбраняется. Только вы подальше от меня садитесь.

Он прищурился, перестал улыбаться и посмотрел на меня очень внимательно.

— Это почему же? — спрашивает.

Я молчу, а он повторяет:

— Это почему же?

— Вы что же, сами не видите? — отвечаю несколько зло. — Я нищий.

Он опять взглянул на меня и говорит как бы про себя:

— Да, вижу. Худо вам живется.

— Уж чего хуже! Только и тяну, что из человеческой жалости. Побираюсь среди людей.

— Вы бывший офицер? — спрашивает.

— Офицер, — отвечаю. — Собака! Клейменый человек — вот и все!

Он вдруг улыбнулся, да с такой добротой, что я даже несколько опешил.

— Постойте, — говорит. — Вы не волнуйтесь. Офицеры тоже разные бывали.

— Вот то-то, что разные, а ответ у нас всех выходит один. Я сам, когда служил в Осовце, всех этих рукосуев, что норовили мордовать солдат, держал в страхе. Преследовал, сколько мог. Русский солдат — святой человек. Это вы запомните. Руками русского солдата вся наша история свершилась, да, кстати, и эта ваша революция.

Тут он откинулся несколько назад и залился таким смехом, что я чувствую, как заулыбался ему в ответ. Начал он меня расспрашивать про старую армию, про Осовец и про недавнюю войну. Я ему все обстоятельно объяснил. Сказал, между прочим, что мы, военные, давно знали из секретных приказов, что готовится война. Этими моими словами он почему-то особенно заинтересовался и все говорил: «Так-так! Ну-ну! Что же дальше?», — а потом в упор меня спросил:

— А что вы думаете о революции, о большевиках? Получится у них что-нибудь?

— Как же, — говорю, — не получится! Что это вы, господин дорогой! Разве сами не видите? Хорошо-то это все хорошо, только следить надо, чтобы нравственного облика народ не терял.

Он снова посмотрел на меня даже как-то пытливо и говорит:

— Совершенно с вами согласен. А так жить, как вы, нельзя. Никак нельзя! Я напишу вам записку в одно место, сходите с этой запиской туда и вам наверняка помогут.

Вынул блокнот, чего-то быстро там написал и подал мне. Я взял, сложил, засунул в карман. Что мне было в той записке! Кто это будет помогать офицеру? Но, конечно, я его поблагодарил за душевность, и он ушел. А я ему вслед спрашиваю:

— Вы что же, гуляете по этим местам?

— Да, — говорит, — я был болен, и врачи приказали мне ежедневно гулять.

Ушел. У меня после этой встречи отлегло от сердца. «Вот, — думаю, — есть еще благородные и отзывчивые люди на свете! Не погнушался этот господин знакомством со мной, поговорил с нищим, с бывшим офицером».

Сижу так, размышляю. Вижу, бегут ко мне летные ученики. Непонятно, почему, но все

Copyrighted material

какие-то взъерошенные, даже бледные. Подбегают, спрашивают:

— Вы знаете, с кем вы говорили?

Откуда я знаю, с кем. Но у меня на тех летных учеников такое было зло, так накипело на сердце за «старого хрыча» и «Скобелева», что я весь трясусь.

— Знаю! — говорю. — Убирайтесь отсюда ко всем чертям! Вам бы только над старым человеком насмешничать!

Они сразу осунулись, ушли. А вечером прислали с каким-то мальчишкой пачку чая и сахара не меньше фунта. «С чего бы это? — думаю. — Значит, прогнал я их, и заговорила в них совесть! Значит, не совсем они плохие юноши».

Молодежь я очень люблю. Если бы не было молодежи, то нам, взрослым, и жить было бы незачем. Скука была бы адовая. Так что эти летные ученики не в счет.

Да, а я опять начал нищенствовать. Что поделаешь! Об этой записке позабыл, засунул ее в старую книгу Данилевского «Сожженная Москва» — единственное мое достояние — и, представьте, позабыл. А среди зимы меня так зажало, что чувствую, упаду где-нибудь на улице в снег и окочурюсь. Тогда только и вспомнил о записке. Отыскал ее, а она вся помятая, будто жеванная.

На записке адрес написан, какое-то ведомство, я не разобрал. А мне в то ведомство идти неудобно из-за такого непрезентабельного вида записки. Да и далеко куда-то идти — в центр, в город. Там я за всю свою нищенскую жизнь ни разу не был. Все-таки пошел, решился. Хозяйка меня просто заставила идти. «Вы, Петр Степанович, — говорит, — ребенок, а не отставной полковник. Перед всем пасуете. Удивительно, как это вы в армии служили. Вам бы гуманитарные науки преподавать, а не стрелять из пушек!»

Иду и глаз не подымаю. С нищенских времен появилась у меня эта привычка: людям в глаза не смотреть. Так было легче. Не могу от этой привычки до сих пор избавиться. Да вы, должно быть, сами заметили. Старческие привычки очень назойливые, упорные.

Но, в общем, пришел. Ведомство большое, но тихое. Всюду ковровые дорожки лежат. Привратник или швейцар — не знаю, как их теперь называют, — говорит мне довольно решительно: «Шинельку надо скинуть, гражданин». А как я ее скину! У меня под ней почти ничего нет. «Уважь, — говорю швейцару, — старика. Не срами. Я вот по этой записке». Показываю ему записку. Он посмотрел, весь заметался, пододвигает мне стул и говорит: «Посидите, папаша. Я мигом о вас доложу». Ушел и возвращается тотчас же. А за ним выходит ко мне навстречу средних лет гражданин в очках, лицо строгое, но улыбается ласково. Берет меня под руку и ведет за собой. Я иду, а с моих опорок снег оттаявший сваливается целыми комьями. Набрался я сраму за всю свою жизнь.

Человек этот привел меня в кабинет, усадил в кожаное кресло, спросил, есть ли у меня какие-нибудь документы. Я все, что было, ему отдал. Пропадать — так пропадать! Он вышел, а время идет. Прошло полчаса, сижу я один и уже не рад, что ввязался в эту историю. Думал было даже уйти, да никак нельзя без документов. Но тут вернулся этот человек, видимо, немалый начальник, и протягивает мне пенсионную книжку и ордера на питание и одежду и еще на что-то, — не то на дрова, не то на лечение в клинике. Заставляет меня расписаться и дает мне пачку денег. «Это, — говорит, — в счет первой пенсии. Небось, наголодались».

Я глазам своим не верю, слез не могу сдержать. Он успокаивает меня: «Что вы волнуетесь, Петр Степанович! Мы, — говорит, — труд высоко ценим, особенно такого знатока своего дела и честного человека, как вы. Вы получили по заслугам». «Да откуда вы знаете про мои заслуги?» Он смеется. «Из вашего формуляра, — говорит. — Из вашего послужного списка». Господи! Это из офицерского формуляра! Ну и дела!

Попрощались мы с ним, как приятели. Я вышел, плетусь к себе в Петровский парк, головы не подымаю, и слезы в глазах стоят, и привычку не могу преодолеть.

Дошел до Тверской улицы. Стемнело уже, и зажглись над тротуарами фонари. И витрины магазинов освещены. «Дай, — думаю, — зайду, куплю хоть хлеба и колбасы какой-нибудь подешевле, хозяйку угощу».

За всю дорогу поднял впервые глаза, и тут меня будто молнией ударило. Портрет в витрине выставлен. Гляжу: он! Он, он! Тот самый невысокий господин, что дал мне записку. И под портретом подпись печатная: «В. И. Ленин (Ульянов)». И в соседней витрине тоже он! Господи, твоя воля!

Так я ничего и не купил, заторопился домой. Внутри у меня все дрожало, и, поверите, всю свою последнюю кровь готов я был отдать за того человека. Освободил он меня из моей душевной тюрьмы. В великом я долгу перед ним и об одном-единственном жалею, что нечем мне отблагодарить. Нет уже ни сил, ни здоровья, ни времени впереди.

Пришел домой, можно сказать, прибежал и к дочке хозяйской, к комсомолке, бросился: «Достаньте мне портрет Ленина! Проверить мне надо одно обстоятельство». Она пошла к себе в комнатушку и принесла газету. Называлась она «Беднота». И в газете его портрет. Да вот он, я его вам покажу.

Старик непослушными пальцами расстегнул шинель и вытащил старый, обвязанный тесемкой бумажник. Он развязал тесемку и вынул из бумажника сильно потертый и не совсем ясный портрет Ленина, вырезанный из газеты.

— С тех пор всю жизнь его с собой у сердца ношу, — сказал он глухим, прерывающимся голосом. — Вот это был человек!

Голова у старика затряслась. Слезы текли по его желтым, сморщенным щекам, но он не вытирал их.

Что я мог сказать ему? Я боялся говорить, чтобы не выдать своего волнения.

Мы долго сидели молча.

Туман густел, стекал с желтеющих ив большими каплями. Где-то далеко кричали петухи, и за самым краем земли гудел паровоз. Из Богова доносило слабый запах дыма и ржаного хлеба. На дороге за Красивой Мечой простучала колесами телега, и девичий голос запел:

> Меж высоких хлебов затерялося
> Небогатое наше село...

— Вот видите, какая она, наша Россия! — сказал, помолчав, старик. — Я, голубчик, что-то устал. Года, года! Пойдемте.

Через десять лет случилось мне проезжать по железнодорожной ветке из Тулы в Елец мимо Ефремова.

Снова была осень. Жесткий вагон гремел, как жестяной. Мутно светили электрические лампочки. Всхрапывали усталые пассажиры.

Против меня лежал на верхней полке бритый старик в высоких охотничьих сапогах. Разговорились. Оказалось, что старик едет в Ефремов. Он все приглядывался ко мне, потом сказал:

— Вроде знакомая личность. А где я вас встречал, не припоминаю. Не иначе, как в Богове.

Оказалось, что это был кузнец из Богова. Меня он помнил, но я его никак не мог узнать. Кузнец рассказал мне, что отставной полковник умер лет шесть назад.

— Беззлобный был человек, — сказал кузнец. — Пенсию получал от нашего правительства довольно большую. За какие такие дела, об этом никому не известно. Сам он про это молчал. Жил скудно, деньги вроде копил. Вот и пошел по деревне слух, что скупость его одолела. Оно и верно, к старости человек большей частью скупеет. А на поверку вышло иное. Вышло так, что старик наш как почуял, что смерть близится, почитай все деньги отдал на нашу школу. Чтобы, говорил, духовного облика народ не терял. И Насте, помните ее, оставил достаточно денег. Очень он страдал об мальчишке ее, об Пете. А Петя в запрошлый год тоже умер. Не жилец был на этом свете, не жилец. Я так полагаю, что это к лучшему.

В Ефремове кузнец сошел. Я вышел на платформу отдышаться от вагонной духоты. Поезд спал. От него тянуло маслянистым теплом.

Там, в ночи, где, по моим расчетам, находилось Богово и должна была лежать беспросветная тьма, светилось слабое голубоватое зарево.

Я долго гадал, что это за свет сейчас в Богове, но так и не догадался. А спросить было некого.

От автора:

Все рассказанное выше — подлинная история. Повествование отставного полковника записано по памяти. Единственное, чего не сохранила моя память, — это фамилию старика. Кажется, его звали Гавриловым, но утверждать это я не берусь.

Copyrighted material

ЧУДЕСНАЯ СИЛА

Шестого ноября 1921 года в Хамовниках, на московском заводе «Каучук», был праздничный вечер. Шло торжественное заседание. Выступали свои, заводские ораторы, делились воспоминаниями о боях за Октябрьскую революцию, призывали к сплоченной работе по укреплению Советской власти...

Молодой рабочий Алексей Колотнев стоял у дверей. Его назначили в этот вечер дежурным и сказали: «Последи, чтобы во время заседания не ходили, не мешали бы ораторам». Вот он и стоял у наружного входа.

В дверь постучались.

— Кто? — спросил Колотнев.

— Откройте, пожалуйста, к вам Владимир Ильич.

— Какой Владимир Ильич?

— Ленин...

Алексей Колотнев открыл дверь и сразу же узнал Ленина. С ним был кто-то еще.

— Здравствуйте, товарищ! — сказал Владимир Ильич. — Я к вам на собрание.

— Товарищ Ленин, пожалуйста. Разрешите, я проведу вас в президиум.

Боковым коридорчиком Колотнев проводил Ильича за сцену. Появление его было неожиданным, и, когда председательствующий объявил: «Слово предоставляется товарищу Ленину!», — в зале загремели аплодисменты. Все двинулись ближе к сцене, чтобы яснее видеть и слышать Владимира Ильича.

Он успел раздеться за сценой, подошел к трибуне, вынул часы с черной ленточкой вместо цепочки, положил их перед собою и начал речь...

С того памятного вечера прошло почти тридцать пять лет. Записи речи Ленина на собрании рабочих завода «Каучук» не сохранилось. Но те, кто слышал и видел в тот вечер Владимира Ильича, часто вспоминают об этом.

Вот и теперь мы сидим на заводе «Каучук» в кабинете у начальника цеха Алексея Ильича Колотнева, и он рассказывает:

— Владимир Ильич приехал к нам на праздничный вечер. Я проводил его в президиум и остался тут же, возле трибуны. Очень хотелось послушать... А вот Михаил Филиппович сидел в президиуме.

Михаил Филиппович Титов, высокий, смуглолатый и еще очень бодрый для своих семидесяти лет, подтверждает:

— Это точно, в президиуме... Незадолго перед этим я вернулся с гражданской войны. Уже был в партии...

— А Маруся Изворская была у нас женделегаткой, — продолжал Колотнев. — Она распространяла газеты. Владимир Ильич идет, а она с пачкой газет стоит и глядит на него: «Неужели товарищ Ленин?» Ильич задержался и спрашивает: «Что это у вас, газеты?» Она говорит: «Вот, распространяю газеты». «Это очень хорошо!» — сказал Владимир Ильич.

А когда он начал говорить с трибуны, в зале установилась абсолютная тишина. Он говорил негромко, но каждый слышал его, и слово товарища Ленина, ясное, точное, западало в душу...

Ленин говорил в этот вечер о том, что осуществилось невиданное чудо: голодная, слабая, полуразрушенная Страна Советов победила своих врагов — белогвардейцев и интервентов — и что теперь перед нею стоит главная задача — наладить народное хозяйство.

Он говорил о самой чудесной в мире силе — силе рабочих и крестьян, на которую опирается Советская власть.

Глубокая вера в силу народа была одной из самых ярких черт ленинского характера. Он обладал удивительным умением чувствовать, выявлять и приводить в движение эту могучую силу.

Невозможно, немыслимо представить себе Ленина вне его связей с народом. В его кремлевский кабинет шли рабочие и ходоки от крестьян, ученые и работники местных органов власти. И сам Ленин часто выступал на рабочих собраниях, вел беседы с крестьянами, красноармейцами, учителями.

В связях с народом Ленин видел могучую силу и крепость партии. В связях с народом черпал он силу жизни.

Люди, которым хоть однажды посчастливилось слушать Ленина, навсегда сохранили в памяти ощущение того, как вместе с простыми и ясными словами в душу вливалась сила ленинской правды. Она окрыляла и ободряла их.

И еще навсегда осталось в памяти тех, кто встречался с Владимиром Ильичем, чувство простоты и близости Ленина. Во всей своей жизни, в мыслях и в действиях он был необыкновенно велик. Но в то же время, как никто, Ленин был чужд всякого славословия. Величальные эпитеты сердили его. Он не мог терпеть их. И не случайно острый и меткий на слово народ чаще всего называл его просто: Ильич.

Об этом рассказывали товарищи Колотнев, Титов и другие, кто слушал Ленина в тот вечер на заводе «Каучук».

— Каждое слово осталось вот здесь, в душе, — говорили они.

И хотя с тех пор прошло уже много лет, но когда эти люди оглядываются вокруг себя и на самих себя, то во всем узнают и чувствуют вечно живого Ленина.

— Возьмите для примера наш завод «Каучук», — сказал Колотнев. — Вы знаете, какой был он в то время? Маленький, слабый. Что мы делали? Смешно вспомнить: шины для пролеток извозчичьих...

А Ленин уже в ту пору мечтал об электрических станциях, об индустрии. Помните, как у него: «...из России нэповской будет Россия социалистическая»? И что же? Взгляните опять на наш «Каучук». Ого-го! — В глазах Колотнева блеснули голубоватые искорки. — Что мы делаем? Рассказать невозможно. Нет ни одной отрасли промышленности, которую бы не снабжал наш завод. Что это такое? Ленин!

— Постойте! — сказала невысокая худощавая женщина, секретарь редакции заводской газеты, влюбленная в свой завод и знающая здесь почти каждого человека. — А люди-то как у нас выросли!

— Да, люди выросли. И все, что произошло в их жизни, опять-таки связано с ленинскими предначертаниями.

Рабочий Алексей Колотнев, дежуривший в тот памятный вечер 1921 года у двери и первым встретивший Ленина, учился потом на рабфаке, на высших технических курсах и ныне начальник цеха. Работа его отмечена большими наградами: орденом Ленина и орденом «Знак Почета». Теперь ему уже 55 лет.

Сын его — офицер. И есть уже внучек. Словом, у Колотнева хорошая семья.

Тут же сидит Михаил Филиппович Титов. В тот год, когда Ленин выступил на собрании рабочих завода «Каучук», у Титова была несколько необычная квалификация: младший командир 16-го конно-артиллерийского дивизиона второй конармии.

Но с тех пор он успел окончить Промакадемию, стал инженером и ныне возглавляет заводское бюро рационализации и изобретательства. Кстати сказать, БРИЗ «Каучука» сейчас занимает первое место среди предприятий химической промышленности Советского Союза.

— Вниманию к рабочей инициативе нас учил Ленин, — говорит Михаил Филиппович.

Работа Титова тоже отмечена — орденом Трудового Красного Знамени.

А та самая женделегатка, Маруся Изворская, которую похвалил Владимир Ильич за то, что она распространяет газеты среди рабочих? Она теперь уже пенсионерка.

— А вы знаете, кто теперь советский посол в Федеральной Республике Германии? — спросили в редакции заводской газеты.

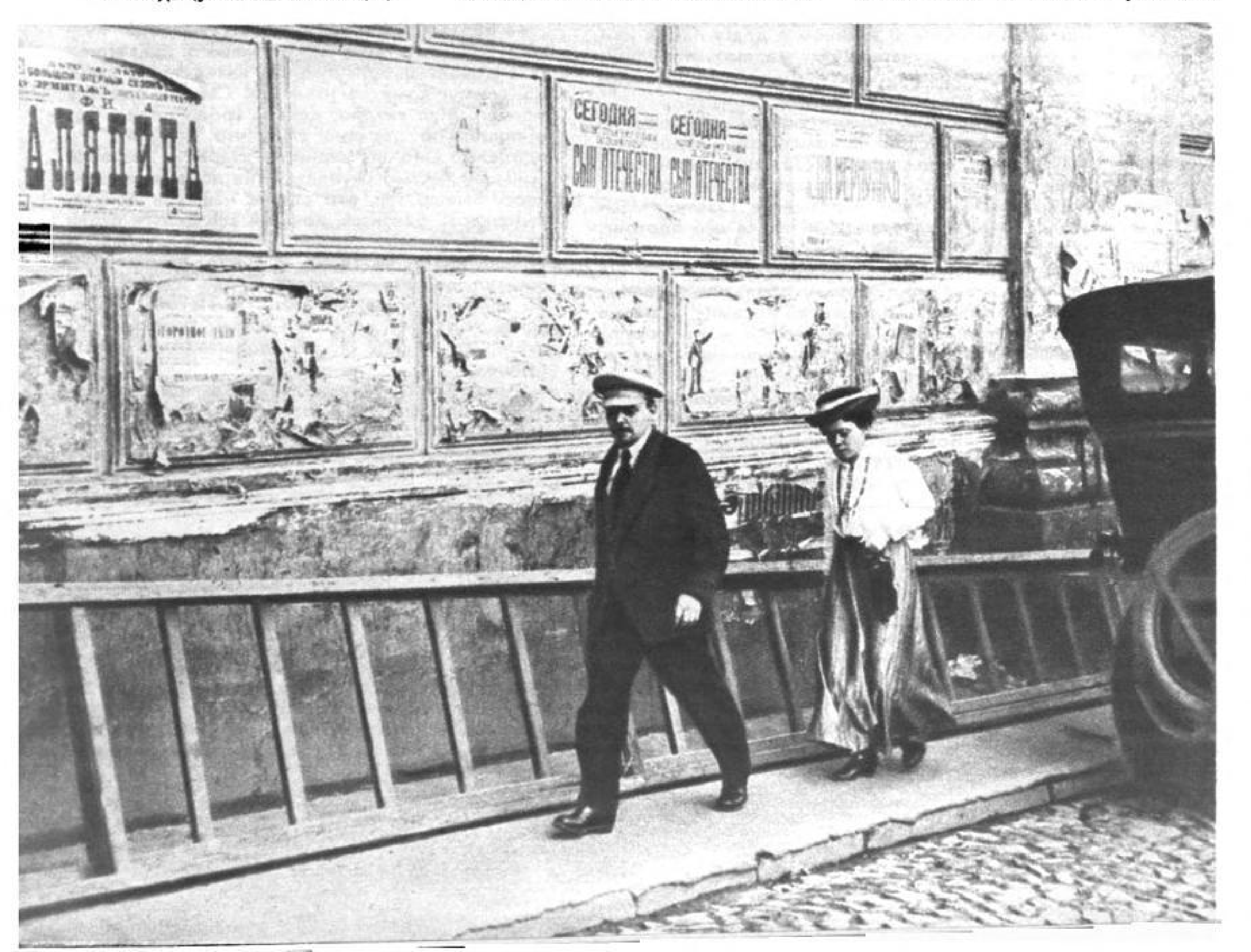
— Зорин.

— Так ведь это же бывший рабочий «Каучука»!

Так, вспоминая товарищей и словно оглядываясь вокруг себя, эти пожилые люди отмечали многое, что происходило у них на глазах, свидетелями и участниками чего были сами они: вот изменился завод, неузнаваемо изменились Хамовники, изменились судьбы людей. И все это связано с Лениным.

Люди жили, работали, претворяя в жизнь ленинскую мечту, ленинские заветы, и, увлеченные этим трудом, они становились сильнее, выше и благороднее, словно в них самих откристаллизовывалась чудесная сила ленинской правды.

В. ПОЛТОРАЦКИЙ



В. И. Ленин и М. И. Ульянова направляются на заседание V Всероссийского съезда Советов. Июль 1918 года (у Большого театра).

Copyrighted material

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ И РАБОТАЛ ЛЕНИН

Через Спасские ворота мы проходим в Кремль. День воскресный. Кремлевские улицы и площади полны народа. Экскурсанты осматривают дворцы и древние соборы.

Вместе с нами идет высокий худощавый немолодой уже мужчина с глубокими морщинами на лице. Он пытливо вглядывается во все окружающее. Это Павел Дмитриевич Мальков.

В марте 1918 года, когда Советское правительство во главе с Владимиром Ильичем Лениным переехало в Москву, матрос-большевик с крейсера «Диана» Павел Мальков, бывший в Петербурге комендантом Смольного, стал комендантом Московского кремля.

И вот Мальков идет с нами по Кремлю.

Едва поспевает за Павлом Дмитриевичем пожилая женщина небольшого роста. Как и матрос Мальков, работница золотошвейной московской фабрики Евдокия Ивановна Смирнова лично знала Владимира Ильича. Она с марта 1923 года жила в семье Ульяновых, помогала ухаживать за больным Ильичем.

Мальков и Смирнова направляются в исторические комнаты в Кремле, в которых жил и работал Ленин. Они поднимаются на третий этаж и идут по длинным коридорам мимо кабинетов членов правительства. В высокие окна льется яркий солнечный свет.

Мальков подходит к окну. Он вспоминает дни переезда Советского правительства из Петрограда в Москву. Первое распоряжение, которое Ленин отдал новому коменданту Кремля, было: поднять над зданием правительства государственный флаг. Вот он гордо реет над великой социалистической державой, знаменуя победу ленинского дела!

Все серьезнее и сосредоточеннее становятся Мальков и Смирнова, приближаясь к ленинской квартире. С такими чувствами переступили они порог прихожей, где у стен стоят дорожные сундуки, а на вешалке висят трости Владимира Ильича и зонтик Марии Ильиничны.

Квартира небольшая, из четырех комнат, обставленная скромно. Самую маленькую комнату с одним окном занимал Владимир Ильич. В ней небольшой письменный стол, книжный шкаф. Кровать простая, никелированная, покрытая тяжелым стеганым одеялом.

Евдокия Ивановна осматривает комнату глазом хозяйки. Да, все так, как было при Ильиче...

— В этой комнате, — говорит Павел Дмитриевич Мальков, — Владимир Ильич лежал на кровати после ранения. В комнатах было полно цветов, присланных от рабочих, крестьян, от партийных организаций.

— Ильич очень любил полевые цветы, — вставляет Евдокия Ивановна.

Смирнова указала нам на семейную реликвию Ульяновых — старый, потертый от времени плед, подарок Марии Александровны, матери Владимира Ильича. Ленин брал его с собой во все странствия.

Евдокия Ивановна открыла дверцы шкафчика для посуды и увидела знакомые тарелки, чашки, вилки, ложки, которыми пользовался Ленин. Взяла их в руки и любовно перебирала...

Как-то Ленин сказал Евдокии Ивановне:

— А вы будете членом партии!

— Что вы, Владимир Ильич, — запротестовала она, — разве таких, как я, неграмотных, примут в партию?!

— У вас сознание правильное, а грамоте вы научитесь, — ответил Ленин.

Надежда Константиновна вскоре научила ее читать и писать.

После смерти Владимира Ильича, в ленинский призыв, Евдокия Ивановна Смирнова вступила в Коммунистическую партию. Ее рекомендовали Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

В одной из комнат, которую называли «докторской», потому что в ней происходили консилиумы врачей, на столе лежит книга записей. Она запечатлела глубокие чувства любви и уважения к вождю и учителю мирового пролетариата, к создателю великой Коммунистической партии и Советского государства. Эти чувства выражены на всех языках мира: начертаны латинскими буквами, китайскими иероглифами, арабскими знаками, русскими словами.

Вот запись, оставленная Хо Ши Мином:

«Ленин — великий учитель пролетарской революции. Он — человек самой высокой морали, который учит нас трудолюбию, экономии, чистоте, прямоте.

Вечно бессмертен Ленин».

«Жизнь Ленина вечно будет примером для нас», — записывает маршал Китайской Народной Республики Чжу Дэ.

Делегаты XX съезда от Ленинградской партийной организации оставили в книге такие слова:

«Вся жизнь и работа Владимира Ильича Ленина — это величайший подвиг во имя счастья простых людей на земле. Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет последовательно претворяют в жизнь великие заветы Ленина. Мы отдадим все силы и знания великому делу строительства коммунизма в нашей стране».

...Широкий коридор ведет из квартиры Владимира Ильича в его рабочий кабинет.

В годы, когда Павел Дмитриевич Мальков был комендантом Московского кремля, вдоль коридора стояли телеграфные аппараты, по которым Ленин говорил по прямому проводу с фронтами. Теперь здесь протянулась мягкая дорожка.

А вот и кабинет Ленина. Комната невелика, в два окна. Книжные шкафы, письменный стол, мягкие кресла для посетителей и географические карты на стенах.

Мальков подходит к письменному столу: здесь все так, как было когда-то. Все на нем разложено аккуратно. Ленин был исключительно организован. Павел Дмитриевич хорошо помнит, как точен был Ильич. Ровно в 10 часов он приходил в кабинет и начинал свой напряженный трудовой день. Поступающую на его имя почту он вскрывал сам. Под рукой у него лежали два ножа для бумаги и ножницы. Было известно, что если ножницы положены на какие-либо бумаги, значит, их трогать нельзя.

Так и лежат ножи и ножницы на своем обычном месте, словно сейчас Владимир Ильич сядет за стол и продолжит работу...

Внимательно разглядывает Мальков книги в шкафах. Он ищет памятные корешки: ему довелось приносить ящики с книгами в кабинет и раскладывать их на полках. Да, вот Пушкин, Горький, Чехов, Короленко... В кабинете около двух тысяч книг, а семейная библиотека, расположенная в другом месте, насчитывает двадцать тысяч книг.

Дверь из кабинета Ленина ведет в зал заседаний Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Обороны, Политбюро ЦК партии. Теперь зал реконструирован, расширен, обставлен новой мебелью. В центре его — длинный стол, покрытый тяжелой зеленой скатертью. На нем разложены очиненные карандаши, блокноты, бумага.

В этом зале и сейчас происходят заседания Совета Министров СССР. На стене несколько раскрывающихся географических карт: физическая, административная, железнодорожных станций СССР, Европы, мира. В углу кабина для срочных телефонных разговоров.

А в стороне, у стены, недалеко от места председательствующего, под большим портретом Ленина, стоит плетеное кресло, точно такое же, как и в кабинете. На кресле табличка: «Кресло, на котором сидел В. И. Ленин во время заседаний СНК, СТО и Политбюро с 1918 по конец 1922 г.».

Я. МИЛЕЦКИЙ

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Горках. 1922 год.

ПАРИЖ, ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Франсис ЖУРДЕН

Дом № 4 по улице Мари Роз, в котором жил В. И. Ленин с июля 1909 года по июнь 1912 года.

Дом в предместье Парижа Лонжюмо. Летом 1911 года В. И. Ленин организовал здесь партийную школу.

Не правда ли, он очень красив, этот Орлеанский проспект? Он напоминает скорее стремительный, весь в водоворотах поток, нежели спокойную, величавую реку. Но Орлеанский проспект — прежде всего широкая и длинная улица, шумная, голосистая, волнующаяся. Это улица, по которой ты вступаешь в большой город, умеющий трудиться, смеяться, бороться, любить, страдать. Здесь ты в настоящем Париже, в самой сердцевине его Четырнадцатого округа, в Париже таком, каков он есть, без прикрас.

Но пройди отсюда по улице Алезии до той самой Зеленой дороги, которую в память одной из жертв нацистских оккупантов теперь называют именем Отца Корентэна. И тут ты внезапно окажешься в совсем ином мире, среди тишины, спокойствия, почти безлюдья. Глядя на домишки деревенского типа, начинаешь понимать, что совсем еще недавно здесь и в самом деле все было в зелени. Улица не стыдится своего прошлого и не в восторге от пришельцев-чужаков, шестиэтажных домин, понемногу вытесняющих старые сараи. Неподалеку отсюда большое здание. Оно не придает радости улице Мари Роз, такой же невзрачной, как тогда, когда ее знавал Ленин.

Ленин прожил три года в этом доме. Безмолвный и безликий фасад ничего не говорит о человеке с живыми и смеющимися глазами, которого друзья любовно звали «Ильич». Но вглядись, вспомни — и он перед тобою. Кажется, вот сейчас он выйдет из дому, направляясь в библиотеку святой Женевьевы, где он так много читает, пишет, изучает. А возможно, что сегодня он отдыхает и прогуливается без цели по близлежащим улицам. Ты говоришь, без цели? Нет, он и на прогулке изучает, обогащает себя знаниями, впечатлениями. Наблюдая за тем, как живет народ, трудолюбивый, гордый, близкий его сердцу, Ленин познает не меньше, чем из книг, в которых он знает толк. Ленин любит пытливую мысль, любит действие, он знает, что мысль и дело взаимно связаны, неотделимы друг от друга.

Ленин глубоко знает народ своей страны. Теперь он хочет поближе узнать простых людей страны, давшей приют ему. Он любит бывать в гуще толпы Четырнадцатого округа Парижа; по вечерам его можно видеть на улице, которую местное население прозвало улицей Радости...

Добыть, завоевать радость людям, открыть людям дорогу к счастью — вот чему посвятил себя Ленин. Он говорит, что подлинный политический борец должен уметь мечтать.

Являясь неповторимым социальным борцом, Ленин умеет мечтать. О чем мечтает он? О том, чтобы помочь людям избавиться от горя, несчастий.

...Ленин прогуливается по Четырнадцатому округу, между улицей Плэзанс и парком Монсури, он погружен в мысли и мечты, но время не проходит для него напрасно. Любое слово, которое он услышит на рынке, у выхода из родильного дома, возле лотка уличного продавца, поучительно и ценно для него.

Ленин знает наше прошлое лучше, чем даже мы сами. Он не пройдет мимо церкви Сен-Пьер де Монруж, не вспомнив о десятке молодых парижан, которые, забравшись на колокольню, поддерживали огнем баррикаду на шоссе Мэн, где горстка коммунаров оборонялась от ворвавшихся в Париж версальцев. Ленину прекрасно известно, что на кладбище Монпарнас шли бои и что из Обсерватории коммунары обстреливали солдат гнусного карлика Тьера.

Уголок в парке Монсури — место прогулок Владимира Ильича.

Ленин думает над историей, над тем, как объяснить трудящимся, в чем состоит дело, им близкое, как указать им путь к освобождению.

Этот путь Ленин нашел, развивая далее идеи Маркса. Он нашел его потому, что всегда чувствовал локоть друга — рабочего. Так было всюду — в России, в Англии, в Швейцарии...

Было так и в Париже, в Четырнадцатом округе.

Париж.

Зал в кафе «Манийер» в Четырнадцатом округе Парижа. Здесь В. И. Ленин проводил собрания русских революционеров-эмигрантов.

Copyrighted material

ДЕЛЕГАТ ИЗ ВЕСЬЕГОНСКА

Рассказ

Ольга ТАРАСЕВИЧ

От уездного городка Весьегонска до железной дороги пришлось ехать семьдесят пять верст на лошадях по снежному пути. Топлива не хватало, паровозы подолгу простаивали на станциях. И лишь на третьи сутки добрался учитель Александр Александрович Виноградов до столицы.

Это было суровой зимой 1920 года. В Москву Виноградов приехал по важному делу.

В гостинице матовые абажуры ламп казались покрытыми изморозью. Оставив вещи в нетопленном номере, Александр Александрович вышел на заметенную снегом улицу. Русые брови и пышные усы его быстро поседели от мороза.

Паренек в дубленом полушубке вез по улице санки с дровами. Виноградов догнал его, и после короткого разговора состоялся обмен нескольких березовых поленьев на восьмушку пайковой махорки (Александр Александрович не курил).

Вернувшись в номер, учитель расколол сухие промерзшие дрова на мелкие полешки и затопил железную печку-времянку. Шелковистая березовая кора, скручиваясь, подымила немного и вспыхнула ярким пламенем. Учитель прикрыл дверцу. Веселый огонь заметался в печурке, накаляя ее тонкие стенки.

Из других комнат на огонек пришли незнакомые люди, попросили разрешения вскипятить воду и погреться.

Скоро на печурке теснились жестяные чайники и кружки, а в походном котелке булькало, развариваясь, пшено.

Когда дрова прогорели, на углях стали печь привезенную учителем картошку. Он рассказывал про весьегонскую жизнь.

Картошка испеклась и была съедена без соли: стакан соли стоил сто тысяч рублей.

Люди согрелись от печки и душевного разговора и разошлись по своим комнатам.

Виноградов ходил по комнате, раздумывая о деле, которое поручил ему Весьегонский съезд работников просвещения.

В уезде еще в 1918 году было введено обязательное обучение, открыты новые школы, курсы для взрослых. Работы учителям было очень много, но они так обессилели от многолетних лишений, что их необходимо было поддержать, подкормить, обуть, чтобы они могли продолжать работу.

Достав бумаги, Виноградов перечитал «наказ» делегату. Учителя получали двадцать фунтов хлеба в месяц, и то с перебоями; больше никаких продуктов не выдавалось. Не было ни обуви, ни одежды. Керосина дали по два фунта на год, и зимними вечерами занесенные снегом дома погружались в темноту. Учителя голодали. А хлеб в уезде был; каждый день его увозили мешочники, спекулянты.

Куда было идти учителям со своим горем?

Вот и прислали они в Москву делегата.

На другой день, 27 февраля, Виноградов отправился в Кремль.

Утро было холодное. С Москвы-реки тянул ледяной ветер.

Предъявив мандат, учитель поднялся на второй этаж. Там шла конференция работников внешкольного образования. В перерыве он подошел к Надежде Константиновне Крупской и рассказал ей о своем деле.

Виноградов много слышал о Надежде Константиновне еще от старых кружковцев: они помнили ее стройной голубоглазой девушкой, приносившей рабочим книги за Невскую заставу. Впервые он увидел ее на Всероссийском съезде по внешкольному образованию в восемнадцатом году.

— Вам надо поговорить с Владимиром Ильичем,— сказала Крупская.— Он сейчас занят, но я все-таки узнаю, сможет ли он вас принять.

Она ушла в другую часть здания.

«Едва ли сейчас Ленин найдет время поговорить со мной»,— подумал Виноградов.

Но через несколько минут Надежда Константиновна сказала, что Владимир Ильич, как только закончится у него совещание, примет учителя.

— А покамест не хотите ли участвовать в работе конференции? — предложила она.

На конференции речь шла о том, как приблизить к рабочим и крестьянам книгу. Виноградова эти вопросы живо интересовали. Он попросил слова, но в это время вошла Лидия Александровна Фотиева, секретарь Ленина, и сказала:

— Владимир Ильич освободился и может вас принять.

Они прошли через высокие холодные комнаты. За столами работали люди в накинутых пальто.

Перед двустворчатыми дверями учитель остановился, чтобы достать документы. Привычно взглянул на часы: было ровно два.

Владимир Ильич поднялся из-за стола, сделал несколько шагов ему навстречу, пожал руку и пригласил садиться в глубокое кожаное кресло. И еще долго Виноградов ощущал его горячее, крепкое рукопожатие.

Виноградов передал Ленину «наказ» и только собрался начать хорошо обдуманный доклад, как Владимир Ильич, пристально взглянув на него, в упор задал вопрос:

— А как ваши учителя относятся к Советской власти?

— Смею вас заверить, бóльшая часть хочет честно служить народу и потому стоит на стороне Советской власти,— ответил Виноградов и неожиданно для самого себя вместо заготовленного доклада горячо и откровенно заговорил обо всем, что волновало учителей: как трудно им живется, как много в уезде непорядков. Есть работники, которые не выполняют распоряжений центра, а работа у учителей большая: народу нужна грамота, надо читать и разъяснять крестьянам декреты.

Сосредоточенно слушая, Ленин кивком головы и короткими репликами ободрял учителя.

— Скажите, ведь книжечка Тодорского о Весьегонском уезде написана?

— Да.

— Хорошая книжечка,— похвалил Владимир Ильич и, задав еще несколько вопросов, спросил, где теперь Тодорский.

— В действующей армии,— ответил учитель.

Незаметно зашел разговор о жизни самого Виноградова. Когда Владимир Ильич узнал, что он бывший рабочий питерских заводов, глаза его обрадованно заблестели.

Услышав, что Александр Александрович окончил несколько учебных заведений, Ленин посоветовал ему не бросать научных занятий.

Потом вынул из бокового кармана поношенного серого костюма записную книжку с железнодорожной картой и вместе с учителем стал рассматривать направление новой строящейся линии. Она имела жизненное значение не только для Весьегонска, но и для всей страны, как часть магистрали Москва — Петрозаводск.

Затем Владимир Ильич поручил секретарю спросить, когда примут делегата в Наркомпроде, а сам стал писать письмо членам его коллегии.

Ленин сидел, повернувшись к Виноградову в профиль, склонив голову к столу. Учитель пристально вглядывался в его лицо. Он подумал, что фотографии не передают образа Ленина, они схватывают лишь мгновенное выражение его непрестанно меняющегося лица, в них не хватает «живого духа» Ильича, как говорил потом Александр Александрович.

Написав письмо, Владимир Ильич отдал его Виноградову и сказал, прощаясь:

— Двери для учителей всегда открыты. Передайте им это вместе с моим приветом.

В соседней комнате Александр Александрович прочитал написанные на бланке Председателя Совета Народных Комиссаров мелким почерком строчки:

«Тов. Виноградов, председатель исполкома Весьегонского Учительского союза, предъявил прилагаемое ходатайство.

Суть дела — предписать Весьегонскому Упродкому выдать учителям (около 500 в уезде) повышенный паек хлеба и картофеля, плюс обувь или кожа. И то и другое из местных запасов — есть в уезде излишки. Прошу сегодня же навести необходимые справки (товарищ завтра должен уехать) и ответить мне по телефону (вечером в собрании решим). Ленин».

Александр Александрович бережно сложил письмо и спрятал на груди во внутренний карман тужурки.

Снова взглянул на часы: сорок пять минут продолжалась беседа с Лениным. Он стал наскоро записывать ее содержание[1], но в это время Владимир Ильич вышел из кабинета и поторопил Виноградова идти в Наркомпрод.

Оказалось, что он успел поговорить по телефону с членами коллегии, и вопрос о помощи весьегонским учителям был предрешен.

[1] Запись этой беседы опубликована в 1924 году, издание Весьегонского музея.

В. И. Ленин с племянником Виктором. Горки. 1922 год.

БЕССМЕРТНЫЙ ОБРАЗ

На мольберте еще не законченное полотно — Владимир Ильич, выступающий на Красной площади 1-го мая 1919 года. Правая рука зажала кепку, левая простерта вперед, и кажется, что явственно слышишь, как над бескрайним людским морем, заполнившим историческую площадь, звучит вдохновенное ленинское слово...

Автор картины — заслуженный деятель искусств РСФСР П. В. Васильев. В его мастерской все напоминает о бессмертном образе: и лежащая на столе гипсовая маска с лица Владимира Ильича, и висящие на стенах картины, и бережно хранимые в шкафу редкостные фотографии, и десятки альбомов с эскизами, и сотни рисунков, в каждом из которых художник старался передать дыхание тех незабываемых лет, когда еще жил Ленин.

Вот что рассказывает Петр Васильевич о своих работах.

П. В. ВАСИЛЬЕВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Я был лишен счастья видеть Ленина, писать его портрет с натуры, хотя начал рисовать Владимира Ильича еще при его жизни. Это было почти тридцать пять лет назад. В Одесском художественном институте, где я учился, организовали производственную мастерскую, выполнявшую заказы по оформлению клубов. Здесь я впервые написал маслом портрет В. И. Ленина. Работу похвалили, и, ободренный этим, я решил создать серию рисунков, посвященных жизни и деятельности Владимира Ильича. И тут же встретился с первой большой трудностью: где взять документальные материалы? Правда, в институте помогли достать нужные фотографии, но их оказалось очень мало. И вот после многомесячных моих трудов появились первые листы. Какие это были наивные и поверхностные рисунки!

Но интерес ко всему, что отражает дорогой образ Ильича, был настолько велик, что на выставке работ учащихся института моим рисункам предоставили отдельную комнату. Эти ученические произведения, несмотря на явные недостатки, были встречены с большим вниманием. Мне настойчиво советовали продолжать начатое.

От рисунка к рисунку расширялись творческие замыслы. За небольшими зарисовками последовал портрет, затем композиции, воспроизводящие отдельные эпизоды из жизни Владимира Ильича, показывающие Ленина — вождя, великого государственного деятеля и в то же время обаятельного человека. При всем этом я стремился к сохранению максимального сходства, к тому, чтобы бережно запечатлеть каждую черту облика Владимира Ильича.

Невозможность писать с натуры нужно было восполнить кропотливой разработкой богатого изобразительного, документального и литературного материала. Были у меня и чудесные помощники, мысленно я называл их своими соавторами. Это люди, работавшие под руководством Ленина, встречавшиеся с ним. Я жадно расспрашивал их о Владимире Ильиче, меня интересовала его походка, манера разговаривать, выступать перед аудиторией, слушать собеседника, читать газеты, пить чай... Хотелось представить Владимира Ильича таким, каким он был в жизни.

Перелистывая тетрадь с записями таких воспоминаний, я прежде всего останавливаюсь на страницах, которые более двадцати лет назад заполнял с трепетным волнением. Эти страницы — беседа с самым близким другом Ленина, Надеждой Константиновной Крупской. Никто так не помог мне в работе над образом Ленина, как Надежда Константиновна, страстно любившая живопись, хорошо разбиравшаяся в ней, а самое главное — знавшая Ленина лучше, чем кто бы то ни было.

...В 1933 году я делал зарисовки Горького на вечере, посвященном окончанию строительства Беломорско-Балтийского канала. В конце торжественного заседания я подошел к Алексею Максимовичу и попросил поставить автограф на одном из рисунков. Горький охотно выполнил просьбу и стал перелистывать альбом, наполовину заполненный эскизными рисунками на ленинскую тему. Горький посоветовал показать их Крупской.

Вскоре я встретился с Н. К. Крупской на конференции библиотекарей. Она села со мной в сторонке и начала внимательно просматривать рисунки. Некоторые одобрила, другие попросила исправить, а в общем отметила недостаток, характерный, по ее словам, для многих художников:

— Нельзя пользоваться лишь двумя — тремя фотографиями Ленина. Фотографий имеются сотни, но они не используются художниками. Это ненормально. У вас много рисунков, изображающих Ленина, но материалов о Владимире Ильиче по-настоящему вы еще не знаете. Пойдите в Музей Революции, там вам посодействуют.

И действительно, по указанию Надежды Константиновны музей предоставил мне богатый архивный литературно-документальный материал, который очень помог в дальнейших работах. Однако в течение нескольких лет я не решался показывать их Крупской. И только в 1936 году я позвонил по телефону, спросив ее мнение о моих рисунках, привезенных ей из Изогиза.

— Шаг вперед сделан. Появилось разнообразие. Но только один шаг,— ответила Надежда Константиновна.

Через год был готов эскиз задуманного мною портрета Ленина — Владимир Ильич выступает с речью. Одной рукой опирается на стол, другая — в кармане. На столе — стакан чая и бумаги. Это были детали, подсказанные Надеждой Константиновной.

В 1939 году в ЦДКА была устроена выставка моих работ, посвященных Ленину. Надежда Константиновна обещала приехать, а потом позвонила по телефону, что чувствует себя плохо и просит прибыть к ней, захватив фотографии экспонированных работ и вышедший из печати альбом «Ленин».

Состоялся большой разговор о ленинской теме в советском искусстве.

— Не могу не высказать свое мнение о произведениях искусства, посвященных человеку, с которым десятки лет делила радости и горести. Буду откровенна, хотя, может быть, и резка: далеко не все сделанное художниками удовлетворяет меня. Кое в каких композициях нет главного — исторической правды. То же относится и к художественным фильмам. Ленин не похож там на себя.

Разговор переключился на документальный фильм о Ленине. Я смотрел этот фильм десятки раз, и мне было интересно мнение Крупской о нем.

— Фильм хороший. Но есть там один недостаток: Ленин слишком суетится. Это неверно,— вероятно, сказался недостаток кинотехники того времени,— Ленин никогда не был суетлив.

Надежда Константиновна упрекнула некоторых художников и в другом: они изображают Ленина слишком статичным, с удивительно спокойным, иногда и равнодушным выражением лица.

— У Ленина,— говорила Надежда Константиновна,— было живое, очень выразительное лицо, на котором всегда прочтешь его настроение.

И стала вспоминать октябрь 1917 года.

— В те дни я его совершенно не узнавала — воодушевленного, необычайно радостного, озаренного. Каждая черточка его лица словно говорила: какое счастье!

— Всегда ли Владимир Ильич щурил глаза?

— Нет, не всегда. Ленин любил смотреть на собеседника открытыми глазами. Щуриться он начал лишь после того, как ослабло зрение. Попутно еще об одной типичной ошибке: некоторые полагают, что Ленин, выступая с речью, потрясал поднятыми руками. Это не характерный для Ленина жест. Владимир Ильич любил одну руку прятать в карман, а другой жестикулировал или чаще держал ее за спиной. И никогда не стоял на одном месте. Подходил к краю рампы, если выступал со сцены, нагибался к слушателям...

Внимательно рассматривая фотоснимки с большого количества моих работ, Надежда Константиновна отобрала четыре рисунка и несколько эскизных набросков, в которых, по ее мнению, Владимир Ильич изображен более удачно. Такой строгий отбор подсказывал, в каком направлении нужно трудиться дальше.

Прощаясь, Надежда Константиновна сказала:

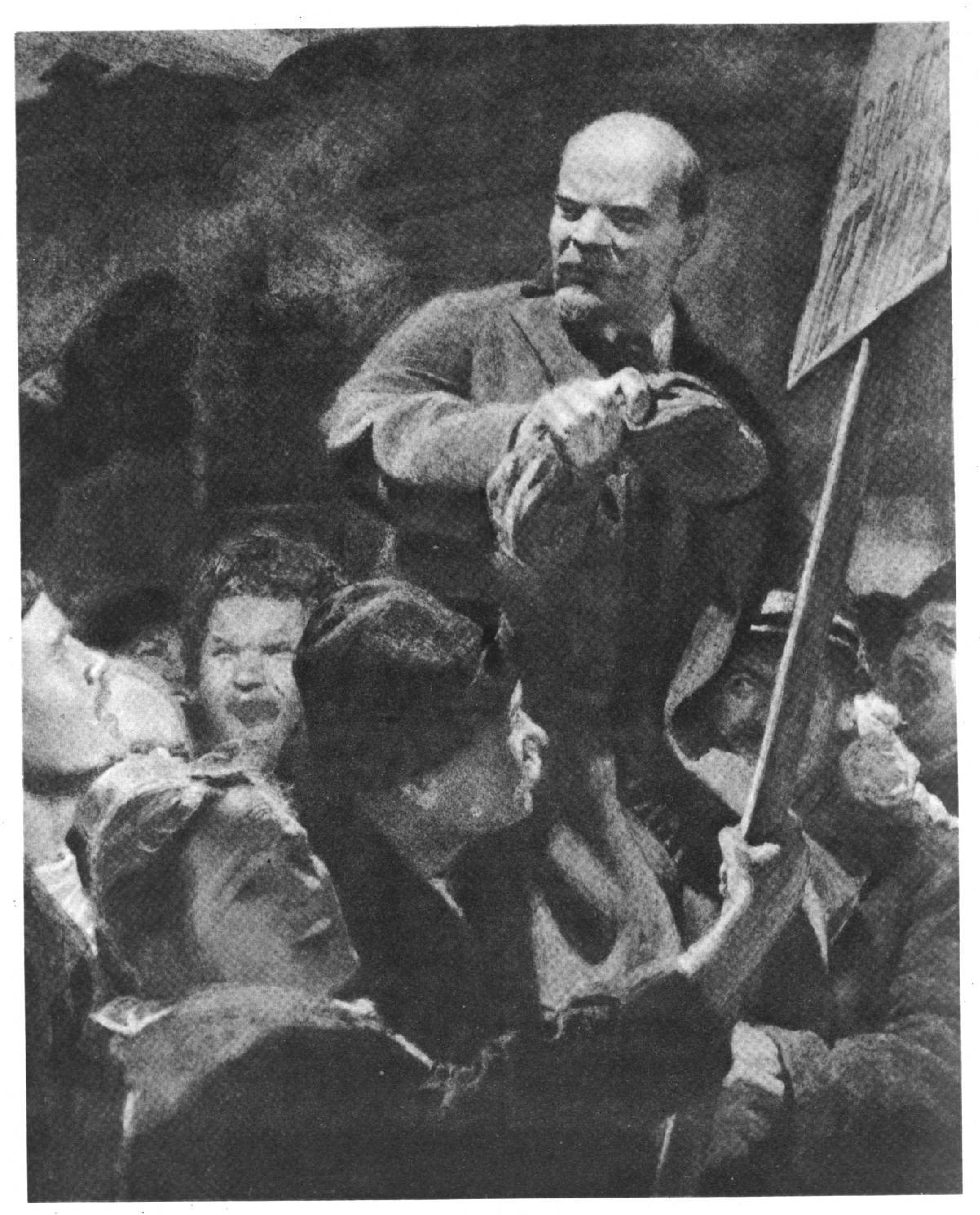
— Я пожелала бы работникам искусства глубже осваивать литературно-документальные материалы. Для того, чтобы изображать Ленина, надо изучать его труды, речи. В них художник скорее почувствует, каким был Владимир Ильич.

Адресованные нам, художникам, замечания Надежды Константиновны не потеряли значения и сегодня. Думается, мы, художники, вместе с историками должны принять на свой счет и некоторые упреки, раздававшиеся с трибуны XX съезда партии. И упрек в том, что еще недостаточно раскрывается роль Ленина как руководителя большевистской партии и Советского государства; и упрек в том, что еще слабо освещена деятельность Ленина в период гражданской войны и после нее; и упрек в том, что кое-кто из нас, так же как и историки, приукрашивал исторические события или упрощал их, освещал однобоко, а следовательно, неверно.

В большом еще мы долгу перед народом, который хочет, чтобы на века, для будущих поколений, сохранился в искусстве дорогой образ.

П. В. ВАСИЛЬЕВ. В. И. ЛЕНИН ПО ДОРОГЕ В ПЕТРОГРАД В 1917 ГОДУ.

Copyrighted material



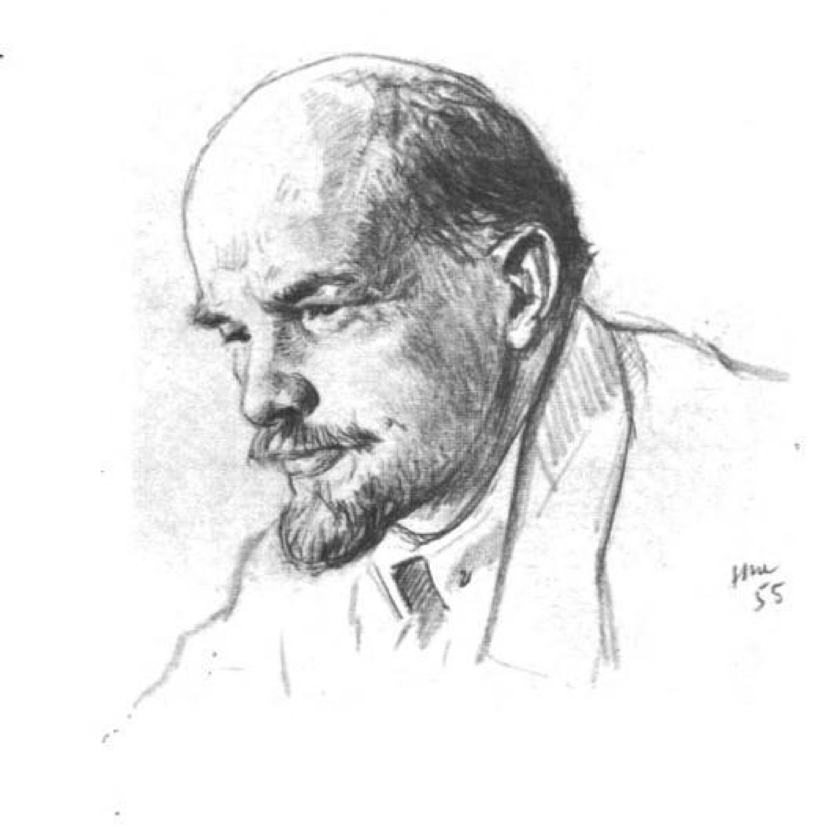
ЛЕНИН ПРИЕХАЛ!

Е. А. Кибрик.

«Огонек». 1956.

Copyrighted material

Аппассионата.



В беседе.

В вагоне.

Все налаживается.

Copyrighted material

Не теряйте минуты!

Рисунки Н. Н. Жукова.

Copyrighted material

В. И. ЛЕНИН.

Н. Н. Жуков.

Copyrighted material

СЛОЖЕНИЕ И УМНОЖЕНИЕ

Я. ФОМЕНКО

Фото А. Гостева.

В колхозе «Герой» ожидали гостя. Про него читали раньше в газетах, знали понаслышке и говорили: «Это такой человек... Все видит насквозь... У него глаз, что алмаз...»

Кое-что в этих разговорах было преувеличено. Но молва остается молвой. Она без правды не живет.

И вот гость приехал. Держался он просто. Когда пригласили посмотреть хозяйство, сказал:

— А зачем нам все смотреть, парад устраивать? Пойдемте на свиноферму.

Пошли.

По ферме гость ходил хмурый, словно глядел на собственное горе, и осуждающе покачивал головой. Окончив осмотр, он спросил:

— Пенициллином поросят откармливаете?

Смущенный ветеринар невнятно пробормотал:

— Поддерживаем...

— Поддерживаете? — с легкой издевкой переспросил гость.— Зря деньги тратите. Дайте нож!

У ветеринара ножа не оказалось. Завфермой беспомощно топтался на месте.

— Батюшки! — удивленно воскликнул гость.— Вот так животноводы! Ни одного ножа на ферме! А если скотинку срочно прирезать надо? Жалко? Пусть лучше мучается под вашим заботливым присмотром? Так, что ли?

— Федор Петрович...

— Что Федор Петрович? Животновод с ножом не расстается. Вот тут держит!

Федор Петрович хлопнул себя по тому месту, где обычно бывают голенища сапог, и, смеясь одними глазами, озорными и колючими, опять спросил с ехидцей:

— А может, боитесь, что примут за разбойников?

...Как у него ловко получилось! Блеснуло стальное лезвие — и он показал легкие, все в язвах, хилое, тряпичное сердце.

— Посмотрите! Жил бы поросенок?

Ветеринар отрицательно замотал головой.

— Пустым делом занимаетесь,— неожиданно мягко и соболезнующе сказал гость.— Две ампулы лекарства дороже такого заморыша. А возни сколько с ним? Я, грешный, больше признаю корм и уход, чем ваш пенициллин. Сколько платить?

Федор Петрович полез в карман, намереваясь рассчитаться за прирезанного поросенка. Хозяева запротестовали, и он добродушно рассмеялся:

— Не хотите денег? Богачи! Ладно. Вот что советую... Прирежьте больную скотинку. Иначе прогорите на пенициллине. Перестройте помещение. Разве это свинарник?

Обратившись к председателю колхоза, Федор Петрович сказал:

— Владимир Иванович! Скажу по-дружески: прогонят тебя колхозники! Тяни в гору хозяйство, а не поддерживай... пенициллином.

* * *

Гость уехал, а Владимир Иванович Сергеев долго еще находился под впечатлением преподанного урока.

Было о чем задуматься. Круто поменялись у них роли с Федором Петровичем. Еще не так давно председатель колхоза имени Буденного, Ядринского района, Федор Юхтанов спрашивал Сергеева:

— Как думаешь, Владимир Иванович, намылят мне шею?

Нетерпеливый в поисках нового, Юхтанов, что-нибудь задумав, обращался за советом к Сергееву. Расходились во мнениях они редко. Но если уж расходились, то каждый упорно защищал свою точку зрения. Разгорячившись, они награждали друг друга увесистыми словесными тумаками.

Владимир Иванович иногда бросал неосторожные слова:

— Я двадцать лет занимаюсь сельским хозяйством!

Юхтанов отвечал на такой довод:

— Конечно, занимаешься. С боку припека! А ты сядь на мое место!

Федор Петрович вскакивал и, указывая пальцем на табуретку, требовал:

— Сядь! Проявляй инициативу, а я вокруг тебя с блокнотиком буду похаживать!

И еще упрямее Юхтанов доказывал свою правоту. Самые запутанные дела он сводил к простейшей формуле: раз выгодно государству и колхозникам, значит, хорошо. Он не признавал уравнений со многими неизвестными и заменял их арифметическими действиями; любил сложение, умножение, ненавидел деление и вычитание. Расти, двигаться вперед означало у него складывать и умножать. И он складывал и умножал. Самые большие доходы из всех колхозов Ядринского района имела артель Стрелецкой Слободы. Самые высокие надои молока — в той же артели. Лучшие свиньи и лошади — на фермах и конюшнях Стрелецкой Слободы. Каждая курица там «умножает и складывает» — приносит в год сто пятнадцать рублей дохода. Жители Стрелецкой получают на трудодень, кроме всякой натуры, по десяти рублей плюс значительные суммы дополнительной оплаты.

Состояние колхоза — веский аргумент в спорах Юхтанова с Сергеевым. Но Федор Петрович только «на закуску» пускал в ход этот козырь. Если Сергеев бил и эту карту, он утихал и с уважением к оппоненту говорил:

— Вы, черти, газетчики, все знаете. А я что? Кто я? Русский мужик,— может, кое-чего и недобираю.— И он со смиренным видом стукал согнутыми пальцами по широкому лбу.

Федор Петрович прибеднялся. Знаний у него хватало. Ему нужен был тактический маневр: прикинуться слабеньким, чтоб прикрыть отступление, сберечь самолюбие. Он болезненно воспринимал чужое превосходство. Давно бы они поссорились, не умей Юхтанов во-время взять себя в руки, чтоб не портить дружбу мелкой страстишкой. Дружбу с Сергеевым он ценил. Помимо того, он сознавал, что может увлечься и наделать ошибок. Поэтому, прикинувшись этаким мужичком, он обещал «помозговать».

А Владимир Иванович, глядя в такие минуты на Юхтанова, думал: «Какой же ты умница — русский мужик со средним образованием! Цены тебе нет!»

Сергеев был корреспондентом, когда родилась их дружба. Сын крестьянина, он окончил в юности рабочий факультет, потом Институт журналистики, много лет писал на деревенские темы.

Не раз Сергеев писал о Юхтанове и, как бывает у журналистов с горячим сердцем, влюбился в героя своих очерков. Любил он не нарисованный собственным пером портрет, а живого Юхтанова — деятельного, порывистого, своенравного, больше всего на свете презиравшего подхалимов и способного ради справедливости на любую жертву. Он уважал Юхтанова за то, что тот, имея офицерское звание, вернулся после

Copyrighted material

демобилизации в родную деревню рядовым колхозником, хотя его тянули в районный аппарат; за то, что не покинул Стрелецкую Слободу после того, как ему вместе с женой за год работы выдали на трудодни триста рублей деньгами и несколько пудов хлеба; за то, что не побоялся взять на свои плечи нелегкую задачу поднять запущенное хозяйство артели и добился своего.

Бывая у Юхтанова, Владимир Иванович иногда ловил себя на том, что начинает завидовать другу. Он был очень привязан к профессии журналиста, но когда Юхтанов в пылу дискуссии кричал: «Сядь! Сядь на мое место!», — у него возникало желание бросить газету и пойти в колхоз.

...Получилось так, что тридцатитысячник Сергеев попал на стажировку в Стрелецкую Слободу.

Уже не в роли корреспондента, а на положении будущего председателя колхоза Сергеев ходил по знакомым фермам, полям. Он видел их по-новому и убеждался: не так уж примитивна мысль Юхтанова, что писать о достигнутом — одно и нечто совсем иное — самому достигать.

Различие между тем и другим Сергеев особенно сильно ощутил, когда его избрали председателем колхоза «Герой» в соседнем Советском районе. Это было в августе прошлого года. В первые же дни председательствования Владимир Иванович пригласил Юхтанова в Большое Чурашево. Тот приехал и, невзирая на старую дружбу и молодость Сергеева-председателя, учинил разнос и предсказал: «Прогонят тебя колхозники!»

Владимиру Ивановичу сдавалось, что при одной мысли о такой перспективе к серебряным нитям на его голове добавляются новые седины.

* * *

Трудны были первые шаги Сергеева-тридцатитысячника.

Кто только не брал в руки бразды правления в колхозе «Герой»! К моменту прихода Сергеева в артели состояло двадцать пять бывших ее председателей. Их так и величали: «бывшие». Сменили или сняли их по разным причинам.

— Опять за опытом приехал? — спрашивает Федор Петрович (слева).

Одни из «бывших» напропалую пили. Им безразлично было, кто возглавляет колхоз. Другие с любопытством встретили тридцатитысячника, но от помощи ему поначалу воздерживались: пусть, мол, попробует. Третьи обрадовались свежему человеку.

Без предвзятости встретил Владимира Ивановича его предшественник Гурий Николаевич Демьянов. Почувствовав недостаток опыта, он чистосердечно заявил об этом в райкоме партии и попросил прислать тридцатитысячника. Оставшись заместителем Сергеева, Гурий Николаевич горой стоял за его начинания.

Надежную поддержку Сергеев нашел у секретаря парторганизации Гурия Владимировича Немцова. Скромный, внешне не видный и тихий, Немцов был тверд, когда речь заходила об интересах колхоза.

Любители злословить пустили присказку: у председателя два Гурия в пристяжке, а потянет ли тройка колхозный воз — бабушка надвое ворожила.

Сергеев принял дела в разгар уборки. Шла она туго. По традиции, люди вставали рано, но направлялись не в поле, а на приусадебные делянки. В бригадах появлялись, когда солнце стояло высоко: лишь бы отметили выход на работу.

Только у Петра Федоровича Кожаева все спорилось. Завернув в пятую бригаду, новый председатель отдыхал там душой. А Кожаев, властный, резкий человек, понимая состояние Сергеева, советовал: «Покажи руку, Владимир Иванович! Без дисциплины ни шиша не добьешься!»

Уборка мало-помалу все-таки наладилась. Другие бригадиры потянулись за Кожаевым. Сравняться с ним они не смогли. Тот собирал по четырнадцать центнеров с гектара. Все же на круг перевалили за десять центнеров.

Мучило Сергеева животноводческое хозяйство. Что с ним делать?

Соблазнительно без долгих дум принять совет Кожаева — «покажи руку». Но кое-кто из «бывших» за глаза и так уже величал нового председателя директором. Сергеев понимал: в поддержке большинства его сила. И вот эту силу вскоре почувствовали в колхозе.

После приезда Юхтанова стало ясно, что медлить с перестройкой свинарника — значит потерять год. Осень стучалась в двери. А там зима. Посоветовались в правлении с активом, подсчитали, примерили и порешили: строить!

Собрали плотников. Народ умелый, а настроение, как сказал кто-то, дохлое. «Что ж, — мялись плотники, — строить мы не прочь, только бригадира у нас нету. А без него какая мы бригада? Свинарник построить — не забор сляпать. Вот если Василий Иванович станет...»

Бросились искать Василия Ивановича, а его и след простыл. Оказалось, погрузил на «заарканенную» трехтонку картошку с приусадебного участка и махнул с сыном на базар в Сталинград. Кто разрешил? А никто.

Глянули в лицевой счет. У Василия Ивановича Краснова около трехсот трудодней.

Чурашевцы издавна возили картошку в Сталинград, Куйбышев. Добирались до Астрахани и даже до Таганрога. Цены стояли подходящие. Что плохого сделал Василий Иванович? Выполнил норму в колхозе и поехал. Всегда ездили.

Плотники упрямо твердили: «Не-е, без Василия Ивановича не осилим. Ответственное дело». А у самих на подворьях лежали приготовленные мешки с картошкой. Выжидали: сойдет Василию Ивановичу — махнем аж до Баку.

Сколько ни заглядывал в инструкции, сколько ни ломал голову Владимир Иванович, ничего не мог придумать. Не могли ничего подсказать ему Демьянов и Немцов.

А что бы, интересно, сделал Юхтанов?

Сергеев отправился в Стрелецкую Слободу.

Федор Петрович, как обычно, встретил шуткой:

— Опять за опытом приехал? Скоро деньги с тебя потребую.

Владимир Иванович рассказал историю с Красновым и в заключение развел руками.

— Не можем же мы отобрать приусадебный участок?

Юхтанов улыбнулся.

— А ты не отбирай. Зачем отбирать? Пусть общее собрание лишит Краснова на год права пользоваться приусадебным участком.

— Не можем. Нет такого пункта в Уставе...

Федор Петрович рассвирепел:

— Тебе что дороже? Колхоз или буква Устава? Зачем ко мне приехал? За советом? Больше ничего не скажу! Уставник нашелся!

...Неизвестно, как это произошло, но слух о постановлении догнал Краснова в Чебоксарах. Через день он сидел напротив Владимира Ивановича и напористо говорил:

— Закон на моей стороне. А вы не по закону действуете, товарищ Сергеев. А между прочим, обязаны его соблюдать. Не вы — государство дало мне сорок соток. Захочу розы посадить и торговать ими — буду сажать и торговать.

Стараясь оставаться спокойным, Владимир Иванович вместо ответа начал задавать вопросы:

— Значит, вы хотите, Василий Иванович, с помощью закона навредить колхозу? А разве в законе не говорится об интересах колхоза? Как бы вы поступили на моем месте? Что бы вы делали, если бы были членом правления? Правление и общее собрание постановляют: не пускать людей до конца уборки. Вы не подчинились. Колхоз решает: надо строить свинарник! Вы взяли и уехали. Глядя на вас, собираются уехать человек двадцать — тридцать. Кто же свинарник построит? Сядьте на мое место, решите эту задачу! Больше ничего вам не скажу, Василий Иванович. Имеете право жаловаться. По совести говоря, не советую. Беритесь лучше за дело. Докажите: дорог вам колхоз или нет?

Краснов поднялся, глянул на сидящих тут же Демьянова и Немцова и только и смог спросить:

— Так, значит...

— Только так, Василий Иванович.

Краснов молча вышел.

В тот же день колхозники увидели, что Василий Иванович обмеряет помещение старого свинарника.

Строительство пошло на лад. Были плотники, нашлись пильщики, налицо бригадир. О поездках с картошкой помалкивали. Краснов побывал в Стрелецкой Слободе, посмотрел тамошние свинарники и возвратился с намерением загладить ошибку. Не хватало леса, но Владимир Иванович был спокоен. Не достанет у снабженцев — возьмет взаймы у Юхтанова.

Снабженцы подвели, и Сергеев поехал в колхоз имени Буденного.

Федор Петрович был в отличном настроении, расспрашивал о делах, шутил, но когда Сергеев заикнулся про пятьдесят кубометров древесины, сдвинул брови, цвиркнул сквозь зубы в дальний угол слюной и отрезал:

— Не дам!

Владимир Иванович остолбенел от неожиданно грубого отказа. Он знал, что в подобных случаях спорить с Юхтановым и настаивать бесполезно, а все же спросил:

— Почему? У тебя же много леса.

— Много, а не дам. Ты кто — побирушка? Ты председатель колхоза! Пред-се-да-тель! Какой же авторитет ты завоюешь, если будешь жить на милостыню? Взаимовыручка? Разврат, а не взаимовыручка. Выручают того, кто в беду попал, а не того, кому лень мозгами пошевелить. Ты думаешь, мне не приятно в Чебоксарах или в Москве на совещании хвастнуть: посмотрите, товарищи, какой я сердобольный, выручил

тридцатитысячника, дал взаймы полста кубов леса на свинарник? А мне — аплодисменты! А про меня газеты пишут: «Ух, какой герой Юхтанов!» И что выйдет? Выйдет, что не Сергеев, а Юхтанов свинарник построил. А зачем мне тебя обворовывать, славу у тебя отбирать? У меня своей больше, чем надо. Ты же постарался из меня чуть не святого сделать. У меня даже сияние вокруг дурной башки, как у чудотворца, во все стороны расходится... «У Юхтанова глаз, что алмаз...»

Федор Петрович смешно изобразил, как светится лучезарный нимб вокруг его головы, и, блеснув глазами, закончил:

— Нужен тебе мой опыт? Бери! Весь отдам! И у тебя готов потом учиться. А леса — нет! Ни сучка! Потом рассуди как хозяйственник: все равно отдавать придется. Я ведь за самим господом богом долгов не забываю. Отдать мне — значит достать, правда? Так доставай сейчас, а не потом, а? Завтра, завтра — не сегодня... Помнишь?

Они пожали крепко друг другу руки.

...Ну и побегали в поисках леса чурашевцы! Зато и весело повизгивали потом пилы возле фермы, где бригада Краснова разделывала доставленные из далеких леспромхозов кряжистые дубы.

Необычно для колхоза «Герой» закончилась история самовольной отлучки Василия Ивановича. После того, как приняли отлично отстроенный свинарник, собралось правление. В протоколе за номером двадцать четыре записано:

«Слушали: о выдаче премии строительной бригаде (информация предколхоза Сергеева В. И.).

Решили: за работу на строительстве СТФ премировать деньгами в сумме 300 рублей и отменить решение правления о лишении права пользоваться приусадебным участком на год бригадира строителей Краснова В. И.».

* * *

На столе председателя колхоза «Герой» лежат счеты. Владимир Иванович сам щелкает костяшками, когда надо что-нибудь прикинуть.

Вот он сложил количество голов скота на фермах в Большом Чурашеве, в Никиткине, Ильдубайкине. Получилась солидная цифра.

Затем председатель помножил центнеры собранных кормов с каждого гектара на число гектаров. Тоже получилась внушительная цифра.

Потом он разделил вторую цифру на первую и... слегка побледнел.

Проверил, подсчитал еще раз. Отнял количество собранного корма от количества, необходимого для стада согласно рациону, и побледнел еще больше. Получился разрыв в сотни тонн.

Сергеев понял, почему Юхтанов возненавидел деление и вычитание. Очевидно, было и у него такое время, когда эти арифметические действия обнажали зияющие дыры в хозяйстве и заставляли бледнеть.

Чем же кормить скот в предвесенние месяцы? Расходовать зерно и ничего не выдать колхозникам на трудодни? Выдать на трудодни обещанные два килограмма и покупать корм? Откуда взять средства? Придется отказаться от строительства животноводческого городка, от приобретения грузовиков и автожижеразбрасывателя, от плотины через реку Штрангу, от пруда с карпами, от всего, что задумано.

А что, если скосить и засилосовать картофельную ботву? Владимир Иванович схватил счеты. Сто десять гектаров. Собрать бы по восемнадцать — двадцать центнеров ботвы с гектара! Помножил. Дефицит в кормовом балансе снизился на двести тонн. Овчинка стоит выделки!

Председателя поддержали Немцов, Демьянов, некоторые активисты-животноводы, но когда стали собирать людей, на косовицу ботвы вышли немногие. Кукурузу силосовали, а на ботву и не смотрели. Когда спросили, в чем дело, отвечали: «Никогда этого не делали у нас, сгниет ботва... В свежем виде — куда ни шло, а на силос не годится». Свежую ботву помаленьку таскали своим коровам.

Против «затеи» с ботвой встал со всем своим авторитетом Петр Федорович Кожаев. Сергеев, Немцов и Демьянов обратились к нему:

— Петр Федорович! Покажи пример, дай людей...

Бригадир широко расставил ноги, словно его хотели столкнуть с того места, где он стоял, и наотрез отказался:

— Снимите голову — ни косить, ни возить ботву не буду. У меня горох и конопля осыпаются, а я утиль собирать почну? Что хотите делайте! Руководители нашлись! Не пущу ни одного человека! Управлюсь по своему плану, тогда командуйте. Хоть направо, хоть налево, хоть кругом поворачиваться стану. А сейчас — будьте здоровы! Мне некогда.

Так и не добились ничего от Кожаева.

Ехать к Юхтанову — время дорого. И неловко... Все-таки Владимир Иванович поехал.

Будто невзначай, за разговором о всякой всячине Сергеев деланно равнодушным тоном спросил:

— Как у тебя с ботвой, Федор Петрович?

— Отлично. Хочешь посмотреть?

Черт возьми! В самом деле здорово. С картофелищ везут ботву, смешивают с кукурузной зеленью, поливают обратом и присаливают. Салат — да и только!

Пришлось признаться, что в «Герое» косовица проваливается, рассказать про стычку с Кожаевым.

— Молодец твой Кожаев! — похвалил бригадира Юхтанов. — Забрал бы его к себе с руками и ногами. Учит председателя.

Сергеев сам часто хвалил Кожаева, но тут возразил:

— Вообще молодец, а на этот раз подкачал. Не знаю, как быть.

Федор Петрович склонился к Сергееву и заговорщицки зашептал на ухо:

— А директивы партии читаешь? Разбираешься?

Владимир Иванович с недоумением взглянул на Юхтанова, а тот продолжал допытываться:

— Про материальную заинтересованность? Нигде не встречал? Встречал? Странно, почему у тебя ботва не пошла. Установите дополнительную оплату: пять килограммов картошки за трудодень на косовице ботвы! А?

...Всего два раза радиоузел передал очередные «Колхозные новости», а во всех избах в тот вечер только и разговору было: «Здорово правление действует! Пять кило!»

То не хватало рабочих рук, а то нашлись силы и зерновые убрать, и коноплю замочить, и две тысячи центнеров ботвы косами накосить. И Кожаев не упирался.

Все чаще в Большом Чурашеве стали говорить: «Хороший друг-советчик у нашего Владимира Ивановича!»

И зачастили ходоки из колхоза «Герой» в Стрелецкую Слободу. Поехал туда печник и плотник Егор Карнизов. Его интересовали система обогрева животноводческих помещений и устройство кормушек в коровниках. Поехал Борис Ефимов. Захотел удостовериться, правда ли, что в Стрелецкой Слободе не в пример Чурашеву куры несутся и летом и зимой. Климат будто один, а в Чурашеве до сих пор полагали, что в зимнюю пору петухи отдыхают. Побывали у стрельчан завхоз Сергей Михайлов, доярка Марфа Петрова, заведующий МТФ Василий Егоров, и Андрей Матвеев, и Гурий Кожаев, и Дмитрий Андреев...

В Стрелецкой Слободе их направляли «по ведомствам». У Юхтанова достаточно помощников. Многому научил чурашевцев Борис Иванович Скребков, заведующий МТФ и большой специалист-животновод. Кто хотел познакомиться, как содержатся кони, шел к Василию Александровичу Токсубаеву, знаменитому на всю округу лошаднику. Гостеприимно встречал гостей заведующий птицефермой Василий Федорович Юхтанов, дядя председателя колхоза. Он рассказывал про доходы от фермы, а попутно, точно его посетило высокое начальство, жаловался на племянника. Поручил хлопотное дело, а ферму не расширяет. Тесновата стала.

...Все, кто побывал в Стрелецкой Слободе, возвращались довольные и в один голос говорили:

— Вот это работают! А живут?! На курорты, в Москву на выставку ездят...

Владимир Иванович расспрашивал вернувшихся «экскурсантов» и радовался выводам, какие они делали. А выводы были просты: «И у нас так можно. Догонять их надо...»

Шутка ли — догнать Юхтанова! Неловко даже говорить об этом. Нескромно. Нужны годы труда, чтобы колхоз «Герой» сравнялся с колхозом имени Буденного.

И все же каждый свой шаг Владимир Иванович примерял к юхтановской поступи, размашистой, твердой, и сам продвигался вперед все увереннее и смелее.

Колхозники убедились, что новый председатель слов на ветер не бросает. Как и намечалось, на трудодень выдали по два килограмма хлеба. Не так богато, но семьи, у которых на круг выходило полтысячи трудодней, свезли на дворы по тонне зерна. Давненько такого года не случалось в Большом Чурашеве!

Выгодно стало работать на фермах. Дополнительная оплата на МТФ, например, производится по простой системе. За каждый литр надоенного молока доярка получает пять копеек. Надоит больше, чем положено, за каждый литр сверх плана — десять копеек. Телятницы получают три четверти от дополнительной оплаты доярки, подсобники — половину, а завфермой — два процента от заработка всех работников фермы, но не больше, чем доярка. Справедливая система! На первом плане — главная труженица фермы, доярка.

Хороши рысаки на ферме у Токсубаева!

И вот что получилось. Уже зимой Владимир Иванович как-то взял счеты, прикинул, и вышло: ферма дает вдвое больше молока! Если так пойдет, каждая буренка за год прибавит по восемьсот, а то и по тысяче литров в сравнении с прошлым годом.

Сергеев не удержался и как-то на совещании в Чебоксарах при встрече с Юхтановым поделился радостью: «Пошло дело в гору, удои удвоились». Федор Петрович лукаво усмехнулся, а когда вышел на трибуну, со свойственным ему юмором заговорил о «чириках» и таблице умножения. «Чириком» в Чувашии называют посудину, известную больше под наименованием «мерзавчика» — четверть литра.

— Надаивали, — говорил Юхтанов, — по «чирику» от одной коровы, а в этом году помножили один «чирик» на два. И гордятся. Получилось пол-литра...

Зал ответил дружным смехом.

Федор Петрович не называл фамилий, но Сергееву ясно было, в чей огород брошен камешек. Когда ему дали слово, он тоже заговорил о таблице умножения.

Никто не смеялся. Сергеев говорил о простых вещах. Если бы все отстающие фермы Чувашии удвоили надои, республика получила бы дополнительно тысячи тонн молока. Если бы передовые колхозы повышали удои на один «чирик» в месяц...

«Ишь ты, — думал, слушая Сергеева, Федор Петрович, — передовиков за шиворот хватает! Круто вверх забирает».

А Владимир Иванович, словно читая на расстоянии мысли друга, в заключение сказал:

— Нас предупреждают: не слишком ли круто мы берем? А заглядывают ли такие осторожные люди в директивы партии? Там ведь говорится о крутом подъеме...

Большие перемены произошли в зимние месяцы в колхозе «Герой». Главное, люди будто обновились. Нет теперь разговора о нехватке рабочих рук. Глянул бы кто со стороны, как работали чу-

Copyrighted material

рашевцы накануне XX съезда партии, в дни съезда, и как работают сейчас, после съезда!

Все смотрят на председателя и стараются не отстать от него.

Спасительная тревога за доброе имя колхоза сделала Владимира Ивановича неутомимым. Он сам удивляется: откуда берутся силы? Увидит заячий след — идет, утопая по пояс в снегу, к саду. Не погрызли ли там косые молодые деревца? Прошлой осенью удалось посадить четыре тысячи плодовых деревьев. Вспомнит про картошку, хранящуюся в буртах, спешит лично проверить: не померзла ли? А вывозка на поля ила и торфа? А капуста, оставленная зимовать в кочанах в домике садовника? А как чувствует себя Прокофий Матвеевич Матвеев? Председателю сказали, что Прокофий Матвеевич, пожилой человек, перешел на «сухой паек», днюет и ночует на ферме. Может, доставлять ему горячую пищу? А как доставишь, когда Матвеев никого, даже членов правления, не пускает на ферму? Говорит, боится «сглазу», а на самом деле оберегает маток, чтоб не волновались.

А как там настроение у молодой свинарки Серафимы Васильевой? Она тоже не отходит от своих подопечных. Как на грех, у нее погибло целое гнездо молодняка. Испортилось молоко у матки. Надо бы успокоить девушку. Бывает всякое в хозяйстве.

Тысячи вопросов волнуют Владимира Ивановича. По горло занятый, он не забывает, однако, при случае заскочить к Юхтанову. Размолвка на совещании в Чебоксарах не повредила их дружбе. Юхтанов все с большим вниманием относится ко всему, что предпринимает его старый друг, и в большинстве случаев одобряет:

— Хорошо, Владимир Иванович! Чего доброго, за тобой следом скоро побегу.

Теперь Юхтанов не говорит: «Стоишь с боку припека!»

Признание Юхтанова очень дорого, так же, как и старая дружба. Но Сергеев не обольщает себя надеждой быстро обогнать Федора Петровича. Не так это легко. Юхтанов тоже ведь идет в гору полным шагом.

Однажды, просматривая протоколы заседания правления колхоза имени Буденного, Сергеев натолкнулся на один пункт в повестке дня: «...О некоторых социальных вопросах».

«Постановили: 1) Предоставлять отпуск членам артели на 15—30 дней с оплатой в день от 0,5 до 1,5 трудодня в день, если таковые имеют 300 выходов на колхозную работу.

2) Выплачивать членам артели трудодни за время болезни по бюллетеню с оплатой в день от 0,25 до 1 трудодня, если в предыдущем году выработан установленный минимум трудодней. Оплату производить по решению правления артели.

3) Работу в дни революционных праздников оплачивать на 50% выше, чем обычно».

Поди угонись за Юхтановым!

После очередного заседания правления колхоза «Герой» в книге протоколов появились те же самые пункты. Только размеры оплаты, конечно, в «Герое» меньше. Колхоз в Чурашеве победнее, чем колхоз в Стрелецкой Слободе. Но... погоди, Федор Петрович! Придет время...

Они готовятся к

А. БОЧИНИН, О. ШМЕЛЕВ

Разнесся над громадными заводскими корпусами гудок — кончилась одна смена, начинается другая. Если в это время постоять несколько минут у проходной завода и понаблюдать, куда идут сдавшие смену рабочие, то обязательно бросится в глаза: многие направляются к заводскому саду. За зеленью деревьев видно черное плетение металлической сетки — это ограда спортивной базы. Молодежь бакинского машиностроительного завода имени лейтенанта Шмидта поголовно увлечена спортом: в спортивных секциях занимаются 1 100 человек.

Тренер А. М. Амирбжанов (в центре) привел игроков заводской футбольной команды на стадион посмотреть матч мастеров. В перерыве разбирается одна из увиденных на поле комбинаций.

В комнатке физрука завода Георгия Калияна и без того не протолкнуться, а народ все прибывает — дверь то и дело хлопает. Весна. Близятся соревнования, и у Калияна горячие дни.

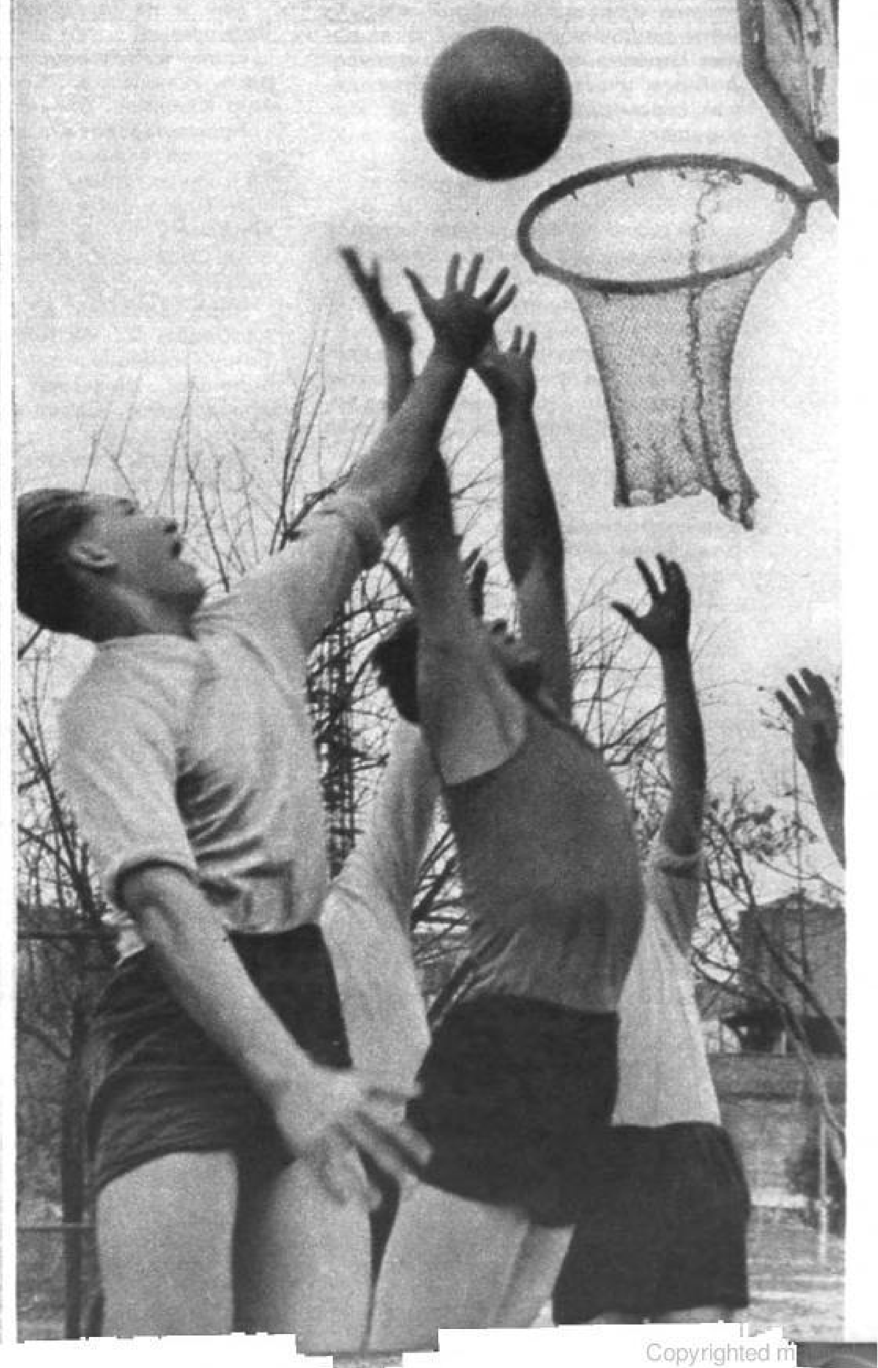
Эта комнатка — спортивный штаб завода. Она явно тесна, как, впрочем, тесна для растущего коллектива и вся нынешняя спортивная база. «Вот когда будет стадион!..» — эта фраза неизменно сопровождается тяжелым вздохом: стадион строится черепашьими темпами. Но этой весной дело, кажется, начало подвигаться быстрее...

— Баскетболисты, выходи!

Это, перекрывая шум, кричит Юрий Вязьмитинов, старший тренер баскетбольной команды и заместитель главного механика завода. Работы у него много, но Вязьмитинов находит время заниматься с ребятами и играть не только в сборной команде общества «Нефтяник», но и в заводской. Он имеет первый спортивный разряд.

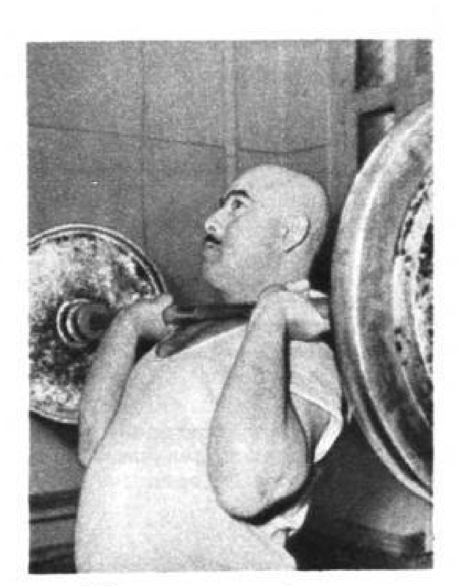
Тренер легкоатлетической секции С. В. Дубовский занимается со слесарем А. Атамаглановым.

Острый момент.



Copyrighted m

спартакиаде



Штангист Б. А. Аванесян.

Кончилась смена, пора идти на спортплощадку! На снимке (справа налево): баскетболисты планировщица А. Бутько, крановщица Н. Мирзабекян, заместитель главного механика Ю. Вязьмитинов и слесарь В. Пантелеев.

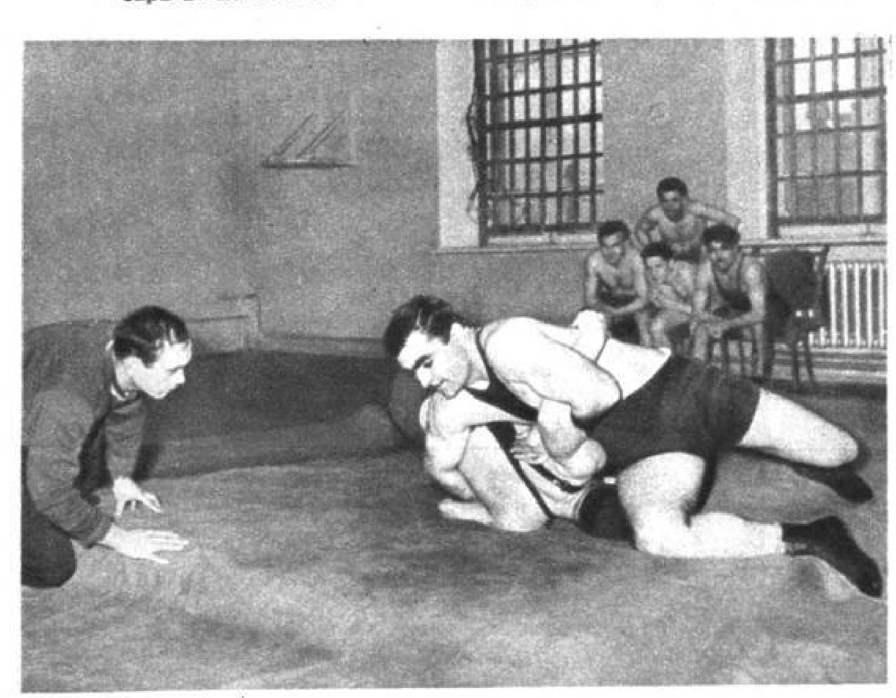
Мужская баскетбольная команда завода участвует в розыгрышах первенства Баку по классу «А», она грозный противник. Женская команда, капитаном которой является перворазрядница Алла Бутько, в зимнем первенстве Азербайджана заняла второе место...

Покидают комнатку Калияна баскетболисты. Уходят, получив форму, легкоатлеты. Меньше других беспокоят Калияна борцы и штангисты. Они занимаются в общежитии, где для них отведена большая комната. Она никогда не пустует.

Особенной популярностью на заводе, кроме футбола, пользуется борьба. Дела в этой секции идут успешно. И лишь одно обстоятельство огорчает тренера Ашота Аибханова, рабочего модельного цеха: он никак не подберет из заводских ребят подходящего напарника для мастера спорта тяжеловеса Афрасяба Алиева, работающего механиком в гараже...

Было время, когда мало кто из заводских юношей и девушек мог отличить волейбольный мяч от баскетбольного. Много сил и упорства пришлось потратить энтузиастам, чтобы привить рабочим любовь к спорту. Сейчас в коллективе 3 мастера спорта, 21 перворазрядник, 42 человека имеют второй разряд, 118 — третий. И почти все они воспитаны здесь, в спортивных секциях завода. Это результат большой, многолетней работы.

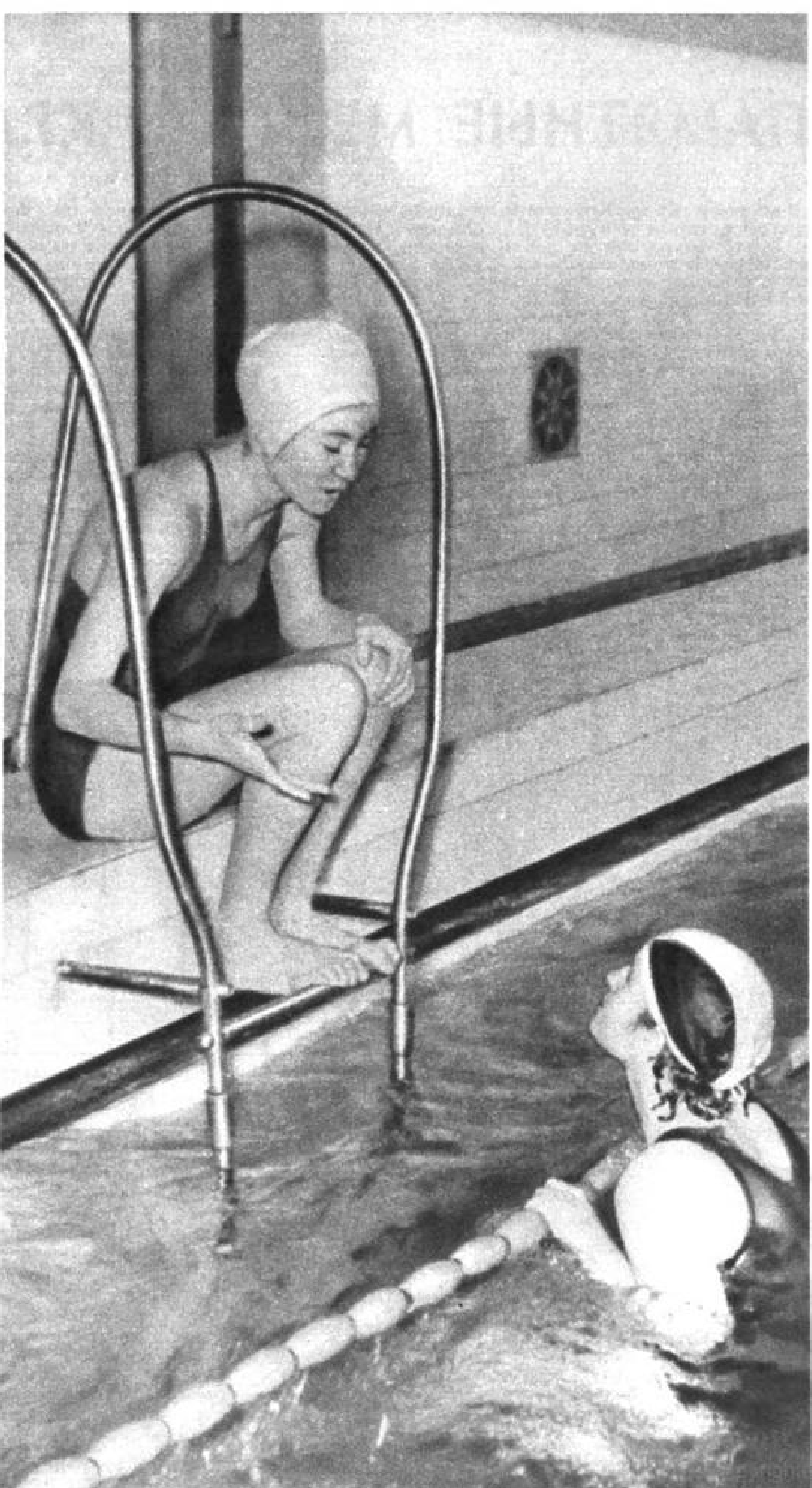
Но сейчас этого мало. Ведь на Спартакиаду народов СССР поедут только перворазрядники. Об успехах каждого спортивного коллектива страны можно будет судить по тому, сколько его членов поедет в Москву. И сейчас молодежь бакинского завода, не теряя времени, упорно готовится к соревнованиям — каждый надеется получить к лету первый разряд.



Мастер спорта А. Алиев (сверху) демонстрирует прием. Слева — тренер А. Аибханов.

Кросс в парке.

Приемщица отдела технического контроля Галина Караманова (справа) и помощник лаборанта Лариса Куренная всегда вместе ходят в бассейн. У них второй разряд по плаванию.



Здесь В. И. Ленин прочел для рабочих Кракова доклад «Современная Россия и рабочее движение».

Один из залов Краковского музея В. И. Ленина.

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА В КРАКОВЕ

В древнем городе Кракове много памятников богатой истории и культуры польского народа. Свято сохраняются здесь и места, напоминающие о революционной борьбе рабочего класса. Особенно дорого и близко сердцу жителей Польши все, что связано с пребыванием В. И. Ленина в Кракове и Поронино в 1912—1914 годах.

В народной Польше несколько музеев В. И. Ленина: в Варшаве, Кракове, Поронино. В Краковском музее В. И. Ленина посетитель знакомится с жизнью и деятельностью великого вождя пролетариата, находит документы о жизни Владимира Ильича в Кракове. Ленин приехал в Краков 21 июня 1912 года. Сохранилась карточка о прописке Ленина и Н. К. Крупской в Кракове в доме № 218 по улице Звежинец (ныне ул. Королевы Ядвиги, д. № 41). За время пребывания в Кракове В. И. Ленин жил и в других домах, а лето 1913 и 1914 годов провел в селе Поронино. Дом в Поронино, в котором жил и работал В. И. Ленин, ныне превращен в мемориальный музей.

И в ту пору, когда Владимир Ильич находился в Польше, он был тесно связан с революционными силами России, часто беседовал с самыми различными людьми, приезжавшими в Краков и Поронино для встречи с ним. В январе 1913 года в Кракове, а в октябре 1913 года в Поронино состоялись совещания ЦК РСДРП с партийными работниками, совещания, сыгравшие, по существу, роль партийных конференций.

В Кракове сохранились дома, в которых В. И. Ленин выступал с докладами и лекциями. На некоторых из этих зданий сейчас установлены мемориальные доски. В частности, мемориальная доска установлена на доме № 16 по улице Шевская: здесь В. И. Ленин читал лекцию «Современная Россия и рабочее движение».

В Кракове и Поронино многие хорошо знали В. И. Ленина. Их воспоминания и рассказы, воссоздающие незабвенный образ Владимира Ильича, всегда находят широкий круг читателей и слушателей.

Фото И. Тункеля.
(Специальный корреспондент «Огонька».)

Дом, где жил В. И. Ленин в 1912 году (улица Королевы Ядвиги, дом № 41).

Из почты «Огонька»

В ГОСТЯХ

Евг. НЕНАШЕВ

Устойчивой выдалась осень... И лужи
Еще не замерзли. Стояло тепло.
...На днях Ильичу было, кажется, хуже,
Потом на поправку как будто пошло.

Заметно меняется осенью климат...
Поля опустели. Просторны луга.
И лес за лугами прочесан и вымыт,
И скупо чернеют на поле стога.

А в Горках чудесно! Овраги, пригорки.
И дом, где жил Ленин, красив, величав.
...Однажды рабочие Глухова в Горки
Приехали, чтоб повидать Ильича.

Всей фабрикой адрес писали с любовью
И дали наказ, на вокзал проводя,
Вручить это лично, узнать, как здоровье
И как вообще там дела у вождя.

Решили, что будет подарок не лишним,
И, выкопав вишни в своем же саду,
Связали прилежно...
Весною пусть вишни
Цветут у него под окном на виду!

И, радуя глаз своим буйным цветеньем,
Пусть все ароматом вокруг напоят!..
Не властные справиться с сердцебиеньем,
У дома вождя делегаты стоят.

Боялись, что дел у него много прочих...
Велик человек!.. Ему дорог и миг...
Но вождь никогда не чуждался рабочих,
И этим как раз-то и был он велик.

Мария Ильинична, выйдя из зала
(Сестра и товарищ в труде и борьбе),
Увидя посланцев, волнуясь, сказала:
— Володя, тут, кажется, гости к тебе.

Он шел им навстречу, приездом растроган,
Приветливым взглядом по лицам скользя.
— Из Глухова! Верно, устали с дороги!
Я рад познакомиться с вами, друзья!

И, сняв, по портретам знакомую кепку,
Не скрыв от гостей благодарности жар,
Ильич всем пришедшим по-дружески крепко
Рабочие руки сердечно пожал.

Ильич оказался любитель давнишний
Цветов и деревьев. И тут же при всех
Сказал, улыбаясь, что саженцы-вишни
Посадит немедля: не выпал бы снег!..

А время летело...
Прощались все в зале.
Ильич приглашал их: — До будущих встреч!
Ткачи ему скорой поправки желали,
Просили здоровье получше беречь...

...Горячее солнце, шумливые пчелы.
Пахра голубеет. Оттуда, с реки,
Проносится ветер, пахучий, веселый,
Колышет у вишен слегка лепестки.

Рождается день, по-весеннему ярок,
И тает, редеет гряда облаков.
...Здесь много подарков. Но лучший
подарок —
Подарок моих дорогих земляков!

Ногинск, Московской области.

Copyrighted material

Капелла

Певческий мост. Уже одно это поэтическое название невольно привлекает внимание. И, проходя по набережной реки Мойки, задерживаешься у здания с высокими полукруглыми окнами — Ленинградской академической капеллы имени М. И. Глинки. Оттуда всегда, кажется, доносятся торжественные звуки органа или стройное, мелодичное пение.

Капелле — старейшему в стране профессиональному хору — столько же лет, сколько и самому городу. Она возникла из московского «хора государевых дьяков», прибывшего на торжество закладки Петром I нового города — Санкт-Петербурга. С тех пор, вот уже более двух с половиной веков, капелла ревностно оберегает традиции и славу русской хоровой культуры.

Раннее утро. В легких майках один за другим выбегают из спален малыши. Не торопясь, проходят по длинным коридорам старшеклассники с перекинутыми через плечо полотенцами. Откуда-то уже доносятся аккорды рояля. Из открытой двери спальни слышится чистый и звонкий альт: Анатолий Фомин, наспех одеваясь, одновременно «пробует» голос. А из спортивного зала, сливаясь в одно внушительное «ах-ха», несется бодрый вдох-выдох. Утренней гимнастикой начинается трудовой день в хоровом училище мальчиков.

Основателем отечественной вокальной школы был великий русский композитор Михаил Иванович Глинка, работавший здесь капельмейстером и учителем пения. В поездках по России и Украине он отбирал наиболее даровитых мальчиков-певчих и затем учил их петь по нотам, развивал слух, точность интонации. Хоровое мастерство здесь развивали и совершенствовали многие выдающиеся русские музыканты. Старейший педагог, воспитанник капеллы, народный артист РСФСР П. А. Богданов, свыше пятидесяти лет работающий здесь, охотно рассказывает молодежи, как вот за этим самым столом в нотной библиотеке занимался Римский-Корсаков. Во многих хорах страны можно встретить воспитанников Богданова. Здесь же училась Елизавета Петровна Кудрявцева — нынешний дирижер капеллы, заслуженный деятель искусств РСФСР. За четверть века своей работы Кудрявцева подготовила, в свою очередь, немало талантливых музыкантов для хоровых коллективов страны.

Замечательная традиция — прививать хоровую культуру с детских лет — сохранена и поныне. Как и во времена Глинки, малышей первым делом учат грамотно петь, читать музыку с нот.

Велико желание попасть в училище капеллы: в этом году на восемнадцать вакантных мест претендовало свыше трехсот юных хористов, хотя это совсем не легкое дело — стать профессиональным певцом, музыкантом, учителем пения или дирижером хора.

...Репетиции в разгаре. Заслуженные артисты РСФСР Е. П. Баранова, Д. Л. Клиот, И. Н. Тятов, Ю. Н. Шифрин готовят сольные

Разучивается новая песня.

Усердно занимаются юные певцы. Сверху вниз: Владимир Соболев, Роберт Лютер, Анатолий Фомин, Алеша Кутузов, Валерий Бакичев, Володя Вербицкий.

Copyrighted material

партии из ораторий и кантат Чайковского, Бетховена, Глинки, Верди.

Мальчуганы стараются. Легко берет верхние ноты Алеша Кутузов, который несколько раз выступал в концертах, снимался в фильме. Старательно выпевают Вова Вербицкий и Валерий Бакичев. Дирижер детского хора Федор Михайлович Козлов доволен учениками. Сам питомец капеллы, он, кажется, совсем недавно в этой же комнате десятки раз повторял уроки сольфеджио.

Веселой группой идут малыши за своим учителем в спевочный зал. Первоклассники разучивают песенку, все увереннее звенят голоса. Затем младших сменяют ребята постарше.

«Гряньте трубы, кончен бой...» — раздается в зале мелодия Генделя. Вдруг рояль умолкает. Кто-то сфальшивил. Федор Михайлович подзывает виновного. Все стоят молча, а «нарушитель» несколько раз повторяет: «...кончен бой, кончен бой, кончен бой!!!» Мальчики с большим интересом разучивают произведение, включенное в программу публичного концерта.

Звонок. Пустеют классы. Малыши отдыхают в комнатах интерната или в залах. Часто и отдых у них проходит за инструментом. Анатолий Фомин садится за рояль, Геннадий Горшков занимает место солиста.

— Что ж, послушаем,— подражая кому-то взрослому, говорит Игорь Ковун.

Руки Фомина уверенно касаются клавишей. Но Геннадий взял такую ноту, что аккомпаниатор хватается за уши:

— А вот и сфальшивил! Начинайте снова, товарищ Горшков!

Ближе к вечеру в капелле появляются взрослые певцы. Чуть ли не во всех залах раздаются «пробы» басов, теноров, сопрано, альтов. На сцене генеральная репетиция с органом. Солистка хора Мария Ивановна Земскова, сопрано, выходит на авансцену. Рядом с ней становится первый альт — Лева Стрельников. Они исполняют дуэт:

Ты, соловушка, умолкни,
Песен петь не надо...

Мария Ивановна радуется успехам партнера. Ведь и она тоже начинала свою певческую карьеру, как и Лева Стрельников, с детства.

Незаметно подкрадываются сумерки. Вечером в капелле концерт. И еще задолго до того, как в глубине двора за старинной решетчатой оградой появятся первые слушатели, все здесь снова приходит в движение. Особенно шумно в детской гардеробной. Обычно в этот час малыши готовятся ко сну, но сегодня и они выступают вместе с хором взрослых. Можно понять их волнение и восторг!

Костюмерша подает ученикам парадные костюмы, галстуки. Первым оделся Олег Вербицкий. Разглядывая себя в зеркале, он увидел рядом своего младшего брата, который старательно завязывал галстук. А чуть подальше замешкался Игорь Васильев, впервые участвующий в концерте.

На сцену выходят юные артисты — шестьдесят мальчиков, все в черных бархатных курточках и сверкающих белизной шелковых рубашках. У каждого алый пионерский галстук. За мальчиками становятся в четыре ряда певицы в длинных белых платьях, певцы в черных костюмах.

Торжественно звучит Патриотическая песня «Москва» Глинки:

Здравствуй, славная столица,
сердце Родины, Москва!..

В репертуаре капеллы много произведений — кантат, ораторий, сложных хоров — классиков русской и западной музыки, советских композиторов. Стройность и точность интонации, четкая дикция, глубокая эмоциональность — всем этим хорошо владеют здесь исполнители. С одинаковой легкостью и чистотой певцы доносят до слушателей произведения самых различных жанров — от задорной народной русской песни «Я вечор млада» до романтических «Грез» Шумана или знаменитого «Эхо» средневекового мастера Орландо Лассо. Нет, пожалуй, ни одного нового значительного произведения советских композиторов на современную тему, которое капелла не разучила бы и не включила в программу своих выступлений. Разнообразием репертуара, исполнительским мастерством капелла по праву снискала любовь и признание слушателей.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Н. Ананьева, И. Тункеля.

Солисты хора на репетиции. Слева (снизу вверх): артистка М. И. Земскова, заслуженная артистка РСФСР Д. Л. Клиот, артисты И. А. Жильцов и Д. Н. Стрельников. Справа (снизу вверх): А. Е. Демьянова, заслуженная артистка РСФСР Е. П. Баранова, заслуженные артисты РСФСР Ю. Н. Шифрин и И. Н. Тятов.

Писатели и книги

Люди орлиного полета

Анатолий Калинин — писатель, смело и решительно вторгающийся в жизнь, поднимающий животрепещущие проблемы сегодняшнего дня.

В этом можно убедиться, прочтя новую книгу А. Калинина «Неумирающие корни». В ней собраны рассказы разных лет, некоторые из них уже известны советскому читателю. Но здесь они по-новому волнуют и заставляют глубоко задуматься о судьбе героев. Писатель объединил в сборнике рассказы, сходные по замыслу, по месту действия. На протяжении всей книги автор не теряет своих героев; они сталкиваются между собой в разных ситуациях, спорят, высказывают задушевные мысли. Сборник пронизан единым замыслом и представляет собой своеобразную повесть. Но главное достоинство рассказов А. Калинина не в этом. Их своеобразие — в людях, которые, словно живые, встают перед нами. Автор много пишет о теневых сторонах жизни колхозного Дона. Но симпатии читателя явно на стороне людей смелых, бесстрашных, дерзающих. Иначе и не может быть, ибо симпатии самого автора на стороне таких героев, которые смело прокладывают пути в будущее, мужественно воюют с косностью и рутиной, выводят на чистую воду бюрократов, карьеристов, горе-руководителей, «затыкающих уши ватой» от голоса народа. Писатель гневно бичует тех, которым «доставляет удовольствие подрезывать острому, думающему человеку крылья».

Против них он выставляет людей бесстрашных, таких, как бригадир Дарья Сошникова, агроном тереховского колхоза Кольцов, секретарь райкома Еремин. Это люди орлиного полета. Злой язычок Дарьи Сошниковой не дает спокойно спать председателю колхоза Черенкову, пьянице и моту. Почти через все рассказы проходит образ этой сознательной труженицы колхозных полей. В беспокойном характере Дарьи есть примечательная черта, которая роднит ее с агрономом Кольцовым. Это непримиримость к плохим, косным людям. Узнав, что его родной брат — пчеловод — занимается шкурничеством, Кольцов прогоняет его с пасеки.

«Руководитель отважный человек должен быть, орел»,— говорят в народе. Именно таким является первый секретарь райкома Еремин. Это человек думающий, ищущий. Отменив решение уполномоченного обкома по хлебозаготовкам Семенова, Еремин колеблется: а правильно ли он поступил? «Эту ночь он опять не спал,— пишет автор,— курил у себя в комнате и на крыльце, думал. Мысленно допытывал себя: в чем был прав, а в чем, может быть, не прав, старался доискаться, чем разумным мог руководствоваться Семенов».

Главный стимул в работе Еремина — любовь к людям, забота об их нуждах. Каждый простой человек находит в его сердце отклик. Еремин всегда откровенен, он никогда не бывает заносчив или излишне, до грубости прост. Он находит нужный тон в разговоре с колхозниками, и те понимают его.

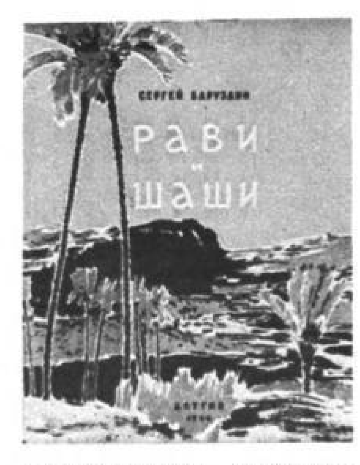
Герои А. Калинина — это люди смелые, крылатые, смотрящие далеко вперед.

Ник. ПИЯШЕВ

Анатолий Калинин. Неумирающие корни. Рассказы. Изд-во «Молодая гвардия». 1955. 158 стр.

Рави и Шаши

«Когда я был в Советском Союзе, я имел удовольствие встретиться с большим числом детей, и повсюду они передавали мне послания для детей Индии. Теперь от имени детей Индии я посылаю детям Советского Союза два весьма солидных послания. Эти послания — два слоненка». Так писал Премьер-Министр Республики Индии Джавахарлал Неру. Огромный интерес вызвал его чудесный подарок у нашей детворы. Детский писатель Сергей Баруздин вылетел в Одессу, чтобы повидать слонят, написать о них. Ему удалось создать увлекательную книжку для детей. Названием ее стали имена слонят — Рави и Шаши, что в переводе означает Солнце и Луна. Повесть эта, опубликованная сначала в «Пионерской правде», вышла в Детгизе. Книга хорошо оформлена, иллюстрирована рисунками и фотографиями. До сих пор юные читатели знали С. Баруздина как поэта. «Рави и Шаши» — первый прозаический опыт молодого писателя.

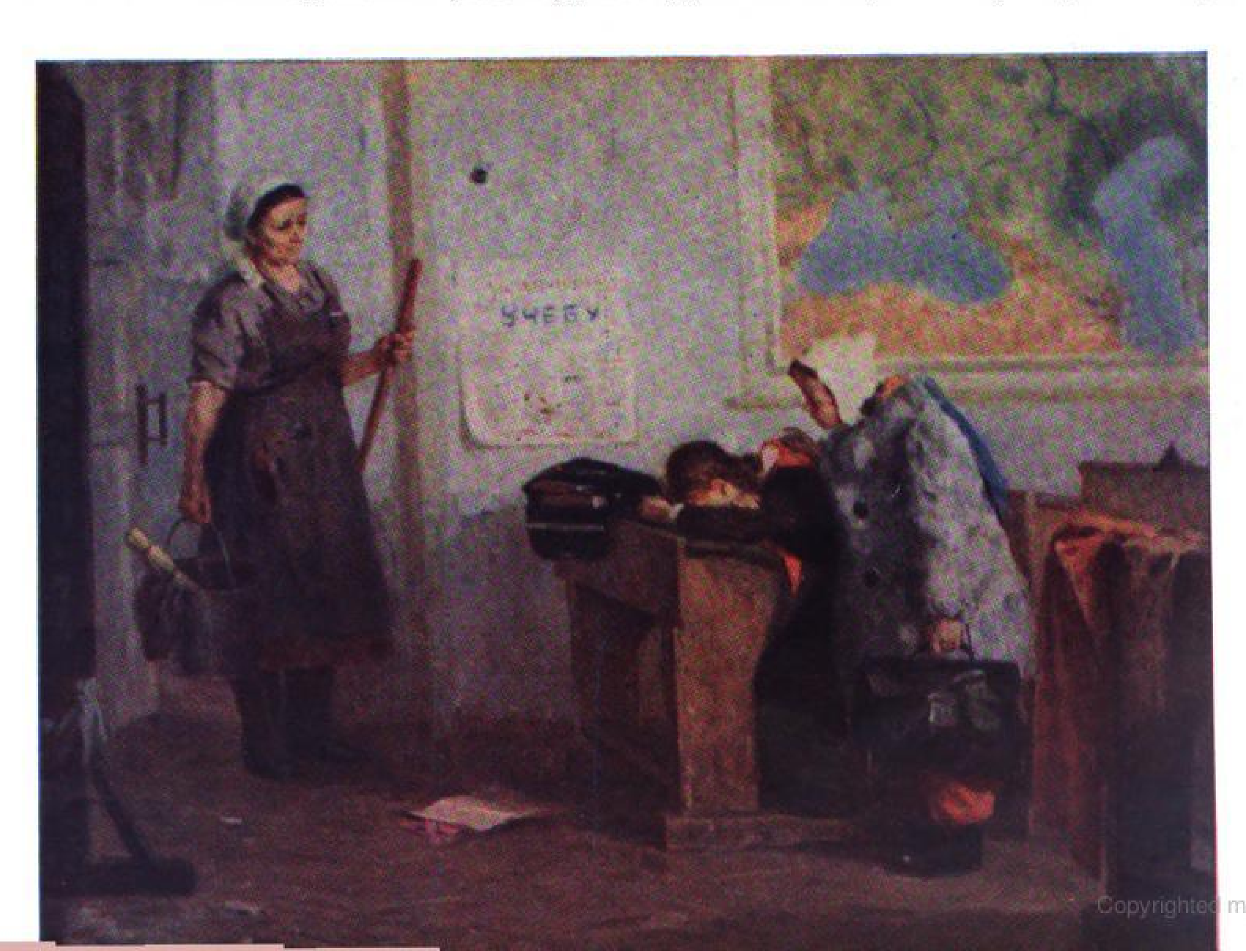


С. ЛЮБИМОВ

Сергей Баруздин. Рави и Шаши. Детгиз. Москва. 1956. 40 стр.

Copyrighted material

С. Г. Светлорусов. В КЛИНИКЕ АКАДЕМИКА ФИЛАТОВА. Выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР, выпуск 1955 года.



М. Ф. Пушной. ПОСЛЕ УРОКОВ.

Copyrighted material

Л. А. Гусев. ЮНЫЕ РЫБОЛОВЫ.

В. Д. Ездаков. ПЕРЕД ШТОРМОМ.

Выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР, выпуск 1955 года.

Copyrighted material

ВЕТЕРАНЫ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ

По кремлевским залам будто взвилась и легко прошла светлая метель: здесь сегодня собралась седая, но не постаревшая сердцем славная ленинская гвардия.

Каждый из тех, кто пришел сюда, отдал больше полувека жизни благородному, прекрасному делу борьбы за революцию, за победу коммунизма.

Награжденные орденами В. Т. Комлев (слева) и В. Ф. Филиппов.

442 участника революции 1905—1907 годов награждаются орденом Ленина, 897 — орденом Трудового Красного Знамени. В Кремле многим из них вручали ордена Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. П. Тарасов и В. И. Козлов.

...Нет никакого налета официальности. Почти все здесь знакомы друг с другом, многие обнимались, любовно поглаживали друг друга по плечам, подшучивали друг над другом; те, что помоложе, бережно поддерживали под локоть старших.

...Екатерининский зал. Сюда проходит Климент Ефремович Ворошилов, чтобы вручить высокие правительственные награды старым боевым товарищам, ветеранам трех революций.

Волнуясь, один за другим идут к небольшому столу простые люди, сыны героического рабочего класса.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР тоже не может сдержать волнения. Узнавая товарищей, он делает несколько шагов навстречу каждому из них, обнимает, целует крест-накрест, вручает ордена. Негромкий шум стоит в зале. Каждый из награжденных вспоминает давние, но кажущиеся такими близкими годы. Одни встречались в подполье, другие — в ссылке, третьи — на баррикадах. Елена Дмитриевна Стасова вспомнила о заграничных встречах. Крепкие рукопожатия. Каждый награжденный говорит лишь несколько слов, но это слова, произнесенные от всего сердца. Стенографистка волнуется, прерывает запись и увлажненными глазами смотрит на ветеранов.

Здесь, в этом зале, прошла сегодня живая история революции. Именно против таких людей — членов славной большевистской гвардии — стоял гигантский механизм русского самодержавия, напрягавшего все силы, чтобы остановить революцию, чтобы задавить свободу и демократию... А победил в борьбе народ — подлинный герой и творец истории, руководимый крепкой и централизованной организацией революционеров, подготовившей и победоносно завершившей эту борьбу. У некоторых участников сегодняшнего торжества на лицах шрамы — почетные следы великих революционных боев.

Принимая награду, участники первой русской революции заявили, что они не намерены почивать на лаврах. Старые и опытные бойцы и строители, они помогают и будут помогать молодым строить новое общество, учат молодежь великой принципиальности, трудолюбию и скромности, передают ей огромный ленинский опыт, ленинские традиции.

— Что из того,— говорит Борис Михайлович Волин,— что каждому из нас более 70 лет! Нет сегодня более счастливых людей в нашей стране, чем мы, старые большевики — члены ленинской партии, руководимой ленинским Центральным Комитетом, неуклонно осуществляющим ленинские принципы во внутрипартийной жизни, во внутренней и внешней политике.

Многие из выступавших снова и снова возвращались к решениям XX съезда партии, прошедшего под великим знаменем непреходящих ленинских идей, воспринимая эти решения как великую программу борьбы за коммунизм.

Для Ленина народ не был безликой массой. Ленин всегда видел в народе неиссякаемый источник талантов, огромные творческие силы. И сегодня Климент Ефремович Ворошилов напоминает собравшимся бессмертные слова Владимира Ильича о народных героях, подобных Ивану Васильевичу Бабушкину, слова, сказанные Лениным 18 декабря 1910 года:

«Это — люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию ИХ сознания, ИХ организации, ИХ революционной самодеятельности. Это — люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин... С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации».

Вся деятельность партии, весь замечательный путь ее славной большевистской гвардии — блестящее подтверждение этих ленинских слов.

П. КРАВЧЕНКО

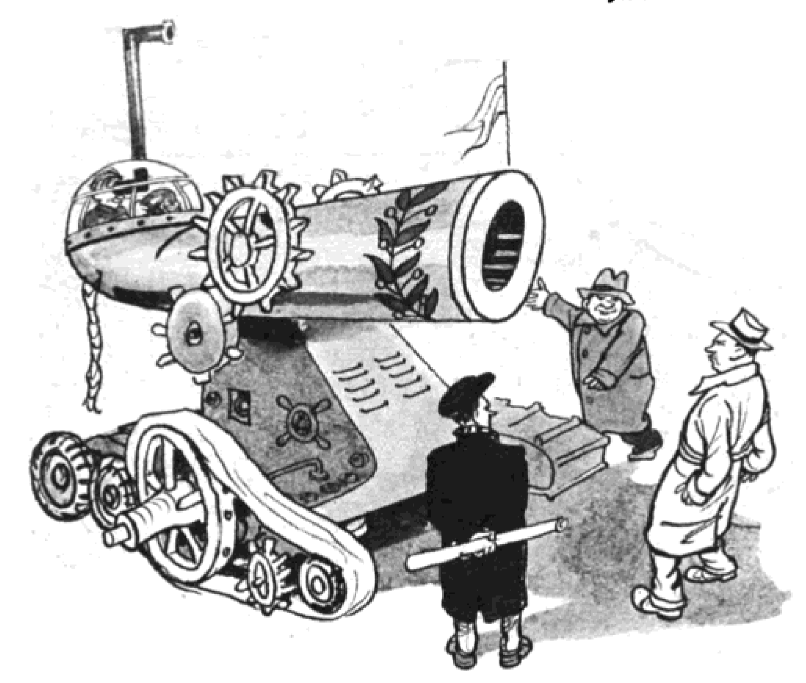
Фото А. Гостева, М. Савина и Е. Умнова.

К. Е. Ворошилов вручает орден Ленина Г. И. Петровскому.

После вручения орденов старые большевики собрались в Георгиевском зале Кремля.

Copyrighted material

Рисунки Е. ГОРОХОВА.



Пшик

Николай АСАНОВ

На испытательную площадку научно-исследовательского института новой строительной техники прибыла приемочная комиссия. Институт подготовил к испытанию новый образец механизма для отделки стен и потолков. В комиссии были представлены видные строители, а возглавлял ее заместитель министра.

Тут же теснились и создатели нового агрегата. Их было трое: сам директор научно-исследовательского института товарищ Пилимонов, толстенький, маленький, с розовым, почти младенческой свежести личиком человек лет пятидесяти; начальник лаборатории новой техники товарищ Шуесловов, длинный и тощий, как телеграфный столб, простоявший на своем посту лет сорок и весь изъеденный временем и непогодой; и младший научный сотрудник Коробейников, человек неопределенного возраста, с робким, смущенным лицом, на котором выделялись только белесые глаза да тонкий и длинный нос. Изобретатели держались поближе к заместителю министра, но даже и это делали в соответствии со своим служебным положением. Пилимонов суетился прямо под ногами у начальства, Шуесловов заходил сбоку, Коробейников стоял за спиной и старался не попадаться на глаза.

— Ну-с, товарищи, начнем,— сказал заместитель министра.

Пилимонов взмахнул маленькой беленькой ручкой, и несколько рабочих выкатили из раскрытых дверей сарая новый образец, прикрытый до времени от любопытных глаз брезентом.

— Что вы нам сегодня представляете? — осведомился заместитель министра и с любопытством взглянул на Пилимонова.

— Сегодня испытывается пистолет-трансформатор системы Пилимонова, Шуесловова и Коробейникова. Он предназначен для отделки стен и потолков окрашенным песком. Агрегат позволяет придавать стенам любую существующую в природе расцветку и заменяет работу сотни штукатуров. Да вы сейчас сами увидите!

Меж тем рабочие принесли и установили вдоль стены сарая, которую решили окрасить ради испытания, несколько баллонов, заряженных окрашенным песком и жидким клеем. Шланги баллонов подползли, как змеи, к прикрытому брезентом агрегату.

— Приступайте! — благодушно разрешил заместитель министра.

Рабочие по знаку Пилимонова сдернули брезент, и перед глазами присутствующих предстал агрегат.

Заместитель министра и члены приемочной комиссии невольно дернулись назад и даже на мгновение зажмурились, настолько необычен был вид нового механизма и так ярко блестел он, наряженный в нержавеющую сталь, никель и бронзу.

Агрегат имел устрашающий вид короткоствольной пушки, поставленной на высокий лафет. В задней части лафета виднелась кабина с колпаком из стекла, как на самолетах, предназначенная для механика. Из-под лафета выглядывали бесчисленные колеса на резиновых шинах, которые должны были держать и передвигать этот механизм. На гребне лафета, кокетливо изогнутом, сверкали позолоченные буквы: «ПШИК-1».

— Что это такое? — негромко спросил заместитель министра, указывая пальцем на буквы.

— Марка машины! — живо сообщил директор института.— По имени изобретателей. Пилимонов, Шуесловов и Коробейников. Пе-Ше-и-Ка. Опытный образец.

— Надо знать русские сказки, товарищ Пилимонов! — несколько громче сказал заместитель министра. — Вы не слыхали такую сказку? Шел мужик по городу и нашел кусок золота с конскую голову. И нашлись у него доброжелатели, которые помогли ему обменять это золото на лошадь, лошадь на корову, корову на овцу... А когда он добрался домой, остался у него от этого обмена только кусок ржавого железа. Хотел он сделать из железа кочедык, лапти у него, пока он ходил, прохудились, нагрел железо, сунул в воду — и получился пшик! Не получится ли такой же пшик и из вашей машины? И какой же это пистолет-трансформатор, когда это настоящий танк?

Пилимонов, опасливо поглядывая на заместителя министра, нет-нет, да и скашивал глаза за его широкое плечо, за которым прятался третий изобретатель. Шуесловов, уловив гневные нотки в голосе начальства, почел за лучшее отступить в сторону. Заместитель министра спросил:

— Как действует агрегат?

Пилимонов строго взглянул на Коробейникова, но тот только поглубже спрятался за спину заместителя министра и даже пригнул голову. Шуесловов с независимым выражением лица сунул руки в карманы и поднял лицо к небу, словно залюбовался редкими облачками. Розовое личико директора побледнело. Заместитель министра с удивлением наблюдал за этой сменой красок. Пилимонов втянул голову в плечи и молчал. Заместитель министра строго напомнил:

— Я жду, товарищ Пилимонов! Приведите ваш аппарат в действие! Кому это вы сигнализируете?

Заместитель министра оглянулся, но Коробейников успел отступить и спрятаться за толпой приемщиков. Тогда Пилимонов довольно жалобно воскликнул:

— Товарищ Шуесловов!

Шуесловов продолжал наблюдать небо, еще более похожий на телеграфный столб, чем раньше. Заместитель министра раздраженно сказал:

— Довольно странно, что изобретатель аппарата обращается за помощью. Позвольте уж мне самому тогда разобраться в вашем агрегате. Для чего вот эта деталь? — он похлопал по стволу пушки и заглянул в отверстие. Там лежала еще какая-то трубка, похожая на ствол дуэльного пистолета.— Ну-с, что скажете?

— Я... я не входил в эти подробности...— пролепетал Пилимонов и, уловив удивление в глазах заместителя министра, торопливо добавил: — Это делал Шуесловов. Я, знаете ли, конструировал ходовую часть агрегата...

— Так! — неодобрительно сказал заместитель министра.— Тогда объясните, для чего этот огромный лафет и множество колес?

— Я... я полагал, что маневренность... передвижение агрегата... скорости... та нагрузка, которую предложил Шуесловов...

Заместитель министра кивком головы подозвал Шуесловова:

— Может быть, вы объясните, для чего это нагромождение никеля, бронзы и плексигласа?

— Это... это...— замялся Шуесловов и как-то странно уменьшился в росте.— Видите ли, я решил наружный вид агрегата, исходя из требований современной эстетики... Знаете, красота...

— А кто же объяснит нам работу этого агрегата? — спросил заместитель министра.

— Если позволите, я могу это сделать! — вдруг сказал третий конструктор, выступая из толпы.

— Ну, если ходовую часть конструировал Пилимонов, а все остальное Шуесловов, то что же остается на вашу долю, молодой человек? — спросил заместитель министра.

— А мне принадлежит только одна, пока еще не видимая деталь,— живо ответил молодой человек.— Вот эти детали сконструировал товарищ Шуесловов! — Он похлопал по хоботу орудия и по стеклянной башне.— Но их можно снять! — Он поманил к себе рабочих, и те с большими усилиями сняли всю верхнюю часть машины и оттащили ее в сторону.— А вот эту деталь,— Коробейников довольно непочтительно ткнул носком башмака в лафет,— творил товарищ Пилимонов. Ее тоже можно удалить.— Он кивнул рабочим, и те с еще большими усилиями откатили лафет. В руках Коробейникова остался какой-то предмет, похожий на дуэльный пистолет, из которого на сценах всех театров вот уже много сезонов подряд Онегин убивает Ленского. Коробейников поднял его и показал присутствующим.— Теперь, когда весь никель, вся бронза и нержавеющая сталь удалены, остался только пистолет-трансформатор системы Коробейникова, который работает так...

Он подошел к стене, подготовленной для испытаний, и принялся набрызгивать окрашенный песок с такой быстротой, что у присутствующих зарябило в глазах. Заместитель министра взял у него пистолет и тоже прошелся краской по стене. Остальные члены комиссии оживились, послышались смех, шутки. Только Пилимонов и Шуесловов молчали.

— Что же это тогда значит? — спросил заместитель министра и неодобрительно оглядел инкрустированные детали агрегата.

— Товарищи Пилимонов и Шуесловов не желали выпускать аппарат до тех пор, пока и сами не примут участия в конструировании. Отсюда и возникло творческое содружество «ПШИК».

— Н-да-а...— сказал заместитель министра и, посмотрев в вороватые глаза Пилимонова и Шуесловова, повернулся к секретарю комиссии: — Запишите, аппарат товарища Коробейникова принять к внедрению в производство. Доклад о работе института поставить на коллегии министерства.

...Недавно я позвонил в институт. Мне хотелось отчитать Коробейникова от имени общественности за то, что он до сих пор не пустил свой пистолет-трансформатор в широкое производство.

Мне ответили, что Коробейников в институте не работает. Пилимонов и Шуесловов были пока еще на месте.

Copyrighted material

Путешествие с мистером Лорри

А. СОФРОНОВ

Фото автора.

Я не знаю, где сейчас мистер Лорри. Живет ли он попрежнему в одном из дальних пригородов Лондона или кочует по странам Южной Америки, не знаю. Но, тем не менее, перебирая в памяти события и встречи последних лет, я неизменно возвращаюсь к знакомству с мистером Лорри, с его семьей и его милым домом.

Со дня нашей встречи прошло около двух лет. Мне за этот промежуток довелось побывать в Индии и в Соединенных Штатах Америки, и обе эти поездки дали возможность лучше понять место Англии в современном мире, глубже разобраться в тех встречах, которые у меня там были... И, может быть, решающую роль в понимании, что такое средний англичанин, о чем он мечтает, какие токи пронизывают его сердце, сыграло трехдневное путешествие с мистером Лорри.

Началось все несколько неожиданно. Вместе с переводчиком мы сидели как-то в одном из кабинетов советского торгпредства в Лондоне. Работник торгпредства рассказывал нам о том, как развиваются торговые отношения между Англией и Советским Союзом. Мы внимательно слушали его. И вдруг взор привлекла стоящая на камине бутылка из-под шотландского виски, внутри которой была ловко впаяна модель торгового парусника.

— Откуда это у вас? — спросил я.

Работник торгпредства улыбнулся:

— О, эта безделушка имеет свою небольшую историю!

— Расскажите...

— Видите ли, однажды к нам в торгпредство пришел с вопросом сравнительно молодой английский бизнесмен: не желаем ли мы продать ему на слом затонувший в одном из каналов морской транспорт, принадлежавший во время войны фашистской Германии, а сейчас оказавшийся советским имуществом? Откровенно признаюсь, мы в торгпредстве ничего об этом транспорте не знали. Вежливо ответили нашему гостю, что наведем справки. Он попрощался и ушел. Мы наводили справки, узнавали. А новый знакомый время от времени позванивал в торгпредство. Мы ему как-то сказали, что торговать затонувшими транспортами еще не научились. Он засмеялся в трубку и воскликнул «Ол райт!» и на другой день снова появился в торгпредстве. Сказал, что пришел с самым дружеским визитом и никаких претензий к нам не имеет. «Нет, так нет, — сказал он, — но есть у меня предчувствие, что нам когда-либо все-таки доведется встретиться при деловых отношениях. Я понимаю, сейчас трудное время. Я ведь сам судостроитель, собираюсь строить корабли. Но я еще молодой делец, мне не поверят; если начну дело, то могу потерять то немногое, что имею. Поэтому я вместо того, чтобы строить корабли, распиливаю старые, затонувшие, и продаю их в таком виде в металлургическую промышленность». Он вытащил из кармана вот эту бутылку и сказал: «Возьмите на память. Это моя собственная работа. Когда был студентом, увлекался такими делами». После этого он ушел.

Работник торгпредства задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Большинство деловых людей Англии хотят торговать с нами.

— А как в этом убедиться?

— Очень просто. Хотите, я вам устрою встречу с мистером Скоттом? Он недавно был в Москве и заключил ряд выгодных сделок с нашими организациями на поставку электрооборудования. Я думаю, он поможет вам, он очень любезный человек. Не возражаете?

Наш собеседник снял телефонную трубку.

На другой день мы появились в конторе компании «Кромптон Паркинсон». Мистер Скотт, высокий, худощавый человек, поднялся при нашем появлении и протянул нам руку.

— Как чувствуете себя в Лондоне?

— Очень хорошо.

— Вы знаете, я так же чувствовал себя в Москве. У меня остались самые лучшие впечатления о Москве. Вы, видимо, читали мои заявления. Мне даже кое-где в печати попало, не всем понравились мои заявления. А Москва? Вот у меня память о Москве.— И он вывалил на стол пачку фотографий.— Это я сам снимал.

Мы с интересом рассматривали снимки, на которых были изображены английские бизнесмены возле Царь-колокола в Кремле, у Большого театра, на улицах Москвы...

Когда просмотр снимков был закончен — а мы отметили про себя, что снимки он специально привез из дому, чтобы доставить нам несколько приятных минут,— я изложил ему свою просьбу — посмотреть несколько заводов компании «Кромптон Паркинсон», на которых выполняются заказы для Советского Союза.

Мистер Скотт нажал кнопку. Вошла секретарша.

— Позовите мистера Грехэма.

Через минуту в кабинете был инженер Грехэм.

— Мой помощник,— представил нам Скотт вошедшего.

Мистер Грехэм пришел уже с предложениями.

— Если пожелаете, можете посетить три завода. Самый дальний в городе Дерби, это около Ноттингэма.

— Устраивает вас такой маршрут? — спросил мистер Скотт.

— О, еще бы!

— Вы поедете на нашей машине. И, если не возражаете, по пути посетите города Оксфорд, родину Шекспира — Стратфорд на Эйвоне и на обратном пути успеете к финальным заездам на регату в город Хенлей, где ваши гребцы будут сражаться с нашими. Устраивает вас это?

Нам оставалось только благодарить любезного мистера Скотта.

— Не благодарите. Это наш долг — гостеприимство. — Скотт остановился.— Грехэм, позовите мистера Лорри.

Грехэм вышел. На смену ему в кабинет вошел еще молодой человек с седеющими висками и ястребиным носом, подтянутый, в белой рубашке с накрахмаленным воротничком.

— Познакомьтесь, — сказал Скотт,— наш инженер, который будет сопровождать вас в поездке, мистер Лорри.

Мы протянули друг другу руки.

...Через несколько дней, как обычно поставив в известность отдел печати МИДа Англии о маршруте нашей поездки, мы отправились в путешествие с мистером Лорри. Ровно в 9 утра машина подошла к гостинице. Мы познакомились с шофером. Белесый, щуплый, с рыжеватыми бровями, он представился:

— Фрэнк Сивил.

— Поехали,— сказал Лорри.

И мы тронулись.

Через час машина подкатила к воротам завода. Нас провели в кабинет директора завода мистера Саумэна. Он пригласил нас присесть и сообщил о том, что завод выпускает вращающиеся моторы, вентиляторы, электромоторы от 1 до 1 200 лошадиных сил, выпрямители, синхронные моторы, моторы для электровозов; всяческие приборы: амперметры, вольтметры, измерители частоты, реостаты... На заводе 2 200 рабочих. Завод — самый крупный из пяти других, расположенных в странах британского содружества, а именно, в Южной Африке, Индии, Австралии и Новой Зеландии.

В цехе реостатов мы познакомились с маленьким, подвижным человеком, видимо, любящим юмор,— начальником цеха мистером Фаули. Он представился и сказал:

— Я служу здесь тридцать лет. Был на этом заводе чертежником. Теперь начальник цеха.

Мы ходили по цеху, где слесари-электрики собирали трансформаторы и выключатели. Работа это тонкая, внешне красивая. Множество разноцветных проводов: синих, желтых, красных, зеленых... В одном месте мы остановились. Я спросил мистера Фаули:

— Вы со многими странами торгуете?

— Как удается. Конкуренция большая... В своей стране не всегда можем продать трансформаторы.

— Почему?

— Есть иностранные фирмы...

— Какие?

— Американские...

— Но и вы, вероятно, в свою очередь, ввозите трансформаторы в Соединенные Штаты?

— Мы?! — Мистер Фаули даже остановился на мгновение, затем горячо заговорил: — Слишком высокие пошлины!

— Но они к вам ввозят?

— Они? Они да. А мы нет... И вообще нам этот американизм слишком дорого обходится.— И вдруг, увидев спокойные глаза мистера Лорри, он почти шепотом добавил: — Только я вам ничего не говорил... ничего!

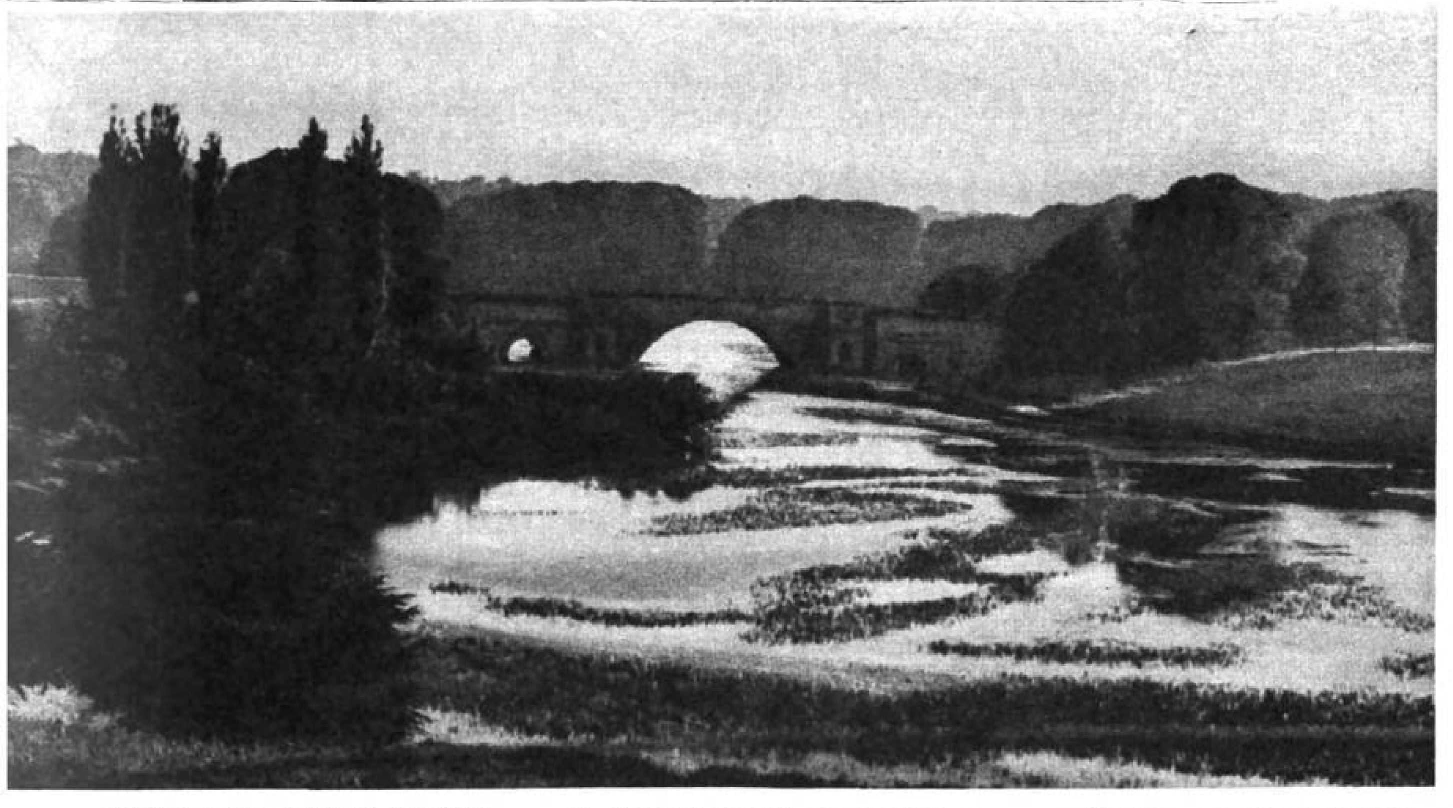
Мистер Фаули передал нас начальнику инструментального цеха мистеру Крайгу. Мы бродили между верстаками, у которых в белых халатах сидели и стояли рабочие. Они собирали амперметры.

— Выполняем заказ для Китая, пятьсот амперметров. Первая наша продукция для этой страны,— говорил спокойный — прямая противоположность мистеру Фаули — Крайг.

— Вот это? — указал я на какой-то прибор.

— Нет,— улыбнулся мистер Крайг.— Это миноискатели. Заказ нашего адмиралтейства.

Copyrighted material



Уголок парка у замка Мальборо.

Целый день мы провели на заводе, а когда к вечеру мистер Лорри подвез нас к гостинице, он пытливо посмотрел нам в глаза и спросил:

— Вы остались довольны посещением завода?

— О да, мистер Лорри! Очень.

— Я могу сообщить об этом мистеру Скотту?..

На другой день мы отправились на завод трансформаторов, расположенный в пригороде Лондона, Хейзе. Нас встретил полный, лысеющий человек, директор завода мистер Болл. Он рассказывал историю завода. Более пятидесяти лет завод производит трансформаторы. Во время войны завод изготовил несколько крупных трансформаторов.

— Мы рассчитываем получить заказ от Советского Союза. Мы считаем, что если в войне наши страны были партнерами, то почему сейчас пренебрегать этим.

— Завод работал всю войну? — спросил я.

— Да, конечно... Нам было трудно... Бомбардировки... Очень трудно. Но как нация мы продолжали улыбаться.

Мы отправились в цех. Здесь работало немало женщин.

Подходим к одному из верстаков.

— Познакомьтесь, мисс Кирнбрайд... Обмотчица.

На нас смущенно смотрела пожилая женщина.

— Может, вы хотите спросить ее о чем-либо?

— Что вы слышали о Советском Союзе? — спросил я мисс Кирнбрайд.

— Я слышала, что у вас большая страна...

— А как вы думаете, мисс Кирнбрайд, как должны относиться друг к другу наши страны?

— О, конечно, они должны жить в мире! — воскликнула обмотчица.

— Простите, сколько лет вы работаете в этом цехе?

— Тридцать семь,— ответила работница.

Мы осмотрели весь завод. Разговаривали с рабочими и работницами. Мистер Болл очень часто отходил от нас, как бы подчеркивая, что не хочет связывать рабочих своим присутствием. Он очень смутился, когда старый рабочий Нельсон, сорок четыре года проработавший на заводе, в ответ на мой вопрос, что бы он хотел передать рабочим Советского Союза, беспомощно развел руками и обратился за помощью к мистеру Боллу.

— Нет, уж вы, пожалуйста, сами отвечайте то, что думаете,— с легким раздражением сказал Болл и шагнул от нас в сторону, чем окончательно поверг старика Нельсона в растерянность.

— Привет! — сказал Нельсон и, махнув рукой, покинул нас.

Позже, в ресторане лондонского аэропорта, куда мистер Болл повез нас завтракать, я спросил его:

— Почему на заводе так много пожилых работниц, которых вы называете мисс, а не миссис?

— Потому, что они не сумели выйти замуж... Это тоже немалая проблема... Война...

— Но ведь, судя по их возрасту, война уже здесь ни при чем?

— Да, вы правы.—Мистер Болл улыбнулся.— Мало ли других причин...

Мы по-дружески провели этот час завтрака, касаясь самых разных вопросов и придя в конце концов к выводу, что у нас есть много общего и во многом мы сходимся, например, в вопросе использования атомной энергии в мирных целях. Один лишь человек за нашим столом был молчалив — мистер Лорри.

В два часа он поднялся.

— Нам пора, господа. У нас еще большой путь до города Дерби.

Скоро мы уже выбрались за пределы Хейза. Покатили по узким английским дорогам. Слева, среди высоких деревьев, мелькнул старинный, с порыжевшими, замшелыми стенами замок.

— Это Виндзорский замок,— сказал Лорри.

Мы проехали городок Хенлей на Темзе. Миновали старинный университетский город Оксфорд.

— Мы еще сюда вернемся. У нас здесь будет ночевка,— продолжал Лорри.

— У меня есть для вас сюрприз,— вдруг обернувшись, сказал он, когда машина мчалась среди густых, тихо шевелящих ветвями лесов.— Заедем в фамильный замок герцога Мальборо, место рождения Уинстона Черчилля.

Переводчик, разбиравшийся лучше меня в тонкостях дорожной английской дипломатии, сказал:

— Но этот пункт не показан в нашем маршруте...

— Я беру это на себя,— сказал мистер Лорри и указал шоферу на поворот, ведущий влево.

Мы поехали по малолюдной дороге, с двух сторон которой изредка мелькали укрытые деревьями двухэтажные особняки, крытые почерневшей от времени черепицей.

И вот уже машина остановилась у ворот. Лорри вышел из машины и направился навстречу привратнику.

— Сегодня замок закрыт,— сказал тот.

Но Лорри, словно не слыша, взял его под руку, и они вместе пошли к воротам. Через несколько минут Лорри вернулся. Он улыбался. Это, кажется, была первая улыбка, которую я заметил на его лице.

— Машину придется оставить здесь,— сказал он.

— Я могу идти с вами? — спросил Фрэнк Сивил.— Я никогда не бывал в этом замке.

— Идемте,— коротко ответил Лорри.

Мы осматривали дворец Мальборо довольно долго. Одна за другой открывались массивные двери, и перед нами возникали зеркала и старинные диваны, картины и портреты, золоченые канделябры и тяжелые шторы... Черноглазый гид, быстро сыпавший пояснения на английском языке с французским акцентом, водил нас из комнаты в комнату. Наконец он остановился в одной из них и сказал:

— Здесь родился Уинстон Черчилль... Вот здесь, за стеклом, его локоны. У него были такие же локоны, как и у всех детей...

На стенах висели рисунки Черчилля. Любовь к живописи, как известно, сохранилась у бывшего английского премьера надолго. На выставке в Лондоне мы видели несколько его картин. Они, пожалуй, были немного абстрактны и экзотичны по краскам. Видимо, автор был вдохновлен жаркими странами.

Мы вышли в парк. Тишина и покой окутали зеленые поляны и синие озера, кое-где поросшие травой и кугой.

Солнце скрывалось за широкими кронами деревьев. Пора было отправляться.

— Интересно вам было? — спросил Лорри, когда мы отъехали.— Но вас ждет еще сюрприз.

Скоро машина остановилась на пустынной площади небольшого городка, у подъезда двухэтажной гостиницы «Бурая корова».

— Здесь в 1605 году, пятого ноября, собирались заговорщики. Они хотели взорвать английский парламент и уже заложили бочки с порохом в его подвалы. Но, как известно, взрыв был предотвращен,— сказал Лорри.

Мы вошли в гостиницу. Все в ней напоминало далекую старину. Деревянные подсвечники, старые, темные столы, тяжелые, грубоватые стулья... Когда мы покидали «Бурую корову», уже совсем смеркалось.

— Скоро поедем по моим родным местам,— сказал Лорри.

Дорога постепенно втягивалась в промышленный район. Где-то вдалеке виднелись темные контуры заводов. В темнеющем небе трепетал красноватый отблеск.

Машина помчалась по узкой дороге, пересекающей окрестности какого-то города.

— Это Регби,— сказал Лорри,— город, в котором я когда-то жил. Остановите,— обратился он к шоферу.

Сивил мягко затормозил. Метрах в двадцати от дороги стоял небольшой дом.

Лорри махнул нам рукой.

— Идемте... Это дом, в котором я когда-то жил.— Мы пошли за Лорри и остановились чуть в стороне. Лорри постучал один раз, другой, третий. Наконец дверь открылась. На пороге показался пожилой человек. Мы не слышали разговора Лорри с этим человеком, но минуты через две он, вежливо приподняв шляпу, отошел от крыльца.

— Здесь уже живут не те люди, которым мы продали этот дом. Он перешел из рук в руки,— сказал Лорри, когда мы снова тронулись в путь.

Некоторое время он молчал. На мой вопрос, почему город называется Регби или Рагби, как говорят в Англии, не здесь ли родилось название спортивной игры, Лорри рассеянно ответил:

— Да, да... Может быть... Вот как раз поле, на котором начались эти состязания...

А когда город остался позади и машина снова помчалась в темноте, Лорри вдруг обернулся и сказал:

— Вы себе не представляете, что должен пережить мальчишка шестнадцати лет, попавший на завод... Крушение всех надежд, всех горделивых мечтаний. Полное растворение среди грохота и лязга, среди таких же, как ты, но холодных и равнодушных к тебе людей...

Мы молчали, ожидая продолжения рассказа. Но его не последовало. Неожиданно Лорри заговорил:

— Вы видели дом, в котором я жил? В сороковом году, в вечер, когда пятьсот немецких самолетов бомбили Ковентри, почти на том самом месте, где прошла наша машина, упал сбитый зенитчиками самолет... Шасси оторвалось и пробило крышу нашего дома. Я был в комнате за закрытыми ставнями. Я читал. Я хотел знать, что такое фашизм. Стиснув зубы, я читал «Майн кампф».

Лорри снова замолчал. Слышно было только ровное гудение мотора. По сторонам дороги расплывались в тумане редкие электрические огни.

Copyrighted material

— Вы очень хотите поехать в Ноттингэм? — спросил нас Лорри.

— Нет, теперь уже не имеет смысла... Я хотел посмотреть его засветло... Правда, Ноттингэм указан у нас в маршруте.

— Могут быть неприятности,— заметил переводчик.

— Я беру все на себя,— сказал Лорри.

Ровно в двенадцать ночи мы добрались до гостиницы, разбудили мирно спящего портье и разошлись по своим номерам.

Утром, когда мы все четверо собрались в ресторане, Лорри сказал:

— Я должен извиниться. Пришли полицейские. Они недовольны тем, что мы изменили маршрут. Если они пожелают вас спросить об этом, я прошу сказать, что это я изменил маршрут самолично.

— Я говорил вам,— нервно произнес переводчик.

— Ничего... Полиция ведь тоже поймет, что нам не было смысла заезжать в Ноттингэм.

Когда мы спустились в фойе, нас ожидали два высоких человека в плащах. Вежливо поздоровавшись, один из них спросил:

— Как же это случилось, что вы проехали Ноттингэм?

Мы поговорили с этими двумя полицейскими. Прощаясь, один из них спросил:

— Когда вы собираетесь уезжать?

— Сегодня же после осмотра завода. А что?

— Жаль... А то вечером мы могли бы с вами сыграть в крикет.

— К сожалению, мы торопимся...

— Жаль, жаль...

На заводе, производящем электрокабель, электрические и телефонные провода, нас встретил коммерческий директор мистер Джонс, высокий, спортивного вида человек, с рыжеватыми вьющимися волосами.

Он разглядывал нас с любопытством.

— Очень хорошо, что приехали. Посмотрите завод, на котором делают кабель для Советского Союза.

Ходить по заводу, производящему кабель, интересно. Такое впечатление, будто все время здесь тянут жилы, тонкие и потолще, белые и разноцветные. Здесь же кипящее олово. Рулоны бумаги... Расплавленный свинец... Сложная процедура изоляции медной проволоки от всяческих возможных внешних влияний.

Мы остановились около накатчика стальной покрышки Спенсера Олунна. Я спросил, знает ли он, что завод выполняет заказ для Советского Союза.

— О да, конечно.

— Как вы расцениваете это?

— Это — большое дело. Я слышал, что мы будем работать над заказом двенадцать месяцев.

— А не можете ли вы сказать, как рабочие завода относятся к Советскому Союзу?

— Могу сказать. Хорошо относятся.

Мы попрощались с симпатичным накатчиком и прошли в отдел резиновой изоляции. Здесь чистый каучук соединялся с различными смесями. Ползущая из-под валков резина давилась, резалась, здесь же проходила вулканизацию.

Я спросил Джонса:

— Откуда вы получаете каучук?

— Из колоний — Малайи, Индии...

— Разве Индия колония?

Мистер Джонс смущенно засмеялся:

— Привыкли так говорить...

...И вот мы снова катим по автомобильной дороге. Мистер Лорри не в духе. Как я догадываюсь, у него испорчено настроение с утра, с момента появления полицейских в гостинице.

Проехали Бирмингам. Шумный старый город, со следами фашистских бомбардировок. Вот и Ковентри, город, принявший на себя страшный груз фашистской авиации, потерявший за одну ночь четырнадцать тысяч жителей. Город еще не восстановлен. Он строится, всюду видны железобетонные конструкции, они возвышаются над одноэтажными временными. Мистер Лорри предложил нам посетить муниципалитет. Мы нагрянули туда неожиданно. Лорд-мэра в городе не было, он находился в Лондоне. Но секретарь мэра, мистер Сторри, встретил нас очень радушно. Широко открывая все двери, показал здание муниципалитета. Мы прошли пешком по улицам Ковентри. Заглянули и во внутрь разбитого фашистами старинного собора, возле входа в который была надпись: «35 тысяч фунтов нужно на восстановление крыши собора. Тот, кто любит искусство, поможет своим взносом». На день нашего посещения было собрано 4 тысячи фунтов.

Чем ближе мы приближались к городу Шекспира Стратфорду на Эйвоне, тем светлее становился мистер Лорри. Действительно, с того момента, когда автомашина пересекает городскую черту, сразу чувствуешь себя словно в другом мире. Спокойное течение реки. Зеленые берега, тихо скользящие лодки. Старые дома, какой-то особой, неповторимой архитектуры. Широкая площадь около театра, где идут только шекспировские пьесы. Памятник великому драматургу и гуманисту Англии, человеку, чьи бессмертные творения волнуют, заставляют радоваться и страдать миллионы людей во всем мире. Все здесь дышит Шекспиром. Видя, с каким удовольствием мы рассматриваем каждый дом, каждую улочку города, Лорри как-то особенно потеплел.

У нас была намечена ночевка в Оксфорде, но Лорри сказал:

— Может быть, мы переночуем здесь?

Он исчез на некоторое время. Вернулся несколько обескураженный:

— Очень много американских туристов. Нет мест в гостинице. Мы не предупредили...

Мы долго стояли у дома, где родился Шекспир. Простой дом под черепичной крышей. Посмотрели дом его возлюбленной, Анны Хатвей. Сколько светлых чувств подарила гению эта женщина! Посмотрели два действия спектакля «Ромео и Джульетта». Билеты все были проданы, но администраторы театра устроили нас...

Мы остались довольны... Только Лорри был расстроен.

— Надо добираться до Оксфорда, а то может случиться, что мы и там без гостиницы останемся.

Совсем в темноте выехали из Стратфорда на Эйвоне. Некоторое время мы молчали. Потом Лорри спросил:

— Какие впечатления от разговоров с рабочими?

— Очень короткие разговоры... Люди на работе...

— Я хотел сказать, чтобы вы осторожней отнеслись к ответам на ваши вопросы.

— Почему?

— Рядом с ними стоят мастера...

— Разве они их стесняют?

— Нет, но все же... Вы сходите в пивной бар — там они говорят свободно. А спрашивать рабочего на заводе — это все равно, что спрашивать корову или малого ребенка!

Дом, где родился Вильям Шекспир.

Памятник Шекспиру в Стратфорде на Эйвоне.

Ковентри. На заднем плане — собор, разрушенный во время бомбардировок в 1940 году.

Copyrighted material

Одна из улиц в Оксфорде.

Снова почувствовав раздражение в голосе Лорри, я взглянул на Сивила. Он невозмутимо вел машину, но какая-то напряженность в плечах говорила, что шофер внимательно слушает наш разговор.

— Вы недооцениваете своих рабочих,— сказал я Лорри.

— Возможно, возможно... Мы многое недооцениваем... Вот я, например, только что прочел статью в журнале об экономике латиноамериканских стран. Восемьдесят — девяносто процентов мексиканского импорта идет из Соединенных Штатов, пять — из Германии и столько же из Англии... Всего пять процентов!

— Почему же это так вас волнует?

— Я должен ехать в Южную Америку.

— Зачем?

— Нам нужны рынки. Нашей компании тоже... Там я должен столкнуться с американскими представителями. А мы сами, Англия, слишком привязаны к экономике Соединенных Штатов. Америка эгоистична. Самое рациональное было бы для Англии отвязаться от экономики Америки. Мы должны быть самостоятельнее!

— Самостоятельность хороша для любой страны...

— Для нас она необходима особенно. Наша страна всегда с трудом выходит из кризисов.

— Но почему же вы так волнуетесь? Поезжайте в Мексику и торгуйте спокойно.

Лорри внимательно взглянул на меня: серьезно я говорю или шучу.

— Но там-то я и должен столкнуться с самой жестокой конкуренцией... Когда начинаешь думать об этом, невольно приходишь к мысли, что дальше идет...— Лорри остановился, словно решая: заканчивать фразу или оборвать ее.

Я помог ему:

— Что дальше?

— Марксизм! — воскликнул Лорри. — А я не хочу о нем думать!

— Мистер Лорри, он существует независимо от вашего отношения к нему...

Лорри что-то еще хотел сказать, но впереди замелькали огни. Мы въехали в Оксфорд.

Все утро мы посвятили осмотру этого старинного университетского города. Побывали в Оксфордском университете, тихом в каникулярное время. Посетили самый старый, организованный в 1264 году Мертон-колледж. Осмотрели дышащие прохладой и покоем церкви и соборы. Мы были не одни. Большое количество туристов бродило по Оксфорду.

Но впереди еще оставался финиш регаты в Хенлее и вечер по приглашению Лорри в его доме. Мы снова отправились в путь и через некоторое время, медленно пробираясь среди скопления автомобилей, оказались в Хенлее, окунувшись в кипение спортивных страстей и конфликтов.

Едва мы сошли с машины, как Лорри сказал:

— Мы простимся с шофером, так как здесь должна быть моя жена с дочерью. Отсюда отправимся уже на моей машине.

Я подошел к Фрэнку Сивилу:

— Спасибо вам за отличное путешествие. Вы здорово вели машину!

Сивил протянул мне руку и застенчиво улыбнулся:

— Я рад нашему знакомству. Мне было очень интересно с вами ездить.

Мы крепко пожали друг другу руки. Сивил сел за баранку, и черный «Остин» исчез в толпе. Вскоре мы познакомились и с миссис Лорри и с маленькой Читой, очаровательной девочкой со спутанными черными волосами.

Мне повезло. Мы оказались на берегу как раз в то время, когда четверка команды «Крылья Советов» мощным финишем закрепила победу над английской командой королевских военно-воздушных сил.

Миссис Лорри пожала мне руку:

— Поздравляю... Ничего не сделаешь.

Потом мы наблюдали другие заезды. Бродили по многолюдному берегу, где вертелись пестрые карусели и «мертвые петли» и толпами ходили любители спорта. Вдруг разразился ливень, согнавший публику под крыши. Но крыш не хватало... Мистер Лорри укрылся пледом, я отдал миссис Лорри и Чите свой плащ, они меня, в свою очередь, снабдили зонтиком. Так мы и сидели на берегу, ожидая, когда пройдет ливень. А на дистанциях регаты в это время шла борьба сильных. Снова команда «Крыльев Советов» вырвала победу, на этот раз у восьмерки английского клуба «Леандер».

Лорри с досадой сказал:

— Волна помешала!

— Но для русских тоже была волна, — не согласилась с мужем миссис Лорри.

А дождь все лил... Так и не дождавшись окончания соревнований, мы разыскали машину, стоявшую в одном из специальных загонов, и отправились в путь. За рулем сидела миссис Лорри. У нашего гида после встречи с женой и дочкой совсем прошло плохое настроение, и он без умолку рассказывал обо всем, что мы видели по пути к дому. В каждом его слове чувствовалась любовь к своей стране, желание показать нам все хорошее, свое, английское. Уже смеркалось, когда мы подъехали к маленькому двухэтажному коттеджу. Вошли. Миссис Лорри включила электрокамин и ушла заниматься хозяйством. Чита позвала нас во двор посмотреть на ее кролика. В уголке маленького садика сидело существо с розовыми белками, подозрительно смотревшее на нас. Но Чита что-то ему сказала, и кролик доверчиво заковылял к девочке.

— А у вашего мальчика есть кролик? — спросила меня Чита и, не дождавшись ответа: — У моего кролика есть подружка, он каждый день бегает к ней в гости, но кушать приходит сюда... Он умный... Идемте я вам покажу своих рыбок! — потащила нас Чита в дом.

От электрокамина комната нагрелась. Мы посмотрели сверкающих золотых рыбок, а затем перешли в маленькую гостиную. Лорри снял с полки книгу и протянул ее мне.

— Узнáете без перевода.

Я раскрыл книгу. Сборник стихов русских поэтов: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет... Современники: Казин, Пастернак, Маяковский.

— Давайте читать одновременно,— предложил Лорри.— Что вы помните? Вы, наверно, Пушкина помните? Читаю: «Мороз и солнце; день чудесный!»

Мы пробовали читать одновременно. Где-то мы разошлись, и Лорри захлопнул книгу.

— Это очень трудная игра, — сказал он.

Незаметно разговор перешел снова к более реальным темам. Миссис Лорри тоже была озабочена предстоящим отъездом в Южную Америку.

— Я преподаю в школе физику. Чита учится. У нас дом, хоть и не в самом Лондоне... Очень трудно трогаться с места. Никогда не знаешь, как пойдут дела... Да и конкуренция там, видимо, будет большая.

Хозяева изредка поглядывали на часы. Они кого-то еще ожидали. Но вот раздался звонок, и в комнату вошли мужчина и женщина, веселые, с поблескивающими глазами.

— Мы были на свадьбе, — сказал гость и провел пальцем за воротником, показывая, чем они там занимались. Впрочем, пояснения не требовалось.

Вновь пришедшие внесли в дом шум и веселость. Они много смеялись, и скоро весь наш стол развеселился. Кто-то заговорил о новых фильмах... Веселый мужчина сказал:

— Нет хороших фильмов сейчас ни у нас, ни у американцев!

С ним не согласились.

— А я говорю — нет!.. Особенно американских! — продолжал настаивать приятель нашего хозяина.

Жена потянула его за рукав и зашептала:

— Ты не должен так говорить!

— А почему я не должен так говорить? — громко отвечал он. — Американцы — это дети. Мы смеемся над ними.

Жена с тревогой смотрела на своего муженька. К ее удовольствию, разговор скоро перешел на другие темы. И, как всегда, прочно задержался на вопросе войны и мира. На этот раз зачинщиками спора оказались женщины. Гостья доказывала, что не надо рожать детей — не ясно, будет или не будет война.

Миссис Лорри не соглашалась с ней. Нет, обязательно должны быть дети.

— Лучше десять маленьких детей, чем одна большая война, — сказала она как-то так внушительно, что сразу сняла все возражения.

— О да, о да! — согласилась ее отрезвевшая подруга.

...Была уже совсем ночь, когда мы попрощались с семейством мистера Лорри, предварительно все вместе, ступая на цыпочках, заглянув в детскую, где, рассыпав свои черные локоны на белой подушке, спала, тихо посапывая, Чита.

Я не знаю, где сейчас мистер Лорри и его небольшая семья. Не так уж много времени мы провели вместе с ним, но запомнилась эта встреча, видимо, потому, что мы честно говорили друг другу все, что думали, и относились друг к другу с уважением и, как мне кажется, с доверием.

Супруги Лорри с дочерью Читой на регате в Хенлее.

Copyrighted material

Из почты „Огонька"

Высокогорный сад

Далеко внизу осталось ущелье Шах-Дары, притока Гунта; спичечными коробками кажутся белые домики Хорога, а подъем продолжается.

Иногда тропинку перерезают арыки. Они идут на крохотные поля ячменя и люцерны. Кажется удивительным, что среди скал, у подножия вечных снегов может что-то расти и зеленеть.

Подъем окончен, высота над уровнем моря — 2 300 метров, а перед нами большой сад с массой цветов и тенистых деревьев.

Климат Памира суров: знойное, бездождное лето и зимы с пронизывающими ветрами и морозами, нередко превышающими 30 градусов. Коллектив Хорогского ботанического сада Таджикской Академии наук сумел отобрать и вывести такие сорта плодовых деревьев, ягод, винограда, овощей и цветов, которые не боятся ни холода, ни зноя. Хорогский сад — самый высокогорный ботанический сад в нашей стране.

Ряды невысоких абрикосовых деревьев с раскидистой, широкой кроной, более сорока сортов: крупно- и мелкоплодные, яркооранжевые и почти белые, сахаристые, сладкие, как мед, сочные, как персики... Яблоньки ниже человеческого роста; на высоте полуметра от земли их ветви покрыты крупными краснобокими яблоками. Кусты малины, смородины, грядки клубники и земляники.

На огородных делянках двухметровой стеной стоят кукуруза и подсолнечник, разлеглись пудовые кормовые тыквы... Огурцы, картофель, помидоры, капуста...

Фруктовые деревья, овощи, ягоды и виноград растут теперь в высокогорных селениях Памира, там, где еще совсем недавно знали только одно фруктовое дерево — тутовое — и никогда не сажали картофель. Сотрудники сада с улыбкой вспоминают, как несколько лет назад прибежал к ним взволнованный председатель колхоза. «Что делать?—спрашивал он.—Помидоры погибают, стали краснеть...»

Великолепны цветы в Хорогском ботаническом саду! Белая ромашка величиной с чайное блюдечко, яркосиние стрелы высокого дельфиниума, пурпурные мальвы, гладиолусы всех цветов и, наконец, гордость сада — георгины. Тут и бледносиреневые, размером с голову ребенка, и нежнозолотистые, темнокрасные, и совершенно белые.

Научная деятельность Хорогского сада, которым бессменно руководит А. В. Гурский, проходит в теснейшем контакте с практиками сельского хозяйства — колхозниками. Многие сорта овощей и фруктов уже перекочевали с делянок и грядок на поля и в сады колхозов.

Галина ГАНЕЙЗЕР,
кандидат географических наук.

Хорог.

В Пекине все едят фрукты на палочке

«Что вы делали в Пекине?» — спросил я деревенских малышей, вернувшихся домой в Цзянсу. Мальчик начал двигать ртом, как бы жуя что-то, а девочка весело засмеялась и сказала: «Посмотрите, он только и думает о тех глазированных фруктах на палочке, за которыми бегал каждый день на Дуньаньский рынок!» Они оба расхохотались, и мальчик заявил убежденно: «Что ни говори, это самые вкусные вещи во всем Пекине!»

Любой пекинец расскажет вам о многих лакомствах, которыми славится их город, но я заметил, что когда к ним приезжают друзья издалека, пекинцы покупают на Дуньаньском рынке знаменитые засахаренные фрукты на палочке. К сожалению, глазированная сахарная оболочка тает в тепле и легко ломается, поэтому покупателю обычно приходится съедать их на месте, около полочек, на которых фрукты так заманчиво разложены!..

В Москве все едят мороженое, в Пекине все едят засахаренные фрукты на палочке.

Панда

Панда, или кошачий медведь из семейства енотовых, с белой головой и черными очками, черным воротником и белой спинкой, обитает в Гималайских горах, к неволе привыкает очень плохо. Китайские панды, отвезенные в зоопарки Америки и Англии, не прижились там.

При гоминдановском режиме иностранные хозяева Китая устраивали грандиозные охоты на панд, хищнически истребляя этих редких медведей.

Сейчас только три панды живут в неволе — это обитатели Пекинского зоопарка. Они окружены заботливым уходом. Многочисленные посетители зоопарка с восхищением наблюдают за поведением этих интересных животных.

Руй АЛЛИ

Фото Евы Сяо.

Пекин.

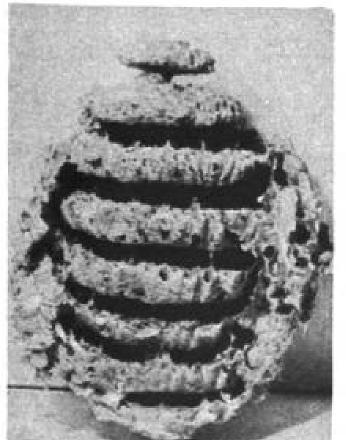
Необыкновенная «ваза»

На этом снимке необыкновенная «ваза», которой не касалась рука ни художников, ни мастеров по резьбе. Ее нашел на чердаке гаража шофер Костопольской районной типографии Игорь Шибковский. Необыкновенную «вазу» изготовили шершни, которые в свое время жили на чердаке. Свое сооружение они употребляли для обогревания личинок. «Ваза» сделана из опилок дерева, скрепленных особым материалом, выделяемым шершнями.

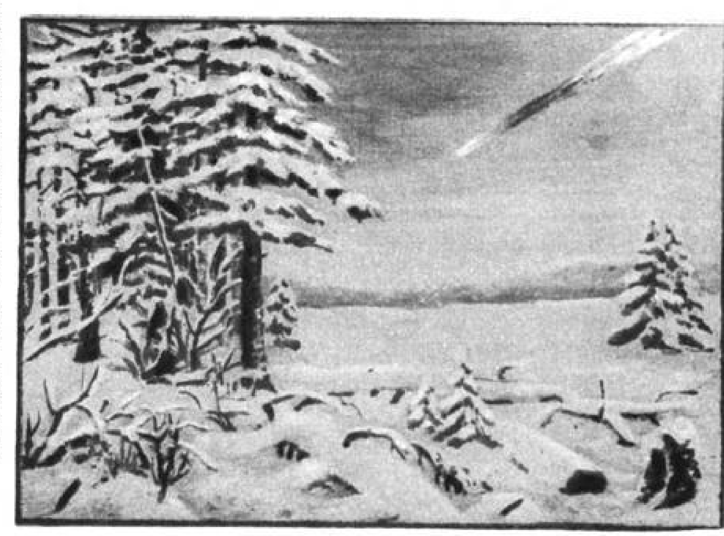
Шершни, как настоящие архитекторы, при строительстве этого своеобразного жилища придерживались правильной симметрии, «рассчитывали» давление каждого этажа, которые держатся в зависимости от размера на определенном количестве ножек.

Л. ЗАКЛЮКА

Костополь,
Ровенской области.



Полет болида



Полет метеорита в районе станции Выя.
Репродукция с картины, сделанной по рассказам очевидцев.

1 февраля 1956 года в 8 часов 30 минут местного времени на Среднем и Северном Урале наблюдался полет крупного болида. По рассказам очевидцев, на рассвете местность вдруг озарил яркобелый мерцающий свет, более яркий, чем в солнечный день. В это время небо прочеркнул болид огненно-белого цвета с оранжевым оттенком. За болидом протянулся белый дымный след. Земную атмосферу болид прошел за 5—6 секунд в северо-западном направлении через населенные пункты Ис, Косья и другие (Средний Урал). После исчезновения болида, через 2—3 минуты, в Нижней Туре, поселке Ис, на станции Выя послышались звуки, похожие на взрывы снарядов, а в поселке Косья наблюдались сотрясения зданий, сильное дребезжание и выпадение стекол.

Полет болида наблюдали также в Свердловске, в Ивделе (Северный Урал).

Уральская комиссия по метеоритам и Комитет по метеоритам Академии наук заняты поисками метеорита.

И. ЮДИН,
ученый секретарь Комиссии по метеоритам.

Свердловск.

Отвечаем читателям

Неразлучные

«В доме отдыха «Васищево», под Харьковом, я увидел в лесу две удивительно сросшиеся сосны. На высоте примерно пяти метров эти деревья, словно боясь разлуки, накрепко соединились ветвями. Как это могло произойти?» — спрашивает читатель Ф. Колодчук.

На этот вопрос отвечает действительный член Всесоюзного географического общества П. Чумак.

Под действием ветра и других причин стирается кора на тесно соприкасающихся ветвях. Обнаженные места, особенно во время сокодвижения, сращиваются, причем впоследствии могут зарасти так прочно, что иногда получается как бы одна общая ветвь у двух соседних деревьев. Кстати, садоводы нередко применяют прививку сближением, то есть сращиванием веток без отделения их от ствола (аблактировка).

Copyrighted material

ТУРНИР ПРЕТЕНДЕНТОВ

Первая половина турнира претендентов позади. Любители шахмат с интересом смотрят на заполненную турнирную таблицу. Кое-что сразу обращает внимание. Явно, например, превосходство советских шахматистов. В 24 партиях с иностранными гроссмейстерами советские участники проиграли только одну, а выиграли девять.

Если 26 партий — больше 50 процентов — закончились вничью, то это не значит, что в Амстердаме борьба ведется осторожно. Нет, она носит острый характер, но при современной технике защиты выигрывать становится все труднее и труднее. Как ни старался Д. Бронштейн в борьбе за лидерство в течение многих часов выиграть партию у Е. Геллера, ничего не получилось. Несмотря на лишнюю пешку, пришлось на 98-м ходу согласиться на ничью.

После первой половины соревнования кое-кто радуется, кое-кто разочарован, а кое-кто и удивлен. Удивил всех Т. Петросян своим неудачным стартом. Сколько раз его упрекали в приверженности к ничейной тактике! И вот Т. Петросян решил начать «новую жизнь», но неудачно: два проигрыша на старте. Результат сенсационный для «непробиваемого» гроссмейстера! Все же боевой стиль игры Т. Петросяна в Амстердаме произвел прекрасное впечатление на голландских зрителей. После седьмого тура мы спросили доктора Эйве: «Вы попрежнему считаете, что победит В. Смыслов или Д. Бронштейн?» Главный судья дал уклончивый ответ: «Т. Петросян играет колоссально!» Превосходными партиями с М. Филипом и Г. Пильником советский гроссмейстер поправил дела, хотя пока он занимает «свое», пятое место.

Основной вопросительный знак в турнирной таблице: почему Д. Бронштейн и В. Смыслов не во главе ее? Опять хочется сослаться на точку зрения доктора Эйве. Мы спросили экс-чемпиона мира, огорчен ли он, что не играет в турнире. «О, нет, ни в коем случае. Наблюдать приятнее со стороны, все виднее!»

Вот «со стороны» Эйве считает, что пока ни Д. Бронштейн, ни В. Смыслов не показали того, чего привык от них ожидать весь шахматный мир. Действительно, много ничьих, один подаренный Т. Петросяном ферзь и один выигрыш — не лучший баланс для Д. Бронштейна, который в Гетеборге провел турнир с таким блеском, что в некоторых журналах на Западе его сравнивали в творческом отношении с А. Алехиным.

У В. Смыслова поначалу казалось, все идет нормально, по намеченному плану. Виртуозно он защитился в трудной борьбе с Т. Петросяном, делал, по словам О. Панно, самые хорошие ходы в их встрече вплоть до капитуляции аргентинского гроссмейстера и до восьмого тура лидировал.

Восьмой тур оказался неудачным для В. Смыслова. Он редко проигрывает партию, тем более играя белыми. Но 16-летнему ленинградскому школьнику Борису Спасскому В. Смыслов проиграл еще в 1953 году на турнире в Бухаресте. Многие тогда говорили, что гроссмейстер «шутил», недооценил своего молодого противника. Теперь Б. Спасский — чемпион мира среди юношей, признанный во всем мире гроссмейстер, и тем более «шуточки» с ним за доской плохие. Борис Васильевич в цейтноте запутал и переиграл «маститого» В. Смыслова. Даже М. Эйве, известный своим спокойствием, был изумлен, с каким хладнокровием Б. Спасский отдал В. Смыслову ферзя и затем в комбинационной буре победил своего грозного противника. Если добавить, что накануне Б. Спасский «выпустил» Е. Геллера и затем даже проиграл ему, то становится ясным, что Б. Спасский плохо удружил В. Смыслову, но зато неплохо «помог» Е. Геллеру.

Когда двое спорят, часто радуется третий. Что Е. Геллер будет играть остро, смело, этого можно было ожидать. Все же, по словам доктора М. Эйве, «лидеру турнира еще немного и «повезло». Увы! Без этого ни в одном состязании не обойтись». Лидер турнира действительно играет предприимчиво, смело. Он упорен в защите худших позиций. «Во второй половине постараюсь удержать лидерство, — говорит Е. Геллер. — Раз я на жеребьевке вытащил первый номер, зачем же мне от него отказываться?».

Неплохие шансы у П. Кереса. Он, как и Д. Бронштейн, не проиграл ни одной партии, мало ошибается и в то же время уверенно наказывает партнера за малейшие погрешности.

Во второй половине турнира борьба, несомненно, будет еще острее. Чем же она закончится? Этого уж теперь никто не скажет. Мы попытались получить ответ у М. Ботвинника, который внимательно следит за ходом борьбы в Амстердаме.

«Какой результат был бы вам приятнее, кому вы больше симпатизируете?» Но чемпион мира, дипломатически улыбнувшись, заметил: «Все равно играть придется с тем, кто займет в Амстердаме первое место».

Во второй половине напряженная борьба будет идти за каждую половину очка: ведь она может оказаться решающей на пути к первенству мира.

С. ФЛОР, международный гроссмейстер.

Из басен древнего Китая

СДВИГАЮТ ГОРЫ

Тайсиньшань и Ванушань — большие горы: до вершины десять тысяч чжан! Чтобы обойти их кругом, надо пройти семьсот ли.

И вот за такими горами на севере жил старый Юйгун, которому вот-вот должно было исполниться девяносто лет.

Трудно приходилось Юйгуну: ходить надо окольными путями, извилистой дорогой, то вверх, то вниз; и чем старше он становился, тем тяжелее делался путь. На исходе восемьдесят девятого года Юйгун потерял терпение. Он собрал всю семью, от малого до старого, и сказал:

— Эти огромные горы портят нам жизнь, мешают ходить в город; из-за них раньше темнеет в доме! Надо их сдвинуть куда-нибудь вбок, тогда откроется прямой путь на Юйчжоу.

Все согласились: так будет лучше! Только жена Юйгуна возразила: «Оцените наши возможности! Мы только горсточка людей. Боюсь, что нам не под силу сравнять даже холм, а что уж говорить про такие огромные горы. И потом, куда же мы денем всю эту землю и каменные глыбы?» «А почему бы не свалить камень и землю в залив?!» — ответили члены семьи. И на этом все успокоились.

С раннего утра Юйгун с семьей взялся разравнивать горы. Помогать пришла даже вдова-соседка с восьмилетним сыном. Работали рьяно, вырытую землю и вывороченные камни возили по дороге в Бохай. Целый год почти не бывали дома.

Неподалеку, на реке Хуанхэ, жил очень хитрый старик, которого прозвали «Береговой умник». Прослышал он про затею Юйгуна, пришел поглазеть и потешиться.

— Почему ты такой дурак? — сказал он Юйгуну.— Прожил столько лет, одной ногой стоишь в могиле, силенки у тебя не хватит даже выдернуть пучок травы, а берешься перетаскать две горы камней и песку?!

Глубоко вздохнул Юйгун и возразил:

— А по-моему, это ты насквозь глуп! Правда, я стар и проживу недолго. Но останутся сыновья, у сыновей родятся внуки, у внуков тоже будут дети,— наши силы не иссякнут, а даже будут возрастать. А что ж горы? Они не могут рождать песок и камни, они не растут ввысь: почему бы их и не сровнять?!

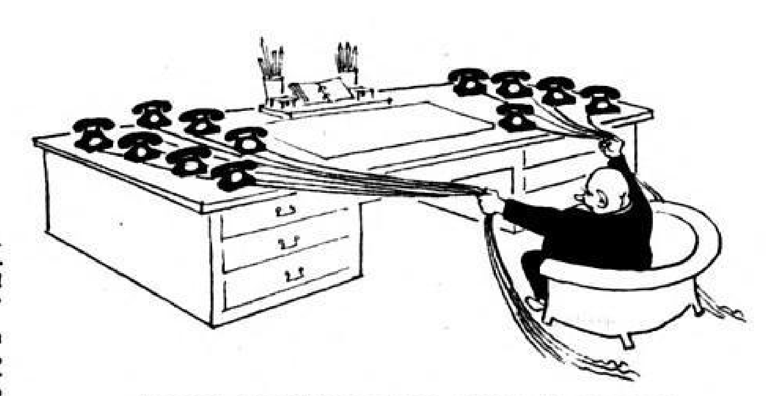
Пять раз открыл рот «Береговой умник», но так и не придумал ответа.

ЯН-БУ БЬЕТ СОБАКУ

Ян-бу надел белый костюм, отправился в гости. Ливень застиг его по дороге, вымочил до нитки, и, придя к приятелю, Ян-бу прежде всего переоделся. Да так и вернулся домой в другом костюме — в черном.

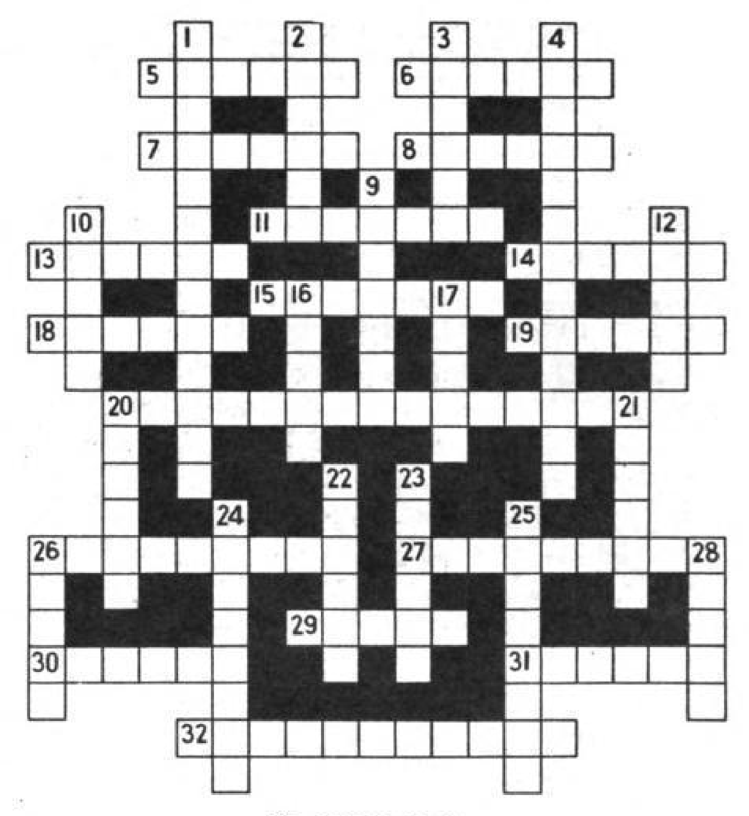
Едва он переступил порог, сторожевая собака с лаем кинулась навстречу. «Ах, подлая! Лаять на меня?!» — разгневался Ян-бу и схватил палку. Но брат Ян-бу возразил: «Не спеши бить, подумай! Если б ты, уходя, оставил белую собаку, а теперь встретил черную,— ты бы ее сразу признал?!»

Перевели с китайского
Л. АКИМОВ
и Е. ЛУКАШЕВИЧ.



Бразды правления одного начальника главка.
Рисунок Ю. Черепанова.

КРОССВОРД



По горизонтали:

5. Поселок в Сибири, в районе которого строится мощная ГЭС. 6. Молодая трава в народной поэзии. 7. Наука. 8. Впадина между горами. 11. Чувство удовольствия. 13. Спортивная игра. 14. Плитка из спрессованного материала. 15. Химический элемент. 18. Непаханая земля. 19. Документ с объединенными сведениями. 20. Одна из основ мирной политики. 26. Жатка для раздельной уборки зерновых культур. 27. Материк. 29. Породистая лошадь. 30. Алюминиевая руда. 31. Предприятие, учреждение. 32. Профессия инженерно-технического работника.

По вертикали:

1. Величественность. 2. Правда. 3. Местность с природными лечебными средствами. 4. Одна из форм оплаты труда в колхозах. 9. Искусственное удобрение. 10. Водный поток. 12. Отросток. 16. Граница. 17. Восьмиэлектродная лампа. 20. Цветок. 21. Река в Сибири. 22. Поселок в Антарктиде. 23. Принадлежность туриста. 24. Часть атома. 25. Транспорт будущего. 26. Дерево или кустарник из рода ивы. 28. Вид искусства.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 16

По горизонтали:

3. Устав. 6. Санитарка. 9. Правительство. 12. Арагон. 13. Арджеш. 15. Атлас. 18. Потенциал. 19. Канталупа. 20. Полтинник. 21. Регламент. 22. Орган. 25. Ингода. 27. Высота. 28. Строительство. 29. Рецептура. 30. Слюда.

По вертикали:

1. Ассистент. 2. Балаклава. 4. Дарвин. 5. Акоста. 7. Драгоценность. 8. Свидетельство. 10. Аргентина. 11. Перламутр. 14. Родос. 15. «Алеко». 16. Скарн. 17. Шпунт. 23. Растрелли. 24. Амплитуда. 26. Апогей. 27. Вистра.

В этом номере на вкладках: работы художников Е. А. Кибрика и Н. Н. Жукова и четыре страницы репродукций картин с Выставки дипломных работ студентов художественных вузов СССР.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05702. Подп. к печ. 19/IV 1956 г. Формат бум. 70 X 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 361. Заказ № 980. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

— Фальшивишь, Генка!

У рояля — воспитанники хорового училища Ленинградской капеллы.

Фото И. Тункеля.

Copyrighted material

Цена номера 3 руб.

Весна в Крыму.
Фото Н. Драчинского.